

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 12, № 3

Июль – сентябрь 2019

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал "Региональные социальные процессы" сменил название на "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика" в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Гаврилюк В. В., Генин В., Голенкова З. Т., Данилов А. Н.,
Докторов Б. З., Егоршин А. П., Енгоян А. П., Зборовский Г. Е., Звонников В. И., Ильиных С. А.,
Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М.,
Силин А. Н., Тараданов А. А., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 12, No. 3

July – September 2019

**PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

**Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko**

Editorial Board
Aleksyenko A. N., Barbakov O. M., Gavriiliuk V. V., Genin V., Golenkova Z. T., Danilov A. N.,
Doctorov B. Z., Egorshin A. P., Engoyan A. P., Zborovsky G. E., Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A.,
Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M.,
Silin A. N., Taradanov A. A., Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 314
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)

Егоршин Александр Петрович

д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Звонников Виктор Иванович

д. пед. н., профессор, генеральный директор Ассоциации организаций развития управленческого образования, член Комитета по развитию профессионального и бизнес-образования Торгово-промышленной палаты РФ

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinayida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Full Member of the Russian Academy of Social Sciences, Independent Analyst and Consultant, Lecturer (USA)

Egorshin Alexander Petrovich

Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Zvonnikov Victor Ivanovich

Doctor of Pedagogy, Professor, Director General of Association of Development of Management Education, Member of Committee on Development of Professional and Business Education of the Chamber of Commerce of the Russian Federation

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Institute of Social and Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Довбыш В.О. Сущность, подходы к определению понятия и способы классификации «инноваций»	9
Рожков Е.В. Социально-экономические проблемы при приватизации (на примере предприятий машиностроительного комплекса Пермского края)	20
Попкова А.А. Социокультурное развитие сельских территорий: ресурсы и инструменты	31
Игнатенко В.А. Управленческие решения развития социального потенциала депрессивных территорий на примере Арктического региона	41
Максимова С.Г., Борисова О.В. Патриотические установки населения Алтайского края (по материалам социологических исследований)	51
Белоножко М.Л., Барбаков О.М., Лихтенштейн Б.М., Костырева Д.А. Оценки перспектив развития г. Тюмени в рамках концепции «Smart-City» в представлении жителей города (социологический ракурс)	58
Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Родной язык и отношение к культуре	74
Мехришвили Л.Л., Скифская К.Н. Ответственное обращение с животными: социально-правовые аспекты регулирующих общественных отношений	85
Фомичев И.Ю., Павлова И.В. Современные тенденции развития моральной регуляции в социуме	98
Маленков В.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Будущее России в представлениях постсоветской молодежи	107
Колин Ю.В. Проблема социального неравенства в контексте формирования в России «общества равных возможностей»	119
Базилевский Э.М. Социологический анализ тенденций формирования личностных особенностей идентификации и уникализации	133

CONTENTS

Dovbysh, V.O. Essence and classification of approaches to a concept of "innovations"	9
Rozhkov, E.V. Social-economic enterprises' privatization (consequences of machine-building complex evidence from Perm Krai)	20
Popkova, A.A. Socio-cultural development of rural areas: resources and tools	31
Ignatenko, V.A. Management decisions on development of social potential of deprived areas using the example of Arctic region	41
Maximova, S.G., Borisova, O.V. Patriotic attitudes of population of the Altai territory (on sociological research)	51
Belonozhko, M.L., Barbakov, O.M., Likhtenshtein, B.M., Kostyreva, D.A. Assessment of Tyumen city prospects and development opportunities towards "Smart City" Concept, as viewed by Tyumen residents (sociological view)	58
Shaikhislamov, R.B., Asadullina, G.R., Sadretdinova, E.V., Korovkina, N.V. Mother tongue and attitude to culture	74
Mekhrishvili, L.L., Skifskaya, K.N. Responsible treatment with animals: social and legal aspects of regulation of public relations	85
Fomichev, I.J., Pavlova, I.V. Modern trends of the moral regulation in society	98
Malenkov, V.V., Farakhutdinov, Sh.F. Future of Russia in the representations of post-soviet youth	107
Kolin, Yu.V. The problem of social inequality in the context of the formation of an "equal opportunity society" in Russia	119
Bazilevsky, E.M. Sociological analysis of tendencies forming personal features of identification and unique	133

СУЩНОСТЬ, ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ И СПОСОБЫ КЛАССИФИКАЦИИ «ИННОВАЦИЙ»

Вадим Олегович Довбыш¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих работ по определению сущности понятия «инновация» и способов его структурирования и классификации. Рассмотрен и проанализирован ряд классических и современных трактовок понятия, приведены авторские подходы к классификации, сформулированные в различных областях знания (экономика, техника, философия, управление, социология и другие). В первую очередь феномен инноваций рассматривается и понимается как сквозной процесс, пронизывающий широкий круг сфер человеческой деятельности, катализатором которого является стремительно возрастающий темп изменений, происходящих в современном обществе. В заключение работы сформулировано авторское релевантное (междисциплинарное) определение понятия инновации, имеющего возможность быть использованным в различных областях знания. Сформулированное в результате исследования определение выступает основанием для дальнейшего изучения инноваций и их влияния на современное общество, в частности в категориальном поле социологии управления.

Ключевые слова: темп изменений, подходы продуктовый и процессный, инновации.

Essence and Classification of Approaches to a Concept of "Innovations"

Vadim O. Dovbysh¹

¹*Department of Marketing and Government Administration, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of existing works on the definition of the concept of "innovation" and the ways of its structuring and classification. Classical and modern interpretations of the concept of "innovation" were reviewed and analyzed, the author's approaches for classification in various fields of knowledge such as economics, technology, philosophy, management, sociology, etc. were presented. First of all, the phenomenon of innovation is considered and understood as a cross-cutting process that permeates a wide range of spheres of human activity, the catalyst of which is the rapidly increasing pace of changes taking place in modern society. In conclusion, the author formulated the relevant (interdisciplinary) definition of the concept of innovation, which has the ability to be used in various fields of knowledge. The definition formulated as a result of the study is the basis for further study of innovations and their impact on modern society, in particular in the categorical field of sociology of management.

Keywords: changes, approaches product and process, innovations.

Введение

Инновации и процессы, обусловленные этим феноменом, получили повсеместное распространение в современном обществе и выступают предметом исследований ученых из различных сфер: экономики, техники, философии, управления, социологии и других. Сегодня актуальным направлением деятельности в области инноваций является проведение междисциплинарных исследований, определение характера и степени влияния феномена на социум.

Можно утверждать, что разработка вопроса инноваций и актуализации результатов исследований должна носить перманентный характер, что обусловлено постоянно возрастающим темпом протекающих изменений в современных условиях жизнедеятельности человека, пребывающего в среде, имеющей, на наш взгляд, довольно емкую и понятную характеристику, — VUCA-мир (*volatility, uncertainty, complexity, ambiguity* —

нестабильность/изменчивость, неопределенность, сложность, неоднозначность) [1]. Таким образом, окружающая среда диктует условия, согласно которым человеку необходимо быстро воспринимать и обрабатывать огромный объем информации, принимая множество решений, зачастую находясь в стрессовом состоянии.

Одним из инструментов (способов) для междисциплинарного становления и развития исследований является классификация инноваций. Она обеспечивает интеграцию разнообразных представлений, структурируя накопленные знания, приводя их в состояние высокой информативности и практической применимости. Также классификация позволяет установить значимость и степень влияния инноваций на качественные и количественные аспекты состояния человеческого бытия. На основе существующих подходов к определению и классификации можно проследить разработанность вопроса на отечественном и международном уровне от стадии генезиса до современных трактовок понятийного аппарата, например, в работах С.Н. Полянского, В.Ю. Лапшина, В.А. Иванова, Н.П. Ветрова и других исследователей [2–5].

На наш взгляд, определение сущности и классификации феномена «инновация» на сегодняшний день является одной из самых сложных проблематик. Во-первых, в связи с неоднозначным толкованием понятия, постоянно получающим новые описательные признаки, вносящие изменения в его сущность. Во-вторых, стремление ряда ученых с одной стороны разместить все новые определения в существующие и апробированные подходы к классификации при этом выходя за рамки, предусмотренные этими подходами, определяющие смысловую нагрузку и содержание критериев, и с другой стороны изобилие авторских классификаций периодически дублирующих существующие подходы, либо не имеющие целостности представленных решений. Отсутствие единого подхода влечет за собой практические трудности, наглядно проявляющиеся в таких процессах, как формирование нормативно-правовых баз; написание программ и концепций социально-экономического развития; разработка стратегий инновационного роста государства и так далее.

В связи со сложившейся ситуацией эффективным видится решение, предусматривающее рефлексию результатов исследований зарубежных и отечественных ученых в различных областях знания для выработки подхода к восприятию инноваций, практически применимого с позиции управленческой категории, берущей во внимание особенности понятия на междисциплинарном уровне.

Исходя из вышеизложенного, цель представленной работы — посредством анализа существующих исследований в области инноваций и разработанных подходов к их определению и классификации сформулировать авторское релевантное (междисциплинарное) определение понятия феномена инновации, имеющего возможность быть использованным в различных областях знания.

Согласно поставленной цели были определены задачи исследования: проанализировать существующие подходы к определению и классификации феномена инновации; продемонстрировать многогранность понятия «инновация» и подходы к его определению; дать авторское определение феномену «инновация»; представить теоретические выводы и обозначить перспективы развития исследования.

Основой для исследования послужили диссертационные работы, монографии, научные публикации и международные методологические документы в сфере инноваций и инновационной деятельности.

Вопросами терминологии, сущности и классификации инноваций занимались многие ученые, среди которых: А.И. Пригожин, Ю.В. Яковец, Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетр, Н.И. Лапин, А.В. Васильев, Э.А. Уткин, Г.И. Морозова, Е.А.Кретова, О.Д. Нечаева, Ф.Ф. Безрудный, Г.А. Смирнова, В.В. Горшков, Б. Твисс, А.Б. Титов и другие.

Материалы и методы

В соответствии с поставленной целью и задачами в статье были использованы следующие методы исследований: анализ, синтез, обобщение, диалектический, системный и другие. Так, диалектический метод исследований позволил зафиксировать текущее состояние вопроса и определить тенденции, по которым будут развиваться научные исследования в области осмысления сущности и применимости понятия «инновация»; системный метод был применен в процессе исследования различных способов классификации инноваций; методы анализа и синтеза позволили сформулировать авторскую трактовку феномена инновации и так далее.

Использованные в данной работе методы, а также научная монография С.Р. Яголковской «Психология инноваций: подходы, модели, процессы» (2010 год), международный методологический документ в сфере инноваций и инновационной деятельности, совместная публикация ОЭСР и Евростата «Руководство Осло: рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям» (2010 год) и диссертационные работы (Н.И. Ключева «Управление социально-инновационным развитием организации» (2018 год); А.В. Стомба «Традиция и новация в развитии современного российского общества» (2015 год); В.Б. Тарабаева «Управление конфликтами инновационного развития вузов» (2009 год); Т.А. Столярова «Инновации как социальный феномен» (2009 год); В.В. Жабина «Риски инновационного развития общества: социально-философский анализ» (2013 год); Е.А. Малянов «Социально-культурная инноватика: методология, теория и практика» (2011 год); Н.В. Басов «Становление и развитие инновации в процессе самоорганизации социальных систем» (2009 год) подтверждают актуальность вопросов исследования.

Результаты и обсуждение

На сегодняшний день термин «инновация» в разного рода словосочетаниях и формах пользуется большой популярностью и широкой применимостью, например, «Стратегия инновационного развития РФ до 2020 года», «инновационная политика государства/предприятия», «инновационный кластер», «конкурс инноваций», «рейтинг инновационного развития», «концепция инновационного человека», «инновационное образование» и так далее. Характерной чертой почти любого подобного словосочетания является отсутствие у общества единого смысла относительно понятия инновации. В свою очередь, за редким исключением иначе, широкоупотребимое понятие инноваций используется с целью сформировать позитивный образ объекта/процесса или попросту выступает синонимом чего-либо нового.

Основной проблемой в данном контексте является отсутствие возможности предметного контроля качества результата объекта/процесса, что вытекает из непонимания смысловой нагрузки феномена инноваций, а, как мы можем видеть, понятие повсеместно внедрено от локального до глобального уровней и устойчиво закрепились в сферах государственной власти, коммерческих организациях, системе образования и так далее.

Преследуя цель сформулировать авторское релевантное (междисциплинарное) определение понятия феномена инновации, имеющего возможность быть использованным в различных областях знания, обратимся к теоретико-методологическим аспектам исследования инноваций.

Начиная рассмотрение понятия, мы относим его к разряду всеобщих, широких и структурно сложных категорий, которое имеет множество подходов для раскрытия его содержания. Само слово «инновация» берёт происхождение от лат. Innovare — изменять, совершенствовать, и его центральное значение имеет отношение к обновлению. В широком смысле сущность понятия была сформулирована в работе «Теория экономического развития» основоположником теории инноваций, австрийским ученым Й. Шумпетером в

конце XIX века [4]. Он определил специфическое содержание инновации как «изменения», а главную функцию инновационной деятельности, в свою очередь, как «функцию управления изменениями». Наибольшая степень разработанности вопроса инноваций присуща экономической сфере, что обуславливается первоначальным фактом введения понятия именно в этой области, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на формирование понимания феномена в других областях знания. Рассматривая подход Й. Шумпетра, акцентируем внимание на том, что он определяет инновацию и как продукт/услугу, и как инновационные процессы, способы организации производства, новые технологические процессы, создание новых рынков и изменения их структуры. Что укладывается в наше понимание объектного и процессного подходов к определению инновации.

При трактовке понятия Й. Шумпетром стоит учитывать, что инновации прежде всего рассматриваются как применение уже существующих ресурсов и благ. Цель изменений, которую определяет Й. Шумпетр, заключается в реализации и применении новых: видов товаров производства; производственных средств; транспортных средств; организационных форм в промышленности и рынков. Что в результате должно произвести экономический эффект. «Производственная функция описывает количественное изменение продукта с учетом изменений во всей совокупности воздействующих на него факторов. Если в сумме факторов мы изменим форму функции, то получим инновацию» [6]. Й. Шумпетр оказал существенное влияние на формирование последующих теорий, доказав, что инновации являются движущей силой экономического развития в ходе динамического процесса, при котором старые технологии заменяются новыми, используя при этом понятие «созидательное разрушение», введенное впервые немецким экономистом В. Зомбартом в работе «Война и капитализм» 1913 г.

Обращаясь к трудам Й. Шумпетра как основателя классической теории инноваций, стоит учитывать и тот факт, что на ее формирование повлияли результаты, представленные в теории больших циклов (длинных волн). Автором этой теории является Н.Д. Кондратьев, который установил в своей работе взаимосвязь между большими циклами и техническим развитием производства и доказал волнообразный характер процесса, анализируя информацию о научно-технических открытиях. В теории сами инновации одновременно рассматриваются и как катализатор повышательной тенденции, и как конец предыдущей волны согласно законам большого цикла. На основе теории длинных волн Й. Шумпетер выстраивает взаимосвязь инновационных процессов с циклическим развитием экономики. Ученые А. Клайнкнехт, Д. Ван Дайн, С. Кузнец, Г. Менш [7] также являются последователями теории больших циклов.

На сегодняшний день не существует единой общепринятой системы комплексно характеризующей инновации, описывающей их содержание и подходы к определению. И перед тем, как рассмотреть виды инноваций и саму классификацию, обратимся к ряду определений и трактовок для наглядного представления ключевых отличий и общих черт (таблица 1) [8–16].

В рамках поставленной цели и задач исследования был изучен объемный перечень подходов к определению инноваций, среди которых:

- объектный, представителями которого выступают Э.А. Гейгера, С. Менделля, В.А. Руба, А.Н. Фоломьев, Д. Эннис, Ф. Янсен. Понятие инновации раскрывается как внедренное новшество и получение конечного результата [17; 18];
- процессный, представителями которого являются Д. Брайт, Ф. Валента, Водачек, С.Ю. Глазьев, Т. Иорд, В.Н. Лапин, В.Г. Медынский, Ф. Никсон, Д. Тисс, Б. Твисс, К. Фримен, Х. Хартманн, Й. Шумпетер и другие. Понятие инновации рассматривается как процесс, в течение которого на определённых его этапах могут быть получены новые методы, товары или технологии [19; 20].

Таблица 1. Анализ определений инноваций

Автор/источник	Определение	Ключевые недостатки трактовки
Большая российская энциклопедия	Конечный результат научно-технического или иного творчества, приводящего к существенному изменению жизнедеятельности человека, общества, природы. Инновация представляет собой материализованный результат, полученный от вложения капитала в новую технику или технологию, в новые формы организации производства, труда, обслуживания, управления и тому подобное	Инновации однозначно рассматриваются с позиции конечного продукта, исключая возможность понимания в виде процесса
Краткий терминологический словарь: Статистика науки и инноваций	Инновация (нововведение) — конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам	
V.A. Thompson	Продуцирование, принятие и использование новых идей, процессов, продуктов и услуг	Рассматривается как цельный процесс от стадии создания до эксплуатации, отсутствует понимание качественного результата и особенностей происходящего процесса
L. Mohr, V. Lawrence	Успешное приложение к данной ситуации новых средств и методов	Отсутствует возможность оценить «успех» действия
R.M. Cyert, J.G. Mazch	Новое решение (проблемы, задачи), которое возникает на индивидуальном, групповом или организационном уровнях	Отсутствует факт фиксации позитивных изменений
Современный экономический словарь	Нововведения, используемые в разных областях техники или технологии, организации труда, управления, базирующиеся на применении результатов научной деятельности и передового опыта	
P. Смитс	Успешная комбинация организационного ресурса с технологиями и оборудованием, применимо к конкретной экономической или социальной модели	Отсутствует возможность оценить «успех» действия
Руководство Осло	Инновация есть введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях	Не предусмотрен характер динамики изменений, не очевидно достижение качественного принципиально нового результата
Ф. Безрудный, Г. Смирнова, О. Нечаева	Инновация — это процесс реализации новой идеи в любой сфере жизни и деятельности человека, способствующей удовлетворению существующей потребности на рынке, и приносящей экономический эффект	Ограничено рамкой непосредственного финансового эффекта

- структуралистский и процессуально-ориентированный подходы, автором выступает С.Р. Яголковский, который проводит анализ зарубежной и отечественной литературы в монографии: «Психология инноваций. Подходы, модели, процессы» [21]. Первый рассматривает инновацию с позиции жесткой структуры с наличием строго фиксированных элементов. Особенностью подхода выступает статичность формы инновации на всех этапах существования. Со стороны процессуально-ориентированного подхода, являющегося антиподом структуралистского, инновация выступает динамичной категорией, способной видоизменяться на любом этапе ее развития.

- социологический подход, представителями которого выступают Е. Витте, К. Фримен, Э. Денисон и другие, определяет инновации как процесс обновления сфер жизнедеятельности человека в переформатировании социума [22]. Как правило, эти инновации могут быть направлены на ликвидацию социальных потребностей, реализацию новшества в моделях взаимодействия группа-индивид и межгрупповая коммуникация, развитие или формирование доступной среды, включающей общедоступные средства и ресурсы.

Также были проанализированы подходы: исторический, процессно-финансовый, процессно-утилитарный, собственно-объектный, объектно-утилитарный [17; 23–25]. Среди всех рассмотренных подходов, на наш взгляд, наиболее разработанными и логичными, раскрывающими сущность понятия, являются объектный и процессный подходы, раскрывающие сущность феномена инноваций, сохраняя его первоначальный смысл, и при этом, позволяя видоизменяться, соответствуя современным условиям существования общества. При разработке и формулировании авторского определения феномена инноваций принципиальным решением стало отнесение понятия к подвижной категории, процессу, что, в свою очередь находит отклик в основополагающих принципах процессного и частных особенностей процессуально-ориентированного подходов. Далее, для целостности процесса исследования, обратимся к видам и способам классификации инноваций.

Руководство Осло включает в себя четыре вида инноваций:

- процессные инновации обеспечивают изменения применительно к методам производства и способам доставки товара. Также к этому виду относят новое или функционирующее, но существенно усовершенствованное оборудование или ПО, предназначенное для вспомогательной деятельности предприятия (бухгалтерский учет, снабжение, текущий ремонт, вычисления и так далее). Отличительной чертой выступает ориентированность на повышение эффективности в работе вспомогательного направления;

- продуктовые, направленные на принципиальные изменения свойств производимого товара или оказываемой услуги. К этому виду можно отнести как новую продукцию предприятия, так и существенно улучшенную услугу или товар из существующих. Для продуктовых инноваций свойственно применение новых знаний и эффективное комбинирование уже существующих;

- маркетинговые инновации ориентированы на воплощение нового метода маркетинга, обеспечения изменений в дизайне или упаковке продукта, варьирования цен, продвижения и закрепления на рынке. Вектор маркетинговых инноваций сформирован запросами потребителя, ориентирован на открытие новых рынков или выход на новые позиции для продуктов компании, цель — увеличение объема продаж;

- организационные инновации имеют направленность на повышение эффективности процессов функционирования предприятия и как правило осуществляются посредством методов сокращения оперативных затрат и административных расходов, повышения степени показателя удовлетворённости сотрудников относительно рабочего пространства и др. Принципиальная отличительная черта данного вида инновации от всех прочих организационных изменений выражается в реализации нового метода по результатам стратегического решения руководства, и еще не имеющего опыта реализации на площадке предприятия.

Проанализировав предлагаемые документом (руководство Осло) виды инновации, можно выделить их объединяющий признак, устанавливающий входной порог для статуса инновационный на уровне «новое для предприятия», подразумевающий, что метод, продукт или процесс, заимствованный у других организаций, является инновацией, если он ранее не был реализован именно на этом предприятии. Согласно этому критерию, сформировалось три концепции для инноваций, новое для «предприятия», «рынка», «всего мира».

Распространённой классификацией инноваций является подразделение их по уровню новизны: эпохальные, радикальные (базисные), инкрементальные (улучшающие) и псевдоинновации [26].

Нобелевский лауреат Саймон Смит Кузнец ввел понятие «эпохальные инновации» в 1971 году. Так он обозначил изменения, происходящие один раз в несколько столетий, которые вызывают глубочайшие трансформации и определяют переход к новому экономическому или технологическому способу производства. Он считал, что вся экономическая история подразделяется на эпохи, характеризующиеся определенным эпохальным нововведением. Эпохальными инновациями считаются появление письменности, освоение земледелия, изобретение огнестрельного оружия и другие.

Важным является выделение и соотнесение инкрементальных (улучшающих) и радикальных (базисных) инноваций. Большая часть инноваций всегда относится к первой категории. Инкрементальные инновации направлены на улучшение и доработку уже существующего процесса, модели, технологии и далее по видам. Востребованность таких инноваций обусловлена со стороны стабильно развивающегося общества. Такой тип инноваций изменяет окружающий мир планомерно, поступательно и не влечет за собой резких перемен в технологиях и устоявшемся укладе жизнедеятельности большинства членов общества [27; 28].

Довольно часто в научной литературе встречается определение инноваций по глубине вносимых изменений, подразделяющихся на «порядки» от нулевого до седьмого (таблица 2) [29].

Таблица 2. Определение инноваций по глубине вносимых изменений

Порядок	Инновации, связанные с/ориентированные на
Нулевой	Сохранение и поддержание изначальных свойств системы с возможностью частичного обновления ее функционала
Первый	Изменения количественных характеристик системы
Второй	Частичное изменение структуры системы с целью улучшения качества ее функционирования
Третий	Частичное изменение элементов и подструктур системы для обеспечения оптимального их взаимодействия
Четвертый	Элементарные качественные изменения, которые выходят за рамки адаптивных
Пятый	Возникновение нового поколения услуг, товаров или технологий, при этом изменяются большинство или все характеристики системы, оставляя неизменность первоначальной структурной концепции системы
Шестой	Качественное изменение первоначальных характеристик системы, при этом не изменяя ее функционального принципа
Седьмой	Высшие изменения в базовых функциональных характеристиках системы или ее частях

Также в рамках исследования были рассмотрены следующие виды инноваций: радикальные, псевдоинновации, реинновации, эндогенные, экзогенные, непрерывные, продолжительные, превентивные и другие [30–34].

Изучив и сопоставив существующие подходы к определению и способы классификации инноваций, наглядно демонстрируется отсутствие единой системы, позволяющей упорядочить и зафиксировать многогранность феномена и его сущности, что находит свои негативные проявления в социальных процессах, лишая возможности предметного контроля качества результатов инновационной деятельности.

Выводы

На сегодняшний день в области инноваций происходит тщательный анализ и критическая оценка устоявшихся теорий, параллельно активно идет разработка новых, уточняющих и расширяющих область понятия. Большое внимание уделяется эмпирическим исследованиям инновационных систем и процессов. Также инновационный процесс постоянно масштабируется, вовлекая новых участников из различных сфер, что позволяет ему быть более рефлексивным, так как предоставляется возможность осуществлять взаимную оценку и выявлять позитивные и негативные его составляющие. Инновации давно вышли за рамки исключительно экономического понятия и постепенно становятся объектом исследования все большего количества областей знаний, это позволяет приблизиться к более системной категории, что является необходимостью для успешного осуществления инновационного процесса, пронизывающего широкий круг сфер жизнедеятельности человека.

Так, воспринимая инновации как сквозной процесс, пронизывающий широкий круг сфер человеческой деятельности, катализатором которого является стремительно возрастающий темп изменений, происходящих в современном обществе, было сформулировано следующее авторское определение феномена: инновация — это подвижная категория, способная видоизменяться под воздействием социальных, экономических, политических и других факторов, представленная процессом, направленным на достижение качественно превосходящего результата, посредством разработки принципиально новых или улучшения существующих решений (способов, методов, технологий и так далее), со свойственной и характеризующей его высокой динамикой протекающих позитивных изменений, проявляющихся в качественном и/или количественном выражении.

В качестве перспективы развития исследований видится разработка вопроса в категориальном поле социологии управления применительно к системе высшего образования, где сформулированное в результате представленной работы определение будет выступать основанием для дальнейшего изучения инноваций и их влияния на современное общество.

Библиографический список

- [1] Stiehm J.H., Townsend N.W. The U.S. Army War College: Military Education in a Democracy. – Philadelphia: Temple University Press, 2002. – P. 6.
- [2] Ветров Н.П., Зыкова М.Е., Шманев С.В. Проблемы формирования инновационного развития экономики России // Вестник научно–исследовательского института развития профессионального образования. Серия Экономика и управление. – 2009. – Вып. 1 – С. 136–144.
- [3] Иванов В.А. Методологические основы инновационного развития агропромышленного комплекса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – Вып.2. – С. 50–59.
- [4] Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – Москва: Эксмо, 2007. – 864 с.
- [5] Полянский С.Н., Лапшин В.Ю. Современные тенденции в развитии инноваций: межстрановое сравнение // Вестник Тамбовского университета Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – №4. – С. 150–156.
- [6] Твисс Б. Управление научно–техническими нововведениями. – Москва: Экономика, 1989. – 184 с.
- [7] Mensch G. Theory of Innovation. – Berlin: International Institute of Management, 1973. – 204 p.
- [8] Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / Под ред. Ю.С. Осипов. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2005. – 238 с.

- [9] Статистика науки и инноваций: Краткий терминологический словарь / Под ред. В.Б. Жукова – Москва: ЦИСН, 1998. – 98 с.
- [10] Thompson V.A. Bureaucracy and innovation // *Administrative Science Quarterly*. – 1965. – No 10. – P. 1–20.
- [11] Mohr L.B., Lawrence B. Determinants of Innovation in Organizations // *American Political Science Review*. – 1969. – No 63. – P. 111–126.
- [12] Cyert R.M., Mazch J.G. A Behavioral Theory of the Firm. – NJ, Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963. – 332 p.
- [13] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2010. – 512 с.
- [14] Smits R. Innovation studies in the 21st century: Questions from a user’s perspective // *Technological Forecasting & Social Change*. – 2002. – No 69. – P. 861–883.
- [15] Руководство Осло: рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rii-vuz.extech.ru/doc/oslo.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).
- [16] Безрудный Ф., Смирнова Г., Нечаева О. Сущность понятия инновации и его классификация // *Инновации*. – 1998. – № 2–3. – С. 98.
- [17] Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). – Москва: Политиздат, 1989 – 271 с.
- [18] Петров В.В. Инновационный менеджмент: учеб. пособие. – Москва: ИД «Равновесие», 2006. – 191 с.
- [19] Рупосов В.Л., Чернышенко М.С. Управление инновационными процессами: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – 148 с.
- [20] Ефимов В.В., Самсонова М.В. Управление процессами: учебное пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – С. 222.
- [21] Swan J., Newell S., Scarbrough H., Hislop D. Knowledge management and innovation: networks and networking // *Journal of Knowledge Management*. – 1999. – Vol. 3, No 4. – P. 262–275.
- [22] Moulaert F., Martinelli F., Swyngedouw E., Gonzalez S. Towards Alternative Model(s) of Local Innovation // *Urban Studies*. – 2005. – Vol. 42, No 11. – P. 1969–1990.
- [23] Wolfe R.A. Organizational innovation: review, critique and suggested research directions // *Journal of Management Studies*. – 1994. – Vol. 31, No 3. – P. 405–431.
- [24] Clark P.A. *Anglo-American Innovation*. – New York: De Gruyter, 1987. – 859 p.
- [25] Scarbrough H., Corbett J.M. *Technology and Organization: Power, Meaning and Design*. – London: Routledge, 1992. – 124 p.
- [26] Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – Москва: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2004. – 444 с.
- [27] Безрудный Ф.Ф., Смирнова Г.А., Нечаева О.Д. Сущность понятия инновация и его классификация // *Инновации*. – 1998. – No 2–3. – С. 3–13.
- [28] Фахтутдинов Р.А. *Инновационный менеджмент*. Москва: Эксмо, 2008. – 448 с.
- [29] Основы инновационного менеджмента: Теория и практика: учеб. Пособие / Под ред. П.Н. Завлина и др. – Москва: ОАО “НПО “Издательство “Экономика””, 2000. – 475 с.
- [30] Cheng C.Y., Shiu E.C. Re-innovation: The construct, measurement, and validation // *Technovation*. – 2008. – No 28. – P. 658–666.
- [31] Rothwell R., Gardiner P. Invention, Innovation, Re-innovation and the Role of the User: A Case Study of British Hovercraft Development // *Technovation*. – 1985. – No 3. – P. 167–186.
- [32] McAdam R. A multi-level theory of innovation implementation. Normative evaluation, legitimization and conflict // *European Journal of Innovation Management*. – 2005. – Vol. 8, No 3. – P. 373–388.

- [33] Яголковский С.Р. Психология инноваций. Подходы, модели, процессы. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 171 с.
- [34] Rogers E.M. Diffusion of innovations. – New York: Free Press, 1995. – 98 p.

References

- [1] Stiehm, J.H., & Townsend, N.W. (2002). *The U.S. Army War College: Military Education in a Democracy*. Philadelphia: Temple University Press.
- [2] Vetrov, N.P., Zykova, M.E., & Shmanev, S.V. (2009). Problems of formation of innovative development of the Russian economy. *Bulletin of the Research Institute for the Development of Vocational Education. Series of Economics and Management*, 1, 136–144.
- [3] Ivanov, V.A. (2008). Methodological foundations of the innovative development of the agro-industrial complex. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2, 50–59.
- [4] Schumpeter, J. (2007). *The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Eksmo.
- [5] Polyansky, S.N., & Lapshin, V.Yu. (2013). Modern trends in the development of innovation: a cross-country comparison. *Bulletin of the Tambov University Series: Humanities*, 4, 150–156.
- [6] Twiss, B. (1989). *Scientific and technological innovation management*. Moscow: Ekonomika.
- [7] Mensch, G. (1973). *Theory of Innovation*. Berlin: International Institute of Management.
- [8] Osipov, Yu.S. (Ed.). (2004). *Great Russian Encyclopedia*. Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya.
- [9] Zhukov, V.B. (1998). *Statistics of Science and Innovation: A Brief Terminological Dictionary*. Moscow: TSISN.
- [10] Thompson, V.A. (1965). Bureaucracy and innovation. *Administrative Science Quarterly*, 10, 1–20.
- [11] Mohr, L.B., & Lawrence, B. (1969). Determinants of Innovation in Organizations. *American Political Science Review*, 63, 111–126.
- [12] Cyert, R.M., & Mazch, J.G. (1963). *A Behavioral Theory of the Firm*. NJ, Englewood Cliffs: Prentice–Hall.
- [13] Raizberg, B.A., Lozovsky, L.Sh., & Starodubtseva, Ye.B. (2010). *Modern Economic Dictionary*, 6th ed. Moscow: INFRA–M.
- [14] Smits, R. (2002). Innovation studies in the 21st century: Questions from a user's perspective. *Technological Forecasting & Social Change*, 69, 861–883.
- [15] The Oslo Handbook: Recommendations for the Collection and Analysis of Innovation Data. Retrieved from <http://rii-vuz.extech.ru/doc/oslo.pdf>
- [16] Bezrudny, F., Smirnova, G., & Nechaeva, O. (1998). The essence of the concept of innovation and its classification. *Innovations*, 2–3, 98.
- [17] Prigogine, A.I. (1989). *Innovations: incentives and obstacles (social problems of innovation)*. Moscow: Politizdat.
- [18] Petrov, V.V. (2006). *Innovative management*. Moscow: Publishing House "Equilibrium".
- [19] Ruposov, V.L., & Chernyshenko, M.S. (2010). *Management of innovation processes*. Irkutsk: ISTU publishing house.
- [20] Efimov, V.V., & Samsonov, M.V. (2008). *Process management: a tutorial*. Ulyanovsk: UISTU.
- [21] Swan, J., Newell, S., Scarbrough, H., & Hislop, D. (1999). Knowledge management and innovation: networks and networking. *Journal of Knowledge Management*, 3(4), 262–275.
- [22] Moulaert, F., Martinelli, F., Swyngedouw, E., & Gonzalez, S. (2005). Towards Alternative Model(s) of Local Innovation. *Urban Studies*, 42(11), 1969–1990.
- [23] Wolfe, R.A. (1994). Organizational innovation: review, critique and suggested research directions. *Journal of Management Studies*, 31(3), 405–431.
- [24] Clark, P.A. (1987). *Anglo–American Innovation*. New York: De Gruyter.

- [25] Scarbrough, H., & Corbett, J.M. (1992). *Technology and Organization: Power, Meaning and Design*. London: Routledge.
- [26] Yakovets, Yu.V. epoch–Making innovations of the XXI century. Moscow: CJSC "Publishing house "Economy", 2004. 444 p.
- [27] Bezududny, F.F., Smirnova, G.A., & Nechaeva, O.D. (1998). The essence of the concept of innovation and its classification. *Innovations*, 2–3, 3–13.
- [28] Fakhtutdinov, R.A. (2008). *Innovative management*. Moscow: Eksmo.
- [29] Zavlin, P.N. (Ed.). (2000). *Fundamentals of innovation management: Theory and practice: Proc. Manual*. Moscow: OAO NPO Ekonomika Publishing House.
- [30] Cheng, C.Y., & Shiu, E.C. (2008). Re–innovation: The construct, measurement, and validation. *Technovation*, 28, 658–666.
- [31] Rothwell, R., & Gardiner, P. (1985). Invention, Innovation, Re–innovation and the Role of the User: A Case Study of British Hovercraft Development. *Technovation*, 3, 1985, 167–186.
- [32] McAdam, R. (2005). A multi–level theory of innovation implementation. Normative evaluation, legitimization and conflict. *European Journal of Innovation Management*, 8(3), 373–388.
- [33] Yagolkovsky, S.R. (2011). *Psychology of Innovation. Approaches, models, processes*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
- [34] Rogers, E.M. (1995). *Diffusion of innovations*. New York: Free Press.

Получена / Submitted: 29/07/2019

Доработана / Revised: 12/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 20/08/2019

УДК 338.246.025.88(740.53)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПРИВАТИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Евгений Викторович Рожков¹

¹*АО АКИБ «Почтобанк», Пермь, Российская Федерация*

Аннотация. В статье акцентировано внимание на научное исследование происходящих экономических проблем при переходе собственности из государственной в частную, и соответственно складывающихся социально-экономических отношениях между работниками приватизированных предприятий и новыми частными владельцами. Изучив работу приватизированных предприятий, автором была рассмотрена возможность научной аргументации эффективности приватизации. В статье отмечено, что проведение анализа последствий приватизации машиностроительного комплекса в регионе сегодня актуально. Показано, что на предприятиях региона имеется ряд социальных проблем. Проведённая аналитико-исследовательская работа представлена оценкой социально-экономических последствий на приватизированных государственных предприятиях в Пермском крае. Представленное исследование базируется на теоретическом методе исследования, которое показало, что в большей части собственники предприятий недостаточно уделяют внимания социальному положению своих работников. В данном исследовании рассматривается вопрос о необходимости установления системы мер поддержки машиностроительного комплекса в рамках концепции промышленной политики Пермского края. Научная новизна заключается в исследовании положения работников промышленных предприятий машиностроительного комплекса региона, связанного с социальным и экономическим контекстом. Рассматривается одно из направлений преодоления имеющихся проблем недостаточной доступности жилья для работников предприятий, что позволяет автору в заключении сформулировать направление совершенствования имеющегося положения. На основе обобщения полученных данных в статье сделаны выводы, и приведены рекомендации, которые могут учитываться советом директоров промышленных предприятий Пермского края при разработке программ и дорожных карт по развитию промышленных предприятий региона.

Ключевые слова: приватизация, Пермский край, машиностроительный комплекс, работники предприятий.

Social-Economic Enterprises' Privatization (Consequences of Machine-Building Complex Evidence from Perm Krai)

Evgeniy V. Rozhkov¹

¹*Postobank, Perm, Russian Federation*

Abstract. In the article, current economic processes of state property becoming private one, and, consequently, newly-forming social-economic relations between employees of privatized companies and new private owners are emphasized. Having studied the work of privatized companies, author examined the possibility of scientific argumentation of privatization efficiency. The article mentions that the results of privatization do not correspond to the stated goals, therefore, analysis of consequences of machine-building complex privatization in the region is essential. It is shown that there exists a number of social problems in the regional companies. Analytic and research work is presented by evaluation of social-economic consequences in the privatized companies of Perm region. The research is based on the theoretical method, which shows that most owners of the companies pay not enough attention to the social situation of their employees. In this research, the question of necessity of introducing machine-building complex, connected to social and economic context. One of the ways to overcome problems of poor housing access is considered, which lets author in conclusion formulate the direction of improving current situation. On the basis of generalization of the data, conclusions are made and recommendations are given, which lets author in

conclusion formulate the direction of improving current situation. On the basis of generalization of the data, conclusions are made and recommendations are given, which may be taken in consideration by board of directors of Perm Krai industrial companies when developing programs and roadmaps for the development of regional industrial companies and of the article can be used for developing a target program for state enterprises monitoring in municipal units and in the region in general.

Keywords: consequences of privatization, Perm Krai, machine-building complex, companies' employees.

Введение

Приватизация государственного имущества является эффективным способом улучшения экономического состояния, а также роста социального благополучия граждан (например, в зарубежных странах). Однако данный механизм изменения права собственности, который призван решить переход предприятия на рыночный (смешанный) механизм хозяйствования, не всегда несёт положительный эффект, а зачастую они нивелируются отрицательными последствиями социально-экономического положения самого предприятия и его работников. Так, на сегодняшний день в Пермском крае продолжается приватизация государственных предприятий. Одной из целей приватизации государственных предприятий, определенных федеральным и региональным законодательством, является социальное развитие приватизированных предприятий. О гарантиях социальной защищённости граждан Российской Федерации указано в статье 7 Конституции Российской Федерации. Кроме того, социальная политика региона реализуется в рамках стратегии социально-экономического развития Пермского края в соответствии со статьёй 30 Устава Пермского края.

Также социальная ответственность предприятий определяется Международным стандартом ISO 26000-2010 «Руководство по социальной ответственности», дающее ей следующее определение: «Социальная ответственность — ответственность организации за влияние её решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое согласуется с устойчивым развитием и благосостоянием общества» [1; 2].

Под социальным развитием предприятия подразумевают развитие его социальной инфраструктуры и социальной защищённости работников. Теоретико-методологическая актуальность данной работы заключается в следующих положениях:

- исследование социально-экономических последствий «неудачных» приватизаций в Пермском крае;
- правовое регулирование образующихся отношений экономической эффективности происходящих процессов [3] и важность решения социально-экономических последствий в рамках происходящих процессов приватизации промышленных предприятий;
- машиностроительный комплекс Пермского края нуждается в поддержке как на региональном, так и на федеральном уровнях;
- социально-экономические проблемы предприятий напрямую влияют на социальный климат муниципалитетов и региона в целом.

Целью исследования является определение промежуточного эффекта от приватизации промышленных предприятий в регионе в социально-экономическом срезе.

Базой для исследования процессов приватизации послужили труды как отечественных, так и зарубежных авторов, среди которых можно выделить С.П. Глинкину [4], Я.И. Кузьмина [5], М.И. Голдман [6], М.А. Мунтяна [7], Р. Познера [8], В.М. Полтеровича [9], И. Синдееву [10] и А.А. Эльмурзаева [11]. Также вопросы экономического положения предприятий машиностроения и социального положения работников предприятий машиностроительной отрасли в регионах нашли отражение в работах таких авторов, как С.И. Абрамян [12], Д.С. Зайцева [13], К.П. Климович [14], В.Н. Маковеев [15] и других.

Материалы и методы

В ходе работы над статьёй был применён общенаучный метод познания проблемы. Задача проведённого исследования состоит в формировании социально-экономической оценки последствий приватизации государственных предприятий машиностроительного комплекса в Пермском крае.

Сегодня основными нормативно-правовыми актами по приватизации в Пермском крае являются Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» и Законы Пермского края «О приватизации государственного имущества Пермского края» и «Об управлении и распоряжении государственной собственностью Пермского края». Тем не менее, приватизация государственных предприятий, начиная с 90-х годов и вплоть до последних лет, проводилась в соответствии с действующей нормативной базой, соответственно, трудовой коллектив приватизированных предприятий оказался далеко не собственниками этих предприятий и тем более социально не защищёнными, как это было до приватизации.

Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий [16] на момент начала приватизационных процессов в Пермском крае имела семь главных целей, две из которых [17], приведённые в таблице 1, носят социальный характер.

Таблица 1. Цели приватизации социального характера их результат и степень реализации [17]

Цель приватизации	Результат	Степень реализации
Формирование слоя частных собственников	Участие в управлении АО рядовыми держателями акций затруднено [10]	«Частичная»
Социальная защита населения	Доходы от приватизации в малой степени отразились на социальной защите населения [10]	«Низкая»

Источник: составлено автором.

Из целей приватизации автор статьи выделяет наиболее понятную и важную для большинства количества людей, это — социальная ответственность собственников приватизированных предприятий. Но, как видно из результата достижения целей приватизации государственных предприятий и степени их реализации, указанных в таблице 1, в течение двух с половиной десятков лет новые собственники приватизированных государственных предприятий не обращают внимания на свою социальную ответственность перед работниками предприятий, на их социальное положение [18].

Официальные данные по безработице рассматриваются на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. По данным Росстата, на 01 апреля 2018 года общая численность безработных в Пермском крае составила 76 900 человек, что соответствует уровню общей безработицы 6,1 % к численности рабочей силы в регионе [19].

Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю [2] по численности безработных в регионе за последние годы [20] представлены в таблице 2.

Таблица 2. Численность безработных в Пермском крае, в 2012-2018 гг. (тыс. чел.) [20]

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
По данным выборочных обследований рабочей силы (в среднем за год), тыс. чел.	84,9	86,6	74,8	81,7	76,5	67,1	76,9

В таблице 2 приведена численность безработных в регионе и, несмотря на то, что в 2017 году их количество было на минимальных значениях за последние несколько лет, в 2017

году (67 100 человек) меньше на 12,3 % по сравнению с 2016 годом (76 500 человек) и меньше на 17,8 % по сравнению с 2015 годом (81 700 человек), в 2018 году произошёл рост этого показателя на 14,6 %, и это является проблемой для регионального руководства, так как общий показатель в процентном выражении выше среднего по стране (5,5 %).

Напряжённая проблема с безработицей в регионе, в основном, сложилась в моногородах. В соответствии с Перечнем монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), к таким относятся: г. Александровск, г. Горнозаводск, г. Красновишерск, г. Нытва, г. Очёр, г. Чусовой и посёлки: Пашня, Тёплая Гора, Уральский, Юго-Камский. Причиной этому в 2012–2018 годах послужило сокращение числа трудящихся на промышленных предприятиях края: ПАО «Мотовилихинские заводы» (более 1 000 человек), ОАО «Пермский мотовозоремонтный завод» (180 человек), ОАО «Чусовской металлургический завод» (300 человек), ОАО «Протон» (более 700 человек), ООО «Электротяжмаш-Привод» (500 человек — 30 % от всех работников предприятия (100 % этого предприятия принадлежат кипрской компании «Тенорес-Лимитед»)), АО «Объединённые газопромышленные технологии «Искра-Авигаз», ОАО «Камкабель» и ОАО «Элиз» (единственное предприятие в России, выпускающее продукцию (около 400 наименований) из высоковольтного электротехнического фарфора), а также продолжающаяся ликвидация приватизированных промышленных предприятий, в том числе в машиностроительном комплексе: ОАО «Пожвинский машиностроительный завод» (100 человек), ОАО «Кунгурский машиностроительный завод» (700 человек) в связи с тем, что «КМЗ» и ООО «Кунгурский машиностроительный завод» испытывают проблемы в руководстве предприятиями из-за образовавшихся больших (многомиллионных) долгов, «Краснокамский машиностроительный завод», «Прикамский завод машиностроения», ООО «Искра-Турбогаз», ООО «ЛИТМАШПРО-М», ООО «Метиз-Р», ООО «СПЕЦ-М» и другие предприятия.

Также в угнетённом социальном состоянии находятся семьи работников промышленных предприятий региона, перед которыми имеется большая задолженность по заработной плате, в таких ОАО, как Пожвинский и Кунгурский машиностроительные заводы (предприятия-банкроты), Верхнекам-ТИСИЗ и Александровский машиностроительный завод. Из всех предприятий и организаций края, имеющих задолженность перед своими работниками по заработной плате, наибольший объём просроченной задолженности приходится на производственные предприятия.

В свою очередь нельзя забывать и об одном из негативных экономических последствий безработицы — это недовыпуск продукции, потеря части валового регионального продукта [4].

Приватизация в регионе, как и в стране в целом, близится к завершению. В силу этого анализу можно подвергнуть один из нескольких элементов эффекта проведённой и проводимой сегодня приватизации — это социальная защищённость граждан.

Сегодня результативность приватизации предприятий для работников оценивается весьма пессимистично. Соответственно, можно сказать, что сегодня нельзя сделать однозначный вывод по эффективности приватизации как таковой вне рамок общей экономической политики в регионе и в стране в целом. Это характеризуется большим количеством предприятий-банкротов как крупных, так и совсем не больших. Некоторые крупные и средние предприятия-банкроты региона за 2013–2018 годы указаны в таблице 3.

В таблице 3 приведены более десяти приватизированных предприятий Пермского края, в основном машиностроительной отрасли, которые прошли процедуру банкротства в последние годы и не были восстановлены, и вследствие этого сотрудники предприятий-банкротов были уволены [21], и за бедственное социальное положение работников, как и в 90-е годы, никто ответственности не несёт.

Таблица 3. Крупные и средние предприятия-банкроты Пермского края за 2013–2018 годы*

Название предприятия	Год прекращения хозяйственной деятельности
НПП «Уральский химический завод»	2013
ОАО «Пермский завод смазок и СОЖ»	2014
ОАО «Инкар»	2015
ОАО «Кунгурский машиностроительный завод»	2016
ООО «Прикамский завод машиностроения»	2016
ОАО «Пермский судоремонтный завод»	2016
ООО «ЛИТМАШПРО-М»	2017
ООО «Метиз-Р»	2017
ООО «СПЕЦ-М»	2017
ООО «ТРЕТИЙ СПЕЦМАШ»	2017
ООО «Искра-Турбогаз»	2018
ПАО «Мотовилихинские заводы»	2018

*Источник: составлено автором.

Управление производственной сферой предприятия неразрывно связано с уровнем жизни не только работников предприятия, но и с изменением уровня жизни населения, которое проживает на территории, где расположены предприятия [16]. Несмотря на то, что у большинства приватизированных промышленных предприятий региона социальная ответственность перед работниками стоит на последнем месте, есть и исключения.

Одним из таких промышленных предприятий Пермского края является компания «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ». В 1991 году была приватизирована государственная компания «Пермнефтеоргсинтез», которая в дальнейшем вместе с компанией «Пермнефть» вошла в состав «ЛУКОЙЛа». В 2015 году было подписано соглашение о сотрудничестве между регионом и компанией на 2016–2020 годы. Каждый год Президент Компании «ЛУКОЙЛ» и Губернатор Пермского края подписывают Протоколы о взаимодействии, в которых оговариваются пункты экономического и социального сотрудничества ПАО «ЛУКОЙЛ» и региона на ближайший год. За последние несколько лет объём вложений, направленных в социальные сферы, составил 5 млрд рублей (всего с 2006 года — более 18 млрд рублей).

Также за последние несколько лет ПАО «ЛУКОЙЛ» были построены школы, детские сады, двенадцать модульных фельдшерско-акушерских пунктов для села, спортивные площадки, стадион в пос. Рябинино (Чердынский район), бассейн «Жемчужина» в г. Чернушка, а также четыре модульных дома культуры и дом учителя в пос. Садогодное (Кунгурский район). Кроме того, были восстановлены историко-архитектурный комплекс «Усолёе на Каме» и объекты историко-природного комплекса «Чердынский Кремль». На протяжении нескольких лет осуществляется поддержка Пермского академического театра оперы и балета им. П.И. Чайковского. Проводятся ремонтные работы в десятках учреждениях образования, здравоохранения и культуры региона.

В 2017 году актуализирована Дорожная карта взаимодействия ПАО «Газпром» и региональными предприятиями, выпускающими высокотехнологическую продукцию (действие продлено до 2020 года). Подписан договор о газификации региона.

В последние годы в Пермском крае были построены 28 межпоселковых газопроводов, объекты автономной газификации и мини-завод по производству СПГ. Уровень газификации региона составляет 68,6 %, — показатель выше, чем средний по стране (67,2 %).

Продолжается развитие сети автомобильных газонаполнительных компрессорных станций в регионе.

На территории региона проекты по обеспечению работников жильём реализуют несколько промышленных предприятий, такие как НПО «Искра», АО «ПЗСП», Холдинг

«Метафракс» (г. Губаха), Группа компаний «ЕвроХим» (г. Березники). Также к социальным ответственным предприятиям машиностроительного комплекса региона относится ОАО «ПЗ «Машиностроитель» (Пермь) (5 000 работников), построившего в 2015 году для своих сотрудников на особых условиях многоквартирный дом.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) промышленных предприятий Пермского края по Международному стандарту ISO 26000-2010 в 2017 году была подробно изучена экономистами Г.В. Кутергиной и И.А. Клестовой [22] и оформлена представленной далее таблицей 4.

Таблица 4. Корпоративная социальная ответственность промышленных предприятий Пермского края [1]

Организация	Корпоративная социальная ответственность
ПАО «Уралкалий»	Благоустройство городов Березники и Соликамска, реконструкция парков, помощь детским домам, социальные льготы сотрудникам предприятия
ПАО «Метафракс»	Поддержка социальных объектов
ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь»	Предоставление социальных льгот и гарантий сотрудникам предприятия и ветеранам
ОАО «ОДК-Пермские моторы»	Благоустройство города Перми. Социальная поддержка сотрудников

Как видно из таблицы 4, указанные в ней приватизированные промышленные предприятия несут социальную ответственность перед своими работниками не только в рамках предприятия, но и на территории муниципального образования в целом.

Также к высокому уровню корпоративной социальной ответственности предприятий региона, кроме группы предприятий ОАО «ЛУКОЙЛ» [22], можем отнести такие предприятия, как Пермский филиал ООО «МРСК Урала», ОАО «Сильвинит», ПАО «ОХК «Уралхим» и ОАО «Уралкалий» (собственниками являются: 30 % — ООО «Уралкалий-Технология», 20 % — АО «Уралхим», 20,1 % — Д. Мазепин, 10,18 % — «Rinso Trading» (Д. Лобяк), 10,18 % — ООО «Сбербанк Инвест» и около 9,5 % миноритариев).

Так, например, филиал «ПМУ» холдинга «Уралхим» в 2017 году направил на социальные программы для своих работников 139,7 млн рублей. В 2018 году в бизнес-плане филиала «Азот» холдинга «Уралхим» инвестиции в социальную сферу запланированы в размере 190,0 млн рублей.

Кроме того, в 2019 году АО «Новомет» (49,9 % принадлежит менеджменту компании) рассчитывает заключить сделку с компанией Saudi Aramco по продаже 25 % акций предприятия. Соответственно, после заключения сделки будут увеличены инвестиции как в производство, так и в социальную сферу предприятия.

Результаты и обсуждение

Тем не менее, для такого региона, как Пермский край, несколько крупных промышленных предприятий, относящихся к социально ответственным, — этого недостаточно. При проведении исследования были изучены данные проведенного опроса читателей сайта «Федерал Пресс», как они оценивают итоги приватизации. В проведенном опросе приняли участие 185 читателей сайта, при этом подавляющее большинство — 94 % проголосовавших считают, что передача собственности от государства в частные руки негативно сказалась на благосостоянии большинства россиян. Количество оптимистично настроенных читателей сайта невелико, за вариант «положительно — в условиях того времени правительство выбрало оптимальный вариант приватизации» проголосовали 3 % [23].

О социальном положении работников предприятий размышлял Э. Фромм в своём труде «Психоанализ и этика», в том числе обратив внимание, что: «... юридически предприятие — это собственность сотен тысяч держателей акций, им руководит самовоспроизводящая бюрократия (а в практических целях — и независимо от законных владельцев)». Отвечая на поставленный вопрос в целях, указанных автором статьи: «В каком социальном положении находится работник приватизированного предприятия?», можно сказать, что сегодня на территории нашего региона, в большинстве случаев, работники приватизированных предприятий находятся на низком социальном уровне, и руководство этих предприятий не считает необходимым заботиться о социальном статусе работника.

Также необходимо отметить, что трансформация социально-производственных структур промышленных предприятий региона далека от совершенства, так как социальные проблемы территорий, в том числе муниципальных образований, считаются второстепенными [16].

Автор статьи согласен с мнением профессора В.В. Орлова о необходимости коренных изменений в обществе и формировании эффективной структуры собственности как на региональном, так и на федеральном уровне. И значительное место в системе структуры должна занять коллективная собственность в её различных формах, включая собственность трудовых коллективов, «народных предприятий» [24]. Но в регионе темпы роста таких предприятий скорее стремятся к «нулю», чем к какому-нибудь росту, несмотря на то, что большое количество предприятий банкротят или сами собственники или банки, у которых эти предприятия закредитованы.

Также следует отметить, что наше государство от плановой экономической модели в кратчайшие сроки (в 90-е годы прошлого века) перешло к модели смешанной экономической системы, а именно к либеральной модели. В связи с этим следует, что как в стране в целом, так и в регионе в частности, осталось минимум предприятий государственного сектора, в том числе в машиностроительном комплексе — следовательно, минимальное участие государства в решении социально-экономических проблем работников предприятий. Как показал опыт социально-экономического развития региона за последние два с половиной десятилетия, эта экономическая модель себя не оправдала и, исходя из этого, требуется постепенный переход к социально ориентированной модели государственного регулирования экономики [25].

Стоит отметить, что на приватизированных предприятиях работники отстранены от принятия каких-либо управленческих решений. Поиск социального партнёрства остаётся лишь лозунгом [7].

Необходимо отметить, что сегодня уже имеется опыт «исправления ошибок приватизации». Например, в последние годы на федеральном уровне были деприватизированы (национализированы) предприятия из разных сфер экономической деятельности: ОАО «ЮКОС», ПАО междугородной и международной электрической связи «Ростелеком», ОАО «АвтоВаз», ОАО «Удмуртнефть», ОАО «Российские железные дороги», ПАО «Федеральная гидрогенерирующая компания «РусГидро», НК «Башнефть» (АФК «Система») [26]. В особенности это касается тех предприятий, на которых не выплачивается заработная плата работникам, предприятия находятся в предбанкротном или банкротном состоянии [2], что, в свою очередь, не будет приводить к увеличению безработных в регионе.

Так, например, более 90 % ПАО «Мотовилихинские заводы» (г. Пермь) в собственности у государственных или подконтрольных им компаний (ГК «Ростех» — 39,9997 %, НПО «СПЛАВ» — 10,0003 %, ООО «Терра» — 15 %, ООО «Метатрон» — 35 %) и несмотря на то, что предприятие признано банкротом, на региональном и(или) федеральном уровнях можно задуматься о его финансовом оздоровлении. Также положительно можно отметить переход в 2018 году в собственность Пермского края земельного участка и технических корпусов ОАО «Пермский мотовозоремонтный завод «Ремпутьмаш» (г. Пермь) (собственность

ОАО «Российские железные дороги») и перенос из исторического центра города Перми производственных мощностей в другой район.

Таким образом, социально-экономическая оценка промежуточных итогов приватизации предприятий машиностроительного комплекса на территории Пермского края государственной властью может значительно отличаться от её оценки работниками приватизированных предприятий.

И в заключение необходимо отметить следующие положения:

- сегодня необходимо рассматривать возможные механизмы правового регулирования участия работников в производственных советах предприятий [7];
- при формировании бюджетов всех уровней необходимо учитывать необходимость строительства жилья для работников промышленных предприятий как по льготной стоимости, так и на бесплатной основе;
- необходимо разрабатывать, утверждать и финансировать проекты, целью которых будет повышение уровня жизни работников приватизированных предприятий машиностроительной отрасли, в рамках уже имеющейся концепции промышленной политики Пермского края;
- местным органам власти на всех уровнях необходимо контролировать исполнение имеющихся программ по перепрофилированию уволенных и увольняемых работников;
- на региональном уровне необходимо разработать программы по «оздоровлению» предприятий, находящихся в предбанкротном состоянии.

Выводы

Во избежание социально-экономических проблем в регионе, для снижения уровня безработицы, для повышения социального статуса работников промышленных предприятий, необходимо принять следующие меры:

- на уровне Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края при разработке концепций, стратегий и программ развития промышленности региона обратить внимание на стратегию оптимизации экономических отношений между государственной властью, обществом и частным бизнесом в регионе; разработать Методику формирования «социального пая» граждан региона, юридически закрепляющего их право собственности на равную долю в собственности промышленных предприятий (Обществ) Пермского края;
- Министерству по управлению имуществом и земельным отношениям Пермского края необходимо оптимизировать состав государственного имущества Пермского края, в том числе необходимых для исполнения государственных полномочий;
- на уровне законодательной власти Пермского края в части совершенствования нормативного правового регулирования имущественных отношений необходимо разработать формы документов, связанных с осуществлением прав акционера в отношении хозяйственных субъектов акции (доли) в уставных капиталах приватизированных предприятий, обеспечивая при этом соблюдение действующих законов.

Библиографический список

- [1] Кутергина Г.В., Клестова И.А. Особенности применения корпоративной социальной ответственности в развитии российского региона // Научно–технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 126–135. DOI: 10.18721/JE.10412.
- [2] Рожков Е.В. Эффективность приватизации государственных предприятий в Пермском крае // Научный журнал «Ars Administrandi (Искусство управления)». – 2015. – № 2. – 183 с.

- [3] Куликов Л.М. Экономическая теория: учеб. – Москва: ТК «Велби», Изд-во Проспект, 2005. – 432 с.
- [4] Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. – Москва: Наука, 2006. – 234 с.
- [5] Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. – Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 101–110.
- [6] Голдман И. Приватизация России. / Перевод В.И. Супруна – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004. – 340 с.
- [7] Мунтян М.А., Подберезкин А.И., Стреляев С.П. Приватизация и приватизаторы (Теория и практика российской приватизации). – Москва: «Воскресенье», 2005. – 320 с.
- [8] Познер Р. Экономический анализ права. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 2–30.
- [9] Полтерович В.М. Приватизация и рациональная структура собственности. Москва: Институт экономики РАН, 2013. – 220 с.
- [10] Синдеева И. Особенности отечественного законодательства о приватизации // Научно-политический журнал «Государственная служба». – 2015. – Вып. 6, № 98. – С. 94–97.
- [11] Эльмурзаев А.А. Приватизация в России и зарубежом: Сравнительный анализ. – Москва: Макс Пресс, 2005. – 280 с.
- [12] Абрамян С.И., Федотов А.А. Проблемы современного машиностроения России и подходы к их решению // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – Вып. 8. – № 80. – С. 3.
- [13] Зайцева Д.С. Тенденции и проблемы развития машиностроительных предприятий в новых экономических условиях // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – Вып. 3. – № 47. – С. 50–54.
- [14] Климович К.П., Одинцева М.А. Проблемы и перспективы развития машиностроительного комплекса в России в условиях рыночной экономики // Экономический журнал. – 2014. – Вып. 4. – № 36. – С. 16–27.
- [15] Маковеев В.Н. Машиностроение региона: тенденции и ключевые проблемы развития // Проблемы развития теории. – 2013. – Вып. 1. – № 63. – С. 23–29.
- [16] Пустыльник П.Н., Смоквина М.П. Трансформация социально-производственной структуры: социальный аспект // Теория и практика корпоративного менеджмента: сб. научн. ст. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2015. – 194 с.
- [17] Алпатов П.Ю. Экономические предпосылки и механизм проведения приватизации в России и зарубежных странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://torgprice.ru> (дата обращения: 25.04.2019).
- [18] Рожков Е.В. Проблемы процессов приватизации жилья // Вестник ПНИПУ Социально-экономические науки. – 2014. – Вып. 2. – № 23. – 198 с.
- [19] Безработица в Пермском крае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.szn.permkrai.ru/statistic/arkhiv-statistiki> (дата обращения: 03.01.2019).
- [20] Пермский край в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. [Электронный ресурс]: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю, 2018. – с. 39. – Режим доступа: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/resources/c4b8a98045b6add89a0bfaedfce35b80/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9+%D0%B2+%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85+2018.pdf (дата обращения: 15.05.2019).
- [21] Разорвин И.В., Рожков Е.В. Институциональные проблемы государственного управления экономикой // Вопросы управления. – 2015. – Вып. 4, – № 16. – С. 138–144.

- [22] Мингалева Ж.А., Смилевская И.П. Социальная ответственность предприятий как основа успешного бизнеса и социально-экономического развития // Российское предпринимательство. – 2012. – Том 13. – № 17. – С. 120–125.
- [23] Приватизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedpress.ru/region/59> (дата обращения: 15.05.2019).
- [24] Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. – 268 с.
- [25] Климов С.М., Селин А.П., Фёдорова Т.А. Экономическая теория: учебное пособие. – Санкт Петербург: «Знание». ИВЭСЭП, 2000. – 210 с.
- [26] Бабицкий А. Выручка участников первого рейтинга крупнейших компаний равна почти 80 % ВВП страны. Государство и конкуренция // Журнал «РБК». – 2015. – № 10. – 122 с.

References

- [1] Kutergina, G.V., & Klestova, I.A. (2017). Application peculiarities of corporate social responsibility in the development of the Russian region. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 10(4), 126–135.
- [2] Rozhkov, E.V. (2015). Efficiency of privatization of state businesses in Perm Krai. *Scientific Journal "Ars Administrandi (The art of Management)"*, 2, 183.
- [3] Kulikov, L.M. (2005). *Economic theory*. Moscow: TK Welby, "Prospect" Publishing House.
- [4] Glinkina, S.P. (2006). *Privatization: conception, implementing, efficiency*. Moscow: Nauka, 2006.
- [5] Kuzminov, Y.I., Bendukidze, K.A., & Yudkevich, M.M. (2016). *Course of institutional economics: institutes, networks, transaction expenses, contracts*. Moscow: Publishing house of "Higher School of Economics".
- [6] Goldman, I. (2004). *Russia's privatization*. Novosibirsk: FSPI "Trendy".
- [7] Muntyan, M.A., Podberezkin, A.I., & Strelyaev, S.P. (2005). *Privatization and privatizers. (Theory and practice of Russian privatization)*. Moscow: "Voskresenye".
- [8] Pozner, R.M. (2005). *Economic analysis of law*. Moscow: HSE Publishing House.
- [9] Polterovich, V.M. (2013). *Privatization and rational structure of ownership*. Moscow: Institute of Economics of Russian Academy of Sciences.
- [10] Sindeeva, I. (2015). Features of the domestic legislation development on privatization. *Scientific and Political Journal "Gosudarstvennaya Sluzhba"*, 6 (98), 94–97.
- [11] Elmurzaev, A.A. (2015). *Privatization in Russia and abroad: comparative analysis*. Moscow: Max Press.
- [12] Abramyan, S.I., & Fedotov, A.A. (2015). Problems of modern mechanical engineering of Russia and approaches to their decision. *Management of Economic Systems*, 8(80), 3.
- [13] Zaitsev, D.S. (2013). Trends and development issues of machine-building enterprises in modern economy. *Vestnik of Saratov Socio-Economic University*, 3 (47), 50–54.
- [14] Klimovich, K.P., & Odintsova, M.A. (2014). Problems and prospects of Russian machine-building complex in a market economy. *Economy Journal*, 4 (36), 16–27.
- [15] Makoveyev, V.N. (2013). Mechanical engineering in the region: trends and major development issues. *Problems of Territory's Development*, 1(63), 23–29.
- [16] Pustynnik, P.N., & Smokvina, M.P. (2015). *Transformation of social-industrial structure: social aspect. Theory and practice of corporate management*. Perm: Perm State National Research University.
- [17] Alpatov, P.U. *Economic conditions and mechanisms of carrying privatization in Russia and foreign countries*. Retrieved from <http://torgprice.ru>.
- [18] Rozhkov, E.V. (2014). Problems process of privatization floor-space. *Bulletin PNRPU*, 2(23), 198.
- [19] Perm Krai. Retrieved from <http://www.szn.permkrai.ru/statistic/arkhiv-statistiki>.

- [20] Permstat: Statistical accounts. (2018). *Local agency of Federal agency of state statistics of Perm Krai*. Retrieved from http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/resources/c4b8a98045b6add89a0bfaedfce35b80/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9+%D0%B2+%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85+2018.pdf
- [21] Razorvin, I.V., & Rozhkov, E.V. (2015). Institutional problems of public management of the economy. *Management Issues*, 4 (16), 138–144.
- [22] Mingaleva, Z.A., & Smilevskay, I.P. (2012). Social Responsibility of Enterprises as the Foundation of a Successful Business and Socio–Economic Development. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 13(17), 120–125.
- [23] Privatization. Retrieved from <http://fedpress.ru/region/59>.
- [24] Orlov, V.V., & Vasilyeva, T.S. (2013). *Philosophy of economics*. Perm: Perm State National Research University.
- [25] Klimov, S.M., Selin, A.P., & Fyodorova, T.A. (2000). *Economic theory*. Saint Petersburg: Znanie, IVESEP.
- [26] Babitsky, A. (2015). Revenues of participants of the first rating of the top companies makes almost 80 % of country's GDR. *"RBC" Journal*, 10, 122.

Получена / Submitted: 27/07/2019

Доработана / Revised: 12/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 27/08/2019

УДК 316.334.55

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: РЕСУРСЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Алена Анатольевна Попкова¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные ресурсы и инструменты социокультурного развития, как одного из ключевых направлений комплексного устойчивого развития сельских территорий. Обосновывается, что в качестве ключевого ресурса социокультурного развития сельских территорий выступает сам житель, его качества, характеристики. Выстраивается система аргументов, определяющих необходимость вовлечения данного ресурса как базового в системе социокультурного развития территорий. На основе исследований, проведенных автором, систематизируются ресурсы местного сообщества, которые могут быть вовлечены в систему социокультурного развития, а также условия их активизации. Проведенный в статье анализ практики социокультурного проектирования Голышмановского района Тюменской области, реализуемой в период 2014–2019 годов в рамках программы Фонда Елены и Геннадия Тимченко «Культурная мозаика малых городов и сел», показывает реальные эффекты социокультурного развития для сельской территории. В статье обоснованы и систематизированы научные положения о необходимости внедрения социокультурного проектирования в качестве инструмента вовлечения ресурсов населения, способствующего активизации местного сообщества, формированию социокультурных эффектов развития, а также выстраиванию партнерских отношений между жителями и органами местного самоуправления для совместного определения векторов развития сельской территории.

Ключевые слова: социальное проектирование, местное сообщество, активность.

Socio-Cultural Development of Rural Areas: Resources and Tools

Alena A. Popkova¹

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. This article discusses the modern resources and tools of socio-cultural development as one of the key areas of integrated sustainable development of rural areas. There is a substantiation that the key resource of socio-cultural development of rural areas is the resident himself, his qualities, characteristics. A system of arguments defining the need to involve this resource as a base in the system of socio-cultural development of territories has been formed. On the basis of the surveys conducted by the author, the resources of the local community, which can be involved in the system of socio-cultural development, as well as the conditions for their activation, are systematized. The analysis of the practice of socio-cultural design of Golyshmanovsky district of the Tyumen region, implemented in the period 2014–2019 in the framework of the Fund Elena and Gennady Timchenko "Cultural mosaic of small towns and villages", presented in the article shows the real effects of socio-cultural development for rural areas. The article substantiates and systematizes the scientific provisions on the need for the introduction of socio-cultural design as a tool for involving the resources of the population, contributing to the activation of the local community, the formation of socio-cultural effects of development, as well as making partnerships between residents and local governments to jointly determine the vectors of rural development.

Keywords: social design, local community, activity.

Введение

Тенденции ухудшения уровня и качества жизни в сельских территориях, наблюдаемый отток населения, недоступность и низкое качество предоставления услуг учреждениями социальной сферы, неразвитость инженерной инфраструктуры, ветхость и аварийность жилья на селе привели к необходимости трансформации управленческих подходов к развитию сельских территорий. Сформированный в государственной политике подход, ориентированный на развитие сельской местности через поддержку развития агропромышленного комплекса, реализуемый в последние десятилетия, не дал существенных результатов. А ведь сельские территории — это почти 90 % площади территорий Российской Федерации, жизненное пространство для 38 миллионов граждан России.

В связи данными тенденциями в Послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года Президент Российской Федерации В.В. Путин обозначил, что «...ключевым, долгосрочным фактором устойчивого роста сельского хозяйства, конечно же, должно стать повышение качества жизни людей, тех, кто трудится на селе» [1]. В ходе реализации данного поручения Правительством РФ утверждена государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 годы. В ключевые цели которой вошли: сохранение доли населения, проживающего в сельской местности на уровне 25,3 % от общей численности населения России, достижение среднемесячных располагаемых ресурсов сельских домохозяйств до 80 % по отношению к городским и повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 50 % к 2025 году с 32,6 в 2017 году [2]. Таким образом, вектор государственной политики по развитию села трансформировался с развития сельскохозяйственного производства на комплексное устойчивое развитие сельских территорий через развитие сельской экономики, формирование благоприятных условий проживания.

Экономическая составляющая в устойчивом развитии сельских территорий является немаловажным обстоятельством, обеспечивающим занятость населения, доступность услуг коммунальной, инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, но практика показывает, что наряду с финансово-экономическими ресурсами, сегодня определяющими становятся ресурсы местного сообщества, ресурсы людей, проживающих в сельских территориях, идентифицирующих себя с местом собственного проживания, стремящихся разрушить «концепцию потребления» собственной территории и ее ресурсов на «концепцию совместного созидания» общего пространства жизни.

Мировой опыт показывает, что формирование благоприятного пространства жизни невозможно, с одной стороны, без создания качественной инфраструктуры, развития социальной сферы (образование, здравоохранение, спорт, культура), обеспечения безопасности жителей, но, с другой стороны, все эти задачи удается решать наиболее эффективно именно в активных сообществах, которые сплочены и ориентированы на совместную продуктивную деятельность [3]. Соответственно на сегодняшний день перед системой управления в сельских территориях стоит задача поиска механизмов консолидации ресурсов государственных и региональных структур, и ресурсов местного сообщества для устойчивого развития территорий, формирования такого социально-экономического пространства, которое обеспечивало бы ее привлекательность как с точки зрения самих жителей, проживающих на ней, так и бизнес-субъектов, способных осуществлять инвестиционную и хозяйственную деятельность.

Наиболее активно население сегодня проявляет себя в социокультурной сфере сельской жизни. Оторванность или приближенность городов формирует запрос на культурное развитие, желание у населения сформировать событийность жизни на селе, обеспечить многозадачность социокультурной жизни, направленной на объединение усилий и интересов жителей, развитие совместного досуга, быта, межпоколенческого взаимодействия.

Поэтому ключевым направлением, обеспечивающим консолидацию ресурсов сельского населения на развитие территории, является социокультурное развитие. Формирование единого коммуникативного социокультурного пространства жизни территории является задачей, обеспечивающей интересы населения, и соответственно способствующей проявлению их активной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, целью статьи является анализ ресурсов, влияющих на социокультурное развитие сельских территорий, а также разработка научных выводов об инструментах вовлечения ресурсов местного сообщества как ключевого фактора устойчивого развития данных территорий.

В ходе исследования были использованы нормативно-правовые акты, научные статьи, монографии, публикации отечественных ученых в исследуемой сфере.

Материалы и методы

Материалами к исследованию выступили тексты обращения Президента РФ к Федеральному собранию РФ, государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий», аналитические материалы «О мерах Правительства РФ по устойчивому развитию сельских территорий», экспертные материалы Фонда Елены и Геннадия Тимченко по программе «Культурная мозаика малых городов и сел», проект Голышмановского района «Сибирская карусель» и другое.

Для достижения цели и задач исследования были использованы методы системного анализа, анализа правовых документов, формально-логический, социологические методы — интервью и фокус-группа. В социологических исследованиях приняли участие представители органов местного самоуправления Голышмановского, Армизонского, Бердюжского районов, главы сельских поселений Голышмановского района, представители учреждений культуры и искусства, молодежной политики, образования, активные граждане (всего 73 человека). Исследование проводилось в период 2017–2019 годов. Также использовался метод картографирования для визуализации полученных результатов исследования.

Результаты и обсуждение

В научных исследованиях такая категория, как «развитие сельских территорий» трактуется по-разному. В целом, под таким развитием в самом общем смысле определяют взаимосвязанные процессы поступательного улучшения социальной и хозяйственной сферы в сельских территориях. Такой подход, очевидно, включает в себя большее содержание, чем возникшее еще в XX веке понятие «социального развития села», намеренно разграничивающее решение социальных вопросов и аграрное производство.

В последнее время активным стало обращение к относительно новой категории — «устойчивое развитие сельских территорий», производной от сформировавшейся на фоне попыток мирового сообщества решить социальные, экономические и экологические проблемы в их единстве идеи устойчивого развития общества.

В сравнении с первыми двумя категориями, понятие «устойчивое развитие сельских территорий» рассматривается скорее, как заданное и спланированное направление деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и всего общества, включающее в себя решение организационными и правовыми методами взятых в комплексе проблем аграрной экономики, социальной жизни и охраны окружающей среды. Таким образом, дискретный по своему характеру подход в решении проблем аграрного сектора экономики и территорий постепенно уступает место подходу комплексному и ложится в основу взаимосвязанных управленческих и правовых решений [4].

Сельские территории уникальны, своеобразны и проблемны одновременно. Они с одной стороны характеризуются однотипными проблемами развития, связанными с разрушением основ хозяйствования в агропромышленном комплексе, обнищанием и старением села, высоким износом инженерных и коммунальных сетей, ветхим состоянием жилищного фонда, большим процентом населения, страдающим алкоголизмом, живущим за чертой бедности. С другой стороны, разность территориального размещения, климатических условий, способов хозяйственной деятельности, транспортного обеспечения, состояния человеческого потенциала формирует разность ресурсов территории, на которых может быть основано устойчивое развитие.

Исследуя данный вопрос, Д.В. Прохоров и В.М. Цлаф определяют, что ключевым ресурсом территории, определяющим ее комплексное устойчивое развитие, является население, и высокое качество жизни, как цель развития, должно быть обеспечено силами самого населения [5]. Развивая данное утверждение в ходе исследования, отдельное внимание было уделено ресурсам территории, способствующим аккумуляции ресурсов местного сообщества и вовлечению их в социокультурное развитие. В ходе проведения фокус-группы в январе 2017 года с представителями органов местного самоуправления Гольшмановского, Армизонского и Бердюжского районов Тюменской области, а также представителями муниципальных учреждений данных районов были выделены ресурсы развития территории. К ним участники фокус-группы отнесли:

- сельскохозяйственные производители (заводы по переработке рыбы, мяса, молока, индивидуальных предпринимателей-фермеров и другие производители);
- объекты социальной инфраструктуры (школы, библиотеки, дома и центры культуры и досуга, центры молодежного развития и другие объекты);
- органы местного самоуправления (главы местных администраций, сельских поселений, работники местных администраций социальной сферы);
- рекреационные ресурсы (озера, памятники природы, памятные места);
- общественные организации и объединения (совет ветеранов, национальные диаспоры, казаки);
- население (мастера народного творчества, проектные команды, волонтеры, долгожители, поэты, художники, герои Советского Союза, герои социалистического труда и другие);
- событийные ресурсы (фестивали, национальные праздники, религиозные праздники, проекты и прочее);
- церковь.

Оценивая ресурсную составляющую развития, участники фокус-группы сконцентрировали внимание на тех ресурсах, которые уже есть в сельских территориях, и которые могут быть вовлечены в процесс развития, максимальная доля которых сконцентрирована в руках самих жителей. Говоря о развитии, большинство участников его видят не в инвестиционной привлекательности территории, развитии коммунальной инфраструктуры и прочих финансово-затратных механизмах, на которые у муниципалитета попросту нет средств, а в создании механизмов, формирующих максимальные эффекты развития от ресурсов, которыми располагает территория, до ресурсов самого населения.

Вопреки традиционной позиции о том, что большинство ресурсов развития сельских территорий сконцентрированы в административных центрах, исследование показало, что ресурсы почти равномерно распределены по территории районов, в каждом населенном пункте существует базис для формирования основ устойчивого развития, соответственно при правильно выбранном векторе развития и механизмах его реализации может быть обеспечено устойчивое развитие всей сельской территории (рисунок 1).

Рисунок 1. Картографирование распределения ресурсов развития Армизонского, Бердюжского и Гольшмановского районов Тюменской области

Аккумуляция ресурсов местного сообщества на первый план выдвигает социокультурное развитие территории, так как именно жители выступают его носителями и субъектами (рисунок 2).

Рисунок 2. Ресурсы местного сообщества для социокультурного развития территории

Оценка ресурсов развития территорий, проведенных группами, показал, что в районах есть ядра — площадки для аккумуляции ресурсов социокультурного развития (ими выступают администрации, муниципальные учреждения: школы, музеи, дома культуры, библиотеки, молодежные центры), есть сформированные или формирующиеся активы жителей, субъекты предпринимательства, которые могут выступить партнерами-спонсорами, реализуются проекты, проживают уникальные люди.

Анализ практики реализации социокультурных проектов в Гольшмановском районе с 2014 по 2018 годы показал, что именно проектная деятельность является на сегодняшний день механизмом активизации ресурсов местного сообщества и их включенности в процесс развития территории. Проектная заявка Гольшмановского района в 2014 году на конкурс «Культурная мозаика малых городов и сел», организуемый Фондом Елены и Геннадия Тимченко, и победа в нем дала толчок для вовлечения жителей и их инициатив в процесс развития территории. Получив первичные социокультурные эффекты, население осознало

возможность реализации собственных инициатив через проектную деятельность, которая начала осуществляться при информационной и методической поддержке районной администрации, муниципальных учреждений. Сформировалась система ежегодно проводимых проектных конкурсов для населения — конкурс молодежных проектов и конкурс «Культурная мозаика Голышмановского района» (рисунки 3, 4).

Рисунок 3. Практика разработки и реализации проектов социокультурной направленности жителями Голышмановского района

В интервью, проводимых с представителями муниципальных учреждений, курирующих проектную деятельность, подтвердился тезис о том, что проектная деятельность активизировала население. В 2014 году активных жителей, готовых самостоятельно разработать и реализовать проект, были единицы, но после их успешного опыта активистов, предлагаемых свои идеи в формате проекта и готовых их реализовать, стало в разы больше. Как показывает практика, помимо непосредственных инициаторов проекта, в команду вовлекаются неравнодушные активные жители, формируются проектные сообщества, а также жители, которые становятся участниками мероприятий проекта [6].

Рисунок 4. Количество вовлеченных в проектную деятельность жителей Голышмановского района

Активизация проектной деятельности в Голышмановском районе в 2014–2018 гг. способствовала не только активизации местного сообщества, но и достижениям в развитии социокультурной сферы территории:

- появились новые формы музейной деятельности (музей под открытым небом, арт-музей, мини-музей);
- сформировались и работают 7 тематических агроусадеб на личных подворьях [7; 8];
- развиваются народные промыслы (АРТель «Светочь», мастерская «Кипрей»);
- развиваются формы культурно-досуговой деятельности (арт-кафе, эстетическая мастерская, уличный театр скоморохов, ансамбль ложкарей);
- сформировалась система культурных событий территории (Фестиваль «На родине Л.И. Шарохи», «Праздник Пирога», «Медовый спас всем медку припас» и другие события) [9–12].

Помимо данных достижений, значительным результатом проектной деятельности на селе является привлечение на территорию ресурсов грантодающих организаций, которые, в условиях постоянного дефицита бюджетных средств муниципалитетов на селе, становятся реальными средствами, направленными на социокультурное развитие (рисунок 5).

Рисунок 5. Привлеченные средства в рамках реализации социокультурных проектов в Гольшмановском районе

Таким образом, проведенный анализ показал, что использование проектной деятельности в практике развития сельских территорий является реальным механизмом социокультурного развития, основанного на вовлечении ресурсов населения. Практика использования социокультурных проектов для развития сел может быть успешно тиражирована, но с учетом ресурсов конкретной территории, ее особенностей и проблем. Условием эффективной реализации проектной деятельности на сельской территории является наличие муниципальных учреждений, которые первоначально должны быть «точками притяжения» жителей, оказывающих информационную, методологическую, организационную поддержку в подготовке и реализации проектов. Немаловажным условием является и готовность органов местного самоуправления поддерживать проектные инициативы граждан, выступать в качестве партнера в реализации проекта, выстраивать диалог с жителями с целью организации совместной работы по определению векторов и мер социокультурного развития территории.

Выводы

Сегодня перед всей страной Президентом РФ поставлена задача обеспечить достойное качество жизни людей, проживающих на селе, для преодоления тенденций потери сельского населения, снижения его уровня и качества жизни. Сформированные на федеральном уровне программные документы, ориентированные на устойчивое развитие сельской местности, предполагают существенные финансовые вливания на инфраструктурное развитие села. Однако использования только внешних ресурсов для комплексного устойчивого развития

территорий недостаточно. В современных условиях главенствующая роль в обеспечении условий повышения качества жизни населения сел и деревень принадлежит самому жителю. Именно его ресурсы обеспечивают социально-культурное развитие территорий, событийность, привлечение финансовых ресурсов из различных источников за счет проявления собственной активности, совместной деятельности и реализации социальных проектов.

На примере опыта Голышмановского района по реализации проекта «Культурная мозаика» было проиллюстрировано, как за счет реализованных социальных проектов развивается идентичность сообщества района, формируется ассоциативность жителей с районом, формируются прочные связи с территорией проживания и стремлением к ее развитию.

Именно социальное проектирование является инструментом, обеспечивающим реализацию идей местного сообщества. «Культурная мозаика» позволила на территории Голышмановского района сформировать внутри местного сообщества понимание механизма реализации своих идей по формуле: ИДЕЯ + ЦЕЛЬ + ПРОЕКТ + РЕАЛИЗАЦИЯ = РЕЗУЛЬТАТ. В практике большинство жителей городов, районов, поселений имеют достаточно много идей, но они остаются только идеями, не доходя не только до результата, но даже до целеполагания и проектирования, жители не видят условий и возможностей их реализации, не видят себя в качестве субъекта развития территории.

Для успешного опыта внедрения социального проектирования необходимо стремиться к развитию организационной площадки, аккумулирующей ресурсы местного сообщества. Изначально такими площадками выступают муниципальные учреждения, общественные организации, которые в дальнейшем дают возможность для институализации инициатив жителей в создание самостоятельных организационных информационно-методических площадок. Создание и развитие в Голышмановском районе Центра поддержки гражданских инициатив «Со-Дружество» и трансформация его в дальнейшем в Благотворительный фонд поддержки и развития местных сообществ «Наше время» сформировало площадку для методической, организационной и финансовой поддержки инициатив жителей.

Результаты системной проектной деятельности по реализации инициатив жителей позволяют сформировать на территории социокультурный кластер как основу социокультурного развития. В Голышмановском районе данный кластер уже сформировался. Это позволяет говорить о развитии его структуры — агротуризма, гастрономического туризма, культурного туризма, креативной экономики. Также социокультурный кластер позволяет формировать бренд территории, в том числе за счет брендинга поселений района.

Реализация проектов жителей обеспечивает их соучастие в развитии территории, вовлечение их ресурсов в процесс развития территории. В Голышмановском районе уже сформировалась система, обеспечивающая включенность населения в решение проблем территории, формирование партнерских отношений между жителями и органами местного самоуправления, инициирование и реализация общих целей, направлений и моделей развития территории.

Библиографический список

- [1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 "Послание Президента Федеральному Собранию" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/(дата обращения: 11.05.2019).
- [2] Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdiz.pdf> (дата обращения: 11.05.2019).

- [3] Кузьмин А., Коновалова Е. Влияние инициатив в сфере культуры на развитие местных сообществ: обзор зарубежных публикаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cultmosaic.ru/content-load-/Culture_and_local_communities_article_2018.pdf (дата обращения: 19.04.2019).
- [4] Галиновская Е.А. Организационно–правовые аспекты развития сельских территорий // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2019. – № 5. – С. 26–28.
- [5] Прохоров Д.В., Цлаф В.М. Значение взаимодействия органов государственного и муниципального управления с местными сообществами для социокультурного развития территории // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2015. – Вып. 9–2, № 131. – С. 328–334.
- [6] От идеи к проекту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tyumedia.ru/187451.html> (дата обращения: 10.03.2019).
- [7] Агроусадьба Трофимовы – планета братьев наших меньших [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golvestnik.ru/?p=16469> (дата обращения: 20.04.2019).
- [8] Агроусадьба «Живчик» – часть проекта “Культурная мозаика Гольшмановского района” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golvestnik.ru/?p=1913> (дата обращения: 20.04.2019).
- [9] Шарохинский фестиваль сменил статус с районного на региональный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golvestnik.ru/?p=15325> (дата обращения: 20.04.2019).
- [10] День пирога в селе Гольшманово [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golvestnik.ru/?p=8965> (дата обращения: 19.04.2019).
- [11] Народные гуляния в Малышенке: Спас медовый – сладкий праздник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golvestnik.ru/?p=2421> (дата обращения: 19.04.2019).
- [12] «Сибирская карусель» встречала гостей из разных уголков страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golvestnik.ru/?p=11833> (дата обращения: 19.04.2019).

References

- [1] Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 20.02.2009 "Message of the President to the Federal Assembly". Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/.
- [2] Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the state program of the Russian Federation "Integrated development of rural areas" and on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation". Retrieved from <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf>.
- [3] Kuzmin, A., & Konovalova, E. Impact of cultural initiatives on the development of local communities: review of foreign publications. Retrieved from http://cultmosaic.ru/content-load-/Culture_and_local_communities_article_2018.pdf.
- [4] Galina, E.A. (2019). Organizational and legal aspects of rural development. *Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 5, 26–28.
- [5] Prokhorov, D.V., & Tslaf, V.M. (2015). The Importance of interaction of state and municipal authorities with local communities for the socio–cultural development of the territory. *Bulletin of the Samara University. Economics and Management*, 9–2 (131), 328–334.
- [6] From idea to project. Retrieved from <https://tyumedia.ru/187451.html>.
- [7] The Property of Trofimova – the planet of animals. Retrieved from <https://golvestnik.ru/?p=16469>.
- [8] The Property "Daisy" – part of the project "Cultural mosaic of the golyshmanovsky district". Retrieved from <https://golvestnik.ru/?p=1913>.
- [9] Sarakinsky festival changed his status with the district at the regional. Retrieved from <https://golvestnik.ru/?p=15325>.

- [10] The day of the pie in the village Golyshmanovo. Retrieved from <https://golvestnik.ru/?p=8965>
- [11] Festivities in Malysenko: Saved honey – sweet holiday. Retrieved from <https://golvestnik.ru/?p=2421>.
- [12] Siberian carousel" met guests from different parts of the country. Retrieved from <https://golvestnik.ru/?p=11833>.

Получена / Submitted: 23/07/2019

Доработана / Revised: 06/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 19/08/2019

УДК 316.334.52(985)

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ПРИМЕРЕ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Валентина Александровна Игнатенко¹

¹*Кафедра сервисного инжиниринга и правового обеспечения в ЖКиСК, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена обобщению опыта функционирования специальных агентств и учреждений по вопросам выявления и идентификации депрессивных территорий ведущих мировых держав, организации процессов управления их экономическим развитием, а также формулировке предложений относительно использования существующих наработок в деятельности отечественных органов государственного и местного управления. В работе использован механизм имплементации опыта для отечественных регионов арктического пояса с целью расширения сотрудничества между регионами и формирования устойчивого развития. В качестве объектов исследования были применены механизмы анализа итогов программ по развитию регионов. Определено, что для изучения эффективности межрегионального сотрудничества регионов Арктики необходимо изучить ключевые социально-экономические показатели (уровень безработицы, заработной платы, ВВП). Также в работе установлены критерии, которые используются для социально-экономической эффективности регионов Арктики.

Ключевые слова: уровень бедности, неразвитые депрессивные зоны, проблемные общины, секторная помощь, стимулы развития территории.

Management Decisions on Development of Social Potential of Deprived Areas Using the Example of Arctic Region

Valentina A. Ignatenko¹

¹*Department of Servis Engineering and Legal Support in Building Maintenance and Construction Sector, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to experience generalisation of operating of special agencies and institutions on detection and identification of deprived area of leading world powers, organisation of management of their economic development and suggestions regarding using existing developments in activity of domestic state and local governments. In the work, the mechanism of implementation of experience for the domestic regions of the Arctic belt was used in order to expand cooperation between the regions and to form the sustainable development. As objects of research, mechanisms to analyze the results of regional development programs were applied.

Keywords: poverty rate, undeveloped deprived areas, dysfunctional communities, sectoral assistance, stimulus for development of the territory.

Введение

Широко распространенными механизмами, которые реализуются специально созданными для преодоления последствий функционирования проблемных территорий организационными структурами, признаны гранты; субсидии; доступ к государственным контрактам; снижение уровня налогообложения; уменьшение процентов по кредиту; микрокредитование; гарантии; новый механизм инновационного развития; секторная поддержка; комплексное развитие инфраструктуры и отраслей производства; организация промышленных парков, бизнес-зон; поддержка малого и среднего бизнеса; развитие кластеров [1].

Особого внимания заслуживают территории, где негативные процессы проявляют себя наиболее остро и болезненно. Результатом нарастания региональных диспропорций является образование депрессивных районов со стабильной отрицательной динамикой социально-экономических показателей [2]. В таких регионах кризисные явления продуцируют мультипликативный эффект, блокируя возможности регионального воспроизводственного процесса в целом и его отдельных элементов в частности. Негативные процессы в них приобретают затяжной характер. При этом внутренние региональные дисбалансы накладываются на общие проблемы — инфляцию, спад производства, социальное расслоение, рост безработицы. При учете довольно значительного количества отечественных регионов, находящихся в кризисном состоянии, исследования зарубежного опыта решения комплекса проблем, связанных с преодолением депрессивности, довольно актуальны [3–5].

В зарубежной теории и практике накоплен значительный опыт разработки программ регионального развития. Значительный интерес вызывает программа развития долины реки Теннесси (США), которая имеет ареал влияния 12 штатов. Деятельность по ее реализации предусматривает создание энергетической системы региона, современного сельского хозяйства, развитие городов и населенных пунктов, улучшение качества окружающей среды [6]. Этот пример опровергает ложную идею о возможности самоорганизации больших экономических систем в рыночной среде без вмешательства государства, что особенно важно в ходе исследования теоретических и методических проблем регулирования регионального развития в условиях кризиса [3].

В работе проведено обобщение опыта функционирования специальных агентств и учреждений развития по выделению и идентификации депрессивных территорий США, Канады и стран ЕС, организации процессов управления их экономическим развитием, а также представлены формулировки предложений по распространению существующего опыта в деятельности отечественных органов государственного и местного управления Арктики [7].

Особенности социально-экономических теорий капитала

Первые попытки регулятивного вмешательства государства в региональное развитие Канады было начато в связи с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. Массовый характер такое вмешательство приобрело с целью устранить экономические последствия Второй мировой войны для отдельных регионов США, Британии, Германии, Франции, Италии, Японии. В России же актуально развитие межрегионального сотрудничества в арктическом макрорегионе [8].

Социальный капитал — совокупность структурированных социально-экономических отношений, реализация которых осуществляется через систему сетевых связей. Их использование приносит выгоду субъектам отношений в виде доступа к ресурсам производства, социальной поддержки участников процесса, а также социальной ренты, что выражает размер экономии средств от реструктуризации институциональных учреждений и организаций на основе четкой спецификации прав собственности, создания организационных структур, обеспечивающих их эффективный обмен, сравнение и экономию затрат, возникающих в ходе процесса развития депрессивных регионов [3; 9–11].

Главными достижениями в ходе разработки качественных и количественных процедур измерения социального капитала являются методики, ныне широко применяемые международными и национальными институтами:

- инструментарий измерения социального капитала Всемирного банка;
- показатели измерения социального капитала группы социальной статистики Сиена;
- показатели измерения социального капитала по концепции статистической службы Австралии;

- показатели измерения социального капитала в рамках концептуального подхода PRI;
- показатели измерения уровня социальной изолированности;
- методика измерения личностных и коммуникационных навыков;
- адаптированная версия общего обзора социальных сетей США;
- классическая версия Генератора положений Лина;
- канадская версия Бозе и Веллмана методики Маккарти;
- показатели социального капитала Оникса и Бюллена;
- индикаторы, используемые в ходе проведения осмотра компонентов социальных сетей;
- измерения вклада социального капитала.

Например, в зависимости от фокуса изучения, осуществим различия объектов, показателей, приемов измерения социального капитала (таблица 1).

Таблица 1. Социальный капитал как совокупность активов в социальных сетях

Фокус	Измерение		Показатели
	Объект, ядро социального капитала	Приемы	
Встроенные ресурсы	Сетевые ресурсы	1. Исследование насыщенности для комплексного картирования сети 2. Генерирования имен для настройки содержательных областей, эгоцентричное картирование сети 3. Генерирование позиции для проведения исследований независимо от содержания связей, установление иерархических позиций, картирование по мультиресурсам, прямого и косвенного доступа	Уровень ресурсов, лучшие ресурсы, вариации ресурсов, композиция (усредненные ресурсы), ресурсы контактов
	Статус контактов		Занятость контактов, владельцы, сектора
Локализация сети	Легкость доступа к возможностям		Структурные недостатки и структурные ограничения
	Сила связей	Сетевые мосты, интенсивность, взаимодействие, взаимность	

Результативные подходы к процессу гармонизации процедур измерения и оценивания последствий взаимодействия бизнеса и гражданского общества могут быть реализованы на основе идей проекта Протокола социального капитала [12]. Методологический подход, удовлетворяющий большинство требований к организации процесса измерения социального капитала на уровне регионов Арктики, хотя и разработан для уровня отдельного предприятия, может быть проиллюстрирован на таком примере (таблица 2).

Наиболее привлекательно с точки зрения достижения инструментально обеспеченного результата исследования выглядит концептуальный подход к количественному измерению социального капитала, который разработан рабочей группой канадского правительства, под названием Policy Research Initiative (PRI). Измерению показателей, которые проявляются на мезоэкономическом уровне функционирования, посвящено обстоятельное исследование с детально описанной моделью социального капитала. Прикладные расчеты показателей социального капитала регионального уровня для Австралии, Италии, Нидерландов также способны вооружить исследователей подробным перечнем индикаторов измерения степени сопряженности социальных связей с политикой и общественными институтами [13].

Есть основания утверждать, что господствующими механизмами к измерению социального капитала являются подход, основанный на сетевом доступе к его

формированию (network — based approach to social capital), и методологическая стратегия изучения социального капитала в контексте публичной политики (studying social capital in a public policy context).

Таблица 2. Последовательность измерения эффекта привлечения компонентов социального капитала микроуровня

Вход	Деятельность	Выход	Результаты	Влияние
Общее описание				
Ресурсы, которые необходимы для осуществления деятельности	Активность, влияние которой на социальный капитал следует проанализировать и измерить	Результаты деятельности в заданном направлении	Изменения в жизни целевой категории населения	Цель — изменения в уровне жизни целевой категории населения (будущих поколений)
Показатели				
Поскольку преобладающая часть ресурсов оценивается в финансовых показателях, то наиболее универсальным показателем являются денежные затраты	Качественные показатели, например, продажи продукции/услуг, обеспечение подготовки, соблюдение стандартов/политики	Объемы продаж, количество причастных работников	Численность и удельный вес людей, что усвоили поведение, получили доступ к продуктам/услугам	Изменения в уровне образования, состоянии здоровья, уровне доходов
Пример показателей				
Первичные внутренние данные управленческого учета, отчеты о проекте, отчеты о выплатах и численности работников, данные проверок об исследовании жизненного цикла, аудита			Первичные или дополнительные внешние данные — таблицы «Затраты — выпуск», данные правительства или национальной статистической службы, исследования уровня занятости, результаты опроса стейкхолдеров	
Иллюстрации				
Влияние на трудоустройство				
Затраты ресурсов, способствующих деятельности компании	Деятельность на определенной территории и по всей цепочке поставок	Занятость сгенерирована или устранена	Изменение в доходах, вызванное этим создание новых (или исчезновение старых) рабочих мест	Рост уровня благосостояния сотрудников
Влияние на формирование навыков				
Затраты ресурсов на деятельность, связанную с формированием навыков	Учебные или образовательные мероприятия	Обучение персонала	Изменения в потенциале, уровне производительности и доходов	Изменения в уровне доходов, объемов экономического вклада
Влияние на безопасность				
Расходы ресурсов на деятельность, связанную с безопасностью	Оперативная деятельность или измерение уровня и обучения безопасной деятельности	Реализованы меры безопасности или обучения работников	Изменение количества случаев, связанных с безопасной деятельностью	Изменения в уровне благосостояния, производительности работников, расходов на сотрудников

В случае их реализации речь идет о системном подходе к изучению:

- входных параметров формирования социального капитала (сетей индивидуального и коллективного сотрудничества); параметров «входа — выхода» (уровня доверия к местным институтам, а также соблюдение ими правил, норм деятельности); результатов функционирования социального капитала (коллективного сотрудничества) — в рамках реализации подхода Social Capital Assessment Toolkit (SOCAT) Всемирного банка;
- уровня социального партнерства, социальной поддержки, распространения социальных сетей и гражданского партнерства — в рамках реализации подхода OECD (Organization of Economic Co-operation and Development), что уделяет особое внимание вопросам исследования качества жизни, условиям старения населения, человеческого капитала, человеческой безопасности, интеграции мигрантов, условиям устойчивых положительных преобразований в депрессивных регионах;
- социальной активности, целеустремленности, социального взаимодействия, социальных сетей, социальной поддержки, уровня доверия, взаимности, социальной сплоченности по модели Национального офиса статистики Великобритании;
- проявлений ограниченного влияния социального капитала на социально-экономическое развитие и уровень здоровья нации — в рамках подхода службы статистики Канады;
- взаимного влияния и соотношения четырех основных видов капитала (финансового, физического, человеческого и социального) по методологии изучения траектории развития проекта, который последовательно проходит стадии зарождения, консолидации, зрелости, кризиса и завершения, с постепенным сокращением размера капитала социального.

Подходы к определению интеграционного потенциала депрессивного региона

Обобщенные расчеты прямого, косвенного и индуцированного влияния структурных элементов социального капитала депрессивного региона или монорегиона, куда отнесена Арктика, могут быть существенно расширены. Это возможно в случае введения специальных вычислительных процедур с привлечением инструментария системы национальных счетов, сателлитных субсчетов, инверсионных матриц Леонтьева и тому подобное. Для Арктического региона существует возможность в формировании межрегиональных комплексов, которые будут отвечать задачам развития объектов.

Место межрегионального сотрудничества (МРС) в развитии Арктического региона определяется его способностью к мобилизации и эффективном использовании имеющегося потенциала регионов Арктики, а также оптимального сочетания их возможностей и ресурсов для решения общих проблем и решения задач регионального развития. В то же время, как показывает практика МРС регионов Арктики, использование европейских форм и механизмов его реализации в отечественных условиях оказалось малоэффективным. Не последнюю роль в этом сыграло отсутствие научно обоснованной методики оценки эффективности МРС регионов Арктики, использование которой может помочь определить реальное состояние, проблемные стороны и приоритетные направления для его активизации [14].

Авторами проведена комплексная оценка интеграционного потенциала арктического региона с инвестиционной, инновационной, инфраструктурной, социальной, экологической, предпринимательской составляющими [15].

Комплексная оценка интеграционного потенциала (ИП) арктического региона рассчитывалась по формуле (1):

$$IP_{MPC} = \sum_{j=1}^n T_{i,j} \quad (1)$$
$$i = \overline{1, m}$$

где T^{ij} — составляющие интеграционного потенциала арктического региона (инвестиционная, инновационная, инфраструктурная, социальная, экологическая, предпринимательская).

Каждая составляющая интеграционного потенциала также включает в себя по три-четыре показателя. Таким образом, общее количество показателей для каждого региона достигло отметки 20. Методом весовых коэффициентов (на основе балльной оценки показателей) была определена весомость составляющих интеграционного потенциала.

Авторами сделан вывод, что комплексная методика, которая учитывает (для оценки потенциала MPC регионов Арктики) внешнеторговый, инвестиционный аспекты, международную грантовую помощь, является достаточно сложной для практического использования. В частности, сомнительной представляется перспектива сбора двадцати рядов данных для каждого региона. Для их вычисления нужны, во-первых, показатели удельного веса (дополнительные ряды данных), а, во-вторых, достоверные статистические данные. Субъективной является также балльная оценка весомости каждого показателя (инвестиционная составляющая 0,3; инновационная составляющая 0,3; социальная составляющая 0,25; экологическая составляющая 0,15), а также механизм получения коэффициентов «интеграционного потенциала регионов» и их интерпретация.

Анализ социально-экономической эффективности MPC регионов Арктики показал, что целесообразно учитывать следующие критерии:

- Межрегиональную конвергенцию. Сближение показателей уровня жизни населения и уровня развития экономики регионов, образующих макрорегион Арктики, имеет большое влияние на процессы активизации MPC регионов Арктики. Для исследования межрегиональной конвергенции авторами было предложено использовать такие показатели:

- 1) валовой региональный продукт;
- 2) размер средней заработной платы;
- 3) уровень зарегистрированной безработицы.

- Региональное развитие. Современная региональная политика в основном должна ориентироваться не на межрегиональное распределение, а на мобилизацию местного потенциала и ресурсов, и тогда роль MPC в региональном развитии заключается в его способности к активизации и эффективном использовании имеющегося потенциала регионов. MPC регионов Арктики, по сути, является фактором, который способствует общественному диалогу и достижению социального равенства, инструментом для развития всех секторов в арктических регионах:

- 1) грантовые ресурсы;
- 2) прямые иностранные инвестиции в регионы Арктики;
- 3) внешнеторговый оборот.

Поэтому авторами были охарактеризованы основные показатели для оценки социально-экономической эффективности MPC регионов Арктики. Установлено, что для адекватной оценки MPC регионов Арктики предлагается исследовать его комплексно. При этом необходимо учитывать влияние MPC регионов Арктики на региональное развитие (эффективность использования ресурсов MPC регионов Арктики), а также интеграционный аспект (конвергенция социально-экономических показателей) (таблицы 3, 4). Авторы считают, что исследование влияния привлеченных грантовых средств на региональное развитие, а также трансформации региональной экономики следует осуществлять путем регрессионного исследования.

Таблица 3. Методология оценки социально-экономической эффективности MPC

Цель MPC	Межрегиональное сотрудничество	Региональное развитие
Интерпретация цели	Усиление связей, сближение уровней социально-экономического развития	Структурная трансформация, влияние на экономические и социальные показатели
Способ исследования	Детерминация показателей социально-экономического развития соседних регионов	Регрессионное исследование эффективности грантов для структурной трансформации региональной экономики
Показатели	1. Межрегиональная конвергенция валового регионального продукта $GRP1=C(1)+C(2) \times GRP2$	1. «Вход»: гранты в регион на развитие MPC; ПИИ из соседней страны; внешнеторговый оборот с соседним регионом; «выход»: валовой региональный продукт $GRP=C(1)+C(2) \times GRANTS + C(3) \times TRADE+C(4) \times FDI$
	2. Межрегиональная конвергенция уровней безработицы $UNEMP1=C(1)+C(2) \times UNEMP2$	2. «Вход»: гранты в регион на развитие MPC; «выход»: внешнеторговый оборот $TRADE=C(1)+C(2) \times GRANTS$
	4. Межрегиональная конвергенция уровней заработной платы $WAGE1=C(1) + C(2) \times WAGE2$	3. «Вход»: гранты в регион на развитие MPC; «выход»: прямые иностранные инвестиции из соседнего региона $INVEST=C(1)+C(2) \times GRANTS$

Таблица 4. Значение показателей

$C(1)$	базовое значение зависимой переменной без влияния других факторов;
$C(n)$	изменение зависимой переменной при увеличении показателя n на единицу;
GRP	валовой региональный продукт региона;
FDI	прямые иностранные инвестиции в регион из соседней страны;
$GRANTS$	привлеченные регионом гранты на развитие MPC;
$TRADE$	внешнеторговый оборот региона с соседней страной;
$GRP(1; 2)$	валовой региональный продукт в регионах 1 и 2 (в пределах макрорегиона);
$UNEMP(1; 2)$	уровень зарегистрированной безработицы в регионах 1 и 2 (в пределах макрорегиона);
$WAGE(1; 2)$	среднемесячная заработная плата в регионах 1 и 2 (в пределах макрорегиона).

Для изучения эффективности MPC регионов Арктики стоит исследовать межрегиональную конвергенцию таких ключевых социально-экономических показателей, как ВРП, уровней безработицы и заработной платы. Это основные показатели, которые позволяют утверждать о конвергенции уровней социально-экономического развития арктических регионов. Исследования необходимо проводить методом парной регрессии (детерминации) динамических рядов.

Анализ теоретических работ ведущих специалистов показывает, что не существует единого подхода к определению эффективности MPC регионов Арктики. Большинство показателей оценки не поддается традиционной статистике. Приобретает актуальность создание комплексной модели оценки эффективности MPC регионов Арктики, которая бы позволила определять ее для разных регионов без применения условных или теоретических эндогенных показателей, и которая учитывала бы как показатели межрегиональной конвергенции, так и эффективность использования ресурсов MPC регионов Арктики.

Авторами установлено, что определение эффективности MPC регионов Арктики можно проводить на основе реализации его целей регионального развития и межрегиональной конвергенции. Для исследования эффективности регионального развития следует определять влияние привлеченных грантовых средств на региональное развитие путем регрессионного исследования (показатели грантов; ПИИ; внешнеторгового оборота; ВРП). Для исследования межрегиональной конвергенции могут применяться показатели взаимозависимости таких

социально-экономических показателей, как ВРП, уровней безработицы и заработной платы. Это основные показатели, которые позволяют утверждать о конвергенции уровней социально-экономического развития арктических регионов.

Выводы

Следует отметить, что фактический мониторинг состояния развития арктического региона осуществляется по методике рейтингового оценивания Министерством регионального развития, практически не позволяет на основе использования существующих показателей осуществить реальное оценивание развития отдельных регионов. Для существенного улучшения деятельности по идентификации состояния и преодоления региональной дифференциации регионов Арктики рекомендовано:

- органам местного самоуправления ввести разработку мероприятий по реализации задач региональных стратегий развития и ежегодных планов деятельности с учетом последних тенденций социально-экономического развития регионов и ожидаемого влияния внешних факторов;
- проводить конкурсные отборы инвестиционных программ и проектов регионального развития, которые могут реализовываться за счет средств государственного фонда регионального развития;
- рассматривать проекты, направленные на улучшение ситуации в том направлении, где регион занял последние места по результатам рейтинговой оценки;
- министерствам, другим центральным органам исполнительной власти ввести оценки социально-экономического развития регионов, обеспечить подготовку предложений в отношении конкретных мер, которые необходимо принять для решения проблемных вопросов развития регионов для рассмотрения на заседании Межведомственной координационной комиссии по вопросам регионального развития (в разрезе регионов);
- Министерству финансов ввести практику финансирования отраслевых программ и проектов, направленных на повышение конкурентоспособности регионов, производительности их экономики, доходности бизнеса и доходов населения, создание условий для общего повышения социальных стандартов, качества жизни и развития бизнес-среды.

Библиографический список

- [1] Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian // *Polar Journal*. – 2017. – Vol. 7, Iss.1. – P.125–142
- [2] Марченков М.Л. Показатели устойчивого развития стран, входящих в баренцевево-арктический регион // *Синергия Наук*. – 2019. – № 32. – С. 1430–1435.
- [3] Жаров В.С. Оценка диспропорций инновационного промышленного развития регионов-субъектов федерации арктической зоны России // В сборнике: Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. – Апатиты: Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина, 2016. – С. 404–406.
- [4] Бондарева А.В., Федорова А.Н., Иуков Е.А. Глобализация: миф или реальность // В сборнике: Инновационный конвент "Кузбасс: образование, наука, инновации" Материалы Инновационного конвента. Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. – Новокузнецк: Сибирский государственный индустриальный университет, 2019. – С. 656–658.
- [5] Омшанова Э.А., Чалова А.Ю. Бюджет стимулирования экономического роста, или как не выйти за рамки бюджетного правила // *Федерализм*. – 2018. – № 4(92). – С. 115–133.

- [6] Фоменко П.А., Фоменко М.А. Арктические российские регионы: устойчивое развитие и его измерение // В сборнике: Экология и управление природопользованием. Стратегия использования природного капитала в интересах устойчивого развития Арктики и регионов сборник научных трудов Второй всероссийской научно–практической конференции с международным участием. – Москва: Наука, 2018. – С. 97–102.
- [7] Конахина Н.А. Характеристика региона как открытой экономической системы инновационно–технологического развития (на примере регионов арктической зоны РФ) // Проблемы современной экономики. – 2015. – Вып. 4, № 56. – С. 239–243.
- [8] Дудорова Д.А. Причины возникновения интереса транснациональных корпораций (ТНК) к арктическому региону // В сборнике: Комплексная научно–образовательная экспедиция "Арктический плавучий университет – 2018" Материалы научной сессии студентов и аспирантов. – Архангельск: САФУ, 2018. – С. 81–84.
- [9] Иуков Е.А. Альтернативные идеологии // Политические институты и процессы. – 2015. – № 1. – С. 14–17.
- [10] Gorokhov A.M., Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov M.Y., Kuprikov N.M., Tamickij A.M. Analysis of scientific and educational space of the Arctic zone of the Russian Federation and its contribution to social and economic development // *European Journal of Contemporary Education*. – 2018. Vol. 7, Iss. 3. – P. 485–497
- [11] Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М. Стратегические приоритеты научных исследований в России и зарубежных странах Арктического региона // *Арктика: экология и экономика*. – 2016. – Вып. 3. – С. 29–37.
- [12] Olofsson A., Öhman S., Nygren K.G. An intersectional risk approach for environmental sociology // *Environmental Sociology*. – 2016. – Vol. 2, Iss. 4. – P. 346–354
- [13] Тетерина Т.Е. Арктический регион как базисный элемент национальной экономики // *Молодой ученый*. – 2018. – Вып. 12, № 198. – С. 93–95.
- [14] Соловьева Н.В., Соловьев Н.П., Парфенов С.В. Разработка предложений по совершенствованию системы управления арктическим регионом // *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. – 2018. – Вып. 4, № 26. – С. 157–166.
- [15] Баранов С.В., Яковчук А.А. Построение инструментария моделирования ВРП для использования в практике управления регионами арктической зоны Российской Федерации // *Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2018 Материалы IX международной научно–практической конференции / Под редакцией Р.В. Бадылевича, Л.О. Залкинд*. – Апатиты: Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина, 2018. – С. 96.

References

- [1] Zaikov, K., Tamitskiy, A., & Zadorin, M. (2017). Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian. *Polar Journal*, 7(1), 125–142
- [2] Marchenkov, M.L. (2019). Sustainable development indicators for the countries of the Barents Euro–Arctic region. *Synergy of Sciences*, 32, 1430–1435.
- [3] Zharov, V.S. (2016). Evaluation of the imbalances in innovative industrial development of the regions–subjects of the Federation of the Arctic zone of Russia. In *The North and the Arctic in a new paradigm of world development* (pp. 404–406). Apatity: Luzin Institute for Economic Studies.
- [4] Bondareva, A.V., Fedorova, A.N., & Iukov, E.A. (2019). Globalization: Myth or Reality. In *Innovative Convention "Kuzbass: Education, Science, Innovation" Materials of the Innovation Convention. Department of Youth Policy and Sports of the Kemerovo Region* (pp. 656–658). Novokuznetsk: Siberian State Industrial University.

- [5] Omshanova, E.A., & Chalova, A.Yu. (2018). Budget stimulation of economic growth, or how not to go beyond the budget rule. *Federalism*, 4(92), 115–133.
- [6] Fomenko, P.A., & Fomenko, M.A. (2018). Arctic Russian regions: sustainable development and its measurement. In *Ecology and environmental management. The strategy of using natural capital for the sustainable development of the Arctic and the regions collection of scientific papers of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation* (pp. 97–102). Moscow: Nauka.
- [7] Konahina, N.A. (2015). The characteristic of the region as an open economic system of innovative technological development (on the example of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation). *Problems of the Modern Economy*, 4(56), 239–243.
- [8] Dudorova, D.A. (2018). Reasons for the interest of transnational corporations (TNCs) in the Arctic region. In *Comprehensive scientific and educational expedition "Arctic Floating University – 2018" Materials of the scientific session of students and graduate students* (pp. 81–84). Arkhangel'sk: NArFU.
- [9] Iukov, E.A. (2015). Alternative ideologies. *Political Institutions and Processes*, 1, 14–17.
- [10] Gorokhov, A.M., Zaikov, K.S., Kondratov, N.A., Kuprikov, M.Y., & Kuprikov, N.M., Tamickij, A.M. (2018). Analysis of scientific and educational space of the Arctic zone of the Russian Federation and its contribution to social and economic development. *European Journal of Contemporary Education*, 7(3), 485–497
- [11] Zajkov, K.S., Kalinina, M.R., Kondratov, N.A., & Tamitskij, A.M. (2016). Strategic priorities of scientific research in Russia and foreign countries in the Arctic region. *Arctic: Ecology and Economics*, 3, 29–37.
- [12] Olofsson, A., Öhman, S., & Nygren, K.G. (2016). An intersectional risk approach for environmental sociology. *Environmental Sociology*, 2(4), 346–354.
- [13] Teterina, T.E. (2018). The Arctic region as a basic element of the national economy. *Young Scientist*, 12(198), 93–95.
- [14] Soloviev, N.V., Soloviev, N.P., & Parfenov, S.V. (2018). *Development of proposals for improving the management system of the Arctic region*. GosReg: state regulation of public relations, 4(26), 157–166.
- [15] Baranov, S.V., & Yakovchuk, A.A. (2018). Building GRP modeling tools for use in the practice of managing regions of the Arctic zone of the Russian Federation. In R.V. Badylevich, L.O. Zalkind (Eds.). *The North and the Arctic in a new paradigm of world development. Luzin Readings – 2018 Materials of the IX International Scientific and Practical Conference* (p. 96). Apatity: Luzin Institute for Economic Studies.

Получена / Submitted: 03/07/2019

Доработана / Revised: 14/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 23/08/2019

УДК 172.15(571.150)

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Светлана Геннадьевна Максимова¹, Ольга Владимировна Борисова¹

¹*Кафедра психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация*

Аннотация. В работе проанализированы результаты исследования патриотических установок населения Алтайского края средней возрастной группы — 30–49 лет. Основная цель статьи — выявить патриотические установки населения Алтайского края средней возрастной группы. В ходе анализа полученных данных были рассмотрены компоненты патриотизма (когнитивный, эмоциональный, поведенческий). Показано, что на эмоциональном уровне у населения выбранной возрастной категории формируются чувства любви, уважения к Родине, гордость за нее, верность и преданность. На когнитивном уровне происходит формирование знаний о патриотизме в целом, об истории своего государства, о традициях народов России, о патриотическом долге, чести, ответственности и так далее. Поведенческий компонент находит отражение в готовности защищать страну в случае опасности, трудиться на благо страны, совершать конкретные поступки, приносить пользу людям. Также в результате проведенного исследования были выделены основные препятствия развитию патриотических чувств у населения края среднего возраста, а также наиболее эффективные меры по повышению уровня патриотизма среди населения региона этой группы. Понимание состояния патриотических воззрений населения региона позволит выявить риски и проблемные зоны в процессе реализации патриотического воспитания. Статья адресована специалистам в сфере патриотического воспитания, а также всем интересующимся данной проблематикой.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические установки, молодежь, структура патриотизма, уровень патриотизма.

Patriotic Attitudes of Population of the Altai Territory (on Sociological Research)

Svetlana G. Maximova¹, Olga V. Borisova¹

¹*Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the results of a study of the patriotic attitudes of the middle-aged population (30-49 age) of the Altai Territory. The main purpose of the article is to reveal the patriotic attitudes of the middle-aged population of the Altai Territory. In the course of the analysis of the obtained data, the components of patriotism (cognitive, emotional, and behavioral) were considered. At the emotional level, the population of the selected age category forms feelings of love, respect for the Motherland and sense of pride for it, loyalty and devotion. At the cognitive level, the formation of knowledge about patriotism as a whole, about the history of its state, about the traditions of the peoples of Russia, about patriotic duty, honor, responsibility, etc., takes place. The behavioral component reflected the willingness to protect the country in case of danger, to work for the good of the country, to perform concrete actions, to benefit people. Also, as a result of the study, the main obstacles to the development of patriotic feelings among of the middle-aged population of the region were highlighted, as well as the most effective measures to increase the level of patriotism among of the middle-aged population of the region. Understanding the state of the patriotic views of the region's population will help identify risks and problem areas in the process of implementing patriotic education. The article is addressed to specialists in the field of patriotic education, as well as all interested in this issue.

Keywords: patriotism, patriotic attitudes, youth, structure of patriotism, level of patriotism.

Введение

Переживаемый российским обществом системный кризис выдвигает на первое место проблему поддержания общенациональной солидарности, сохранения и воспроизводства духовных ценностей, среди которых основополагающей является идея патриотизма, способная послужить основой становления общероссийской идентичности. В современных условиях изменений всех сфер общественной жизни, мобилизации усилий, необходимых для преодоления социальных, экономических и политических угроз, исходящих от мирового сообщества, проблема целостности и единства страны становится особенно актуальной. Патриотизм — сложное социокультурное явление, характеризующееся многоаспектностью своего содержания и многообразием проявления в различных социальных ситуациях [1; 2]. В свою очередь, проблема формирования чувства патриотизма у населения Российской Федерации — сегодня одна из самых актуальных и сложных задач государства. Это объясняется тем, что становление гражданского общества и правового государства в нашей стране во многом зависит от уровня гражданского образования и сформированности чувства патриотизма.

Сегодня коренным образом меняются отношения гражданина России с государством и обществом. Он получил большие возможности реализовать себя как самостоятельную личность в разных областях жизни, и в то же время возросла ответственность за свою судьбу и судьбу других людей. В этих условиях патриотизм становится высшей ценностью, интегрирующей не только социальный, но и духовно-нравственный, идеологический, культурно-исторический, военно-патриотический и другие аспекты [1; 2]. В условиях становления гражданского общества и правового государства необходимо осуществлять воспитание принципиально нового, демократического типа личности, способной к инновациям, к управлению собственной жизнью и деятельностью, делами общества, готовой рассчитывать на собственные силы, собственным трудом обеспечивать свою материальную независимость.

Патриотические установки населения являются важным показателем происходящих перемен в обществе в различных сферах. Обществу в целом присущ сложный процесс формирования установок, ценностей и отношения к ним. Поэтому, чтобы государство могло качественным образом влиять на процесс формирования чувства патриотизма населения страны, необходимо, в том числе, знать патриотические установки граждан. При этом патриотические установки следует рассматривать как жизненные ценности, поведенческие приоритеты и когнитивные оценки (представление о Родине, самоидентичности и так далее) населения Российской Федерации.

Литературный обзор

Анализ различных научных источников свидетельствует о том, что существует множество определений патриотизма. В трактовке А.Н. Покиды патриотизм — «особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями для которых являются не только патриотическая самоидентификация, но и такие качества как любовь к Отечеству и служение ему, обеспечение целостности и суверенитета России, ее национальной безопасности и устойчивого развития, долг и ответственность» [3]. А.Н. Вырщикова и М.Б. Кусмарцев считают, что понимание патриотизма зависит от главного, существенного признака, означающего позицию патриотизма. Авторы определяют позицию патриотизма как стремление человека к участию в модернизации страны, к резкому повышению эффективности хозяйства, к волевой концентрации всех социальных сил для прорыва вперед, к выходу из затянувшейся апатии и безразличия к собственному настоящему и будущему [4]. В словаре С.И. Ожегова патриотизм определен как «любовь и преданность к своему Отечеству, к своему народу» [5]. С позиции В.И. Лутовинова патриотизм — это

«возвышенно-эмоциональное состояние личности, при этом главным объектом патриотизма выступает государство» [6]. В. Даль в своем толковом словаре живого великорусского языка рассматривает патриотизм от слова «патриот» и определяет его как «любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, патриотизм — любовь к Отчизне» [7].

С.Ю. Иванова отмечает ряд особенностей патриотизма в России, которые обусловлены историческим развитием, судьбой русского народа, его культуры, менталитета, многообразием этносов, необъятностью территории, климатом. Также важной закономерностью исторического развития патриотизма в нашем отечестве является его неравномерный характер: за высоким всеобщим подъемом, как правило, следует спад, депрессия и даже депатриотизация общества [8]. Поэтому на протяжении последних столетий, и особенно последних двух десятилетий, российский патриотизм был вынужден отстаивать свое право на существование и выживание. Также автор отмечает, что в начале 90-х, после распада СССР идеи социализма, которые многие годы объединяли наших граждан, не были заменены на новые ориентиры, идеи, ценности. Существенный провал в духовно-нравственном воспитании населения страны в этот период привел к девальвации таких ценностей, как долг, Родина, патриотизм, честь. Произошел конфликт между отрицанием им всего советского и неспособностью отказаться от базовых установок советской идеологии, неотделимых от коллективной и личной памяти. Это привело к образованию духовного вакуума, который заполнился навязанными с Запада установками, образцами поведения и т. п. В это время патриотические идеи становятся неактуальными, искажается смысл патриотизма. Патриотическое сознание приобретает неустойчивый, аморфный, неопределенный характер. Патриотическое сознание нового российского общества пока еще полностью не сформировалось [9].

Исторический аспект патриотизма изучался такими авторами, как: А.Л. Янов, В.С. Меметов, В.И. Лутовинов, Р.Я. Мирский, М.А. Свердлин, Н.И. Губанов и другими. Деятельностной составляющей патриотизма посвящены труды А.Н. Малинкина, В.И. Лесняка. Особенности современного российского патриотизма рассмотрены в диссертациях Т.В. Беспаловой, В.Н. Шейко, Ю.Н. Трифонова, А.П. Погорелого. Проблеме формирования патриотических чувств у различных социальных групп посвящены труды Т.А. Беляева, А.А. Крупника, Г.А. Кочкалды, Ю.И. Дерюгина, М.А. Никоновой и других. Исследования А.А. Крупника, В.И. Лутовинова, В.Ф. Фролова посвящены проблемам формирования патриотизма. Анализ понятия «социальная установка», раскрытие его сущности, структуры можно отметить в работах У. Липпмана, У. Томаса, Ф. Знанецкого, Г. Олпорта, М. Смита, В.А. Ядова и других. Особенно следует отметить исследования патриотических установок С.Г. Максимовой, Н.П. Гончаровой, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзиной, Д.О. Афанасьевой, С.П. Куликова, Д.Е. Грибова, Д.В. Трынова, С.П. Петросьяна и других.

Материалы и методы

В работе использованы теоретические методы: индуктивный, гипотетико-дедуктивный; методы сбора и анализа данных: анкетный опрос, традиционный анализ документов, нормативно-правовых актов, сравнительный анализ, анализ статистических данных, математико-статистические методы обработки данных. В статье приводятся данные опроса, проведенного сотрудниками Алтайского государственного университета в 2015 году. Указанное исследование является частью многолетнего мониторинга, по результатам которого были получены уникальные данные, позволяющие сделать научно-обоснованные выводы о патриотических установках населения Алтайского края. Объектом исследования является население Алтайского края в возрасте от 15 до 75 лет. Опрос проводился по схеме кластерной пропорциональной выборки в сочетании с квотным отбором. Квотный принцип отбора предполагает, что известны некоторые важные пропорции генеральной совокупности,

как, например, распределение по возрастным группам, по величине населенных пунктов. В нашем исследовании выделены следующие квотируемые признаки: пол, возраст, территориальное распределение. Заданный объем выборочной совокупности ($n = 400$). Данный размер выборки является репрезентативным с ошибкой 4,5 %. Указанный объем выборки был распределен пропорционально имеющимся статистическим данным об общей численности населения, соотношения городского и сельского населения, численности населения в отдельных возрастных группах населения, распределения по полу [9]. По данным Алтайкрайстата в 2015 году в Алтайском крае численность населения составила 2 376 660 человек [10]. Так, процентное соотношение мужчин и женщин составило 46 и 54 % соответственно. Возрастная структура выборочной совокупности была представлена тремя основными группами. В категории молодежи в возрасте 15–29 лет опрошено 23,1 % респондентов, возрастная группа 30–49 лет составила 37,8 %, 50 лет и старше — 39,2 % от общей совокупности опрошенных [9]. В выборке также были отражены пропорции городского и сельского населения Алтайского края (60/40). Было опрошено 60 % респондентов, проживающих в городах региона и 40 %, проживающих в селах, в том числе жителей средних и крупных сел — 40,0 %, малых городов — 22,5 %, крупных городов — 37,5%. Исследование было проведено в следующих городах и муниципальных районах Алтайского края: г. Барнаул (37,5 %), г. Новоалтайск (11,3 %), г. Алейск (11,3 %), Ключевской, Косихинский, Павловский, Родинский, Советский районы (по 8,0 % в каждом) [9].

Результаты и обсуждение

Исследование патриотических установок населения Алтайского края средней возрастной группы следует начать с рассмотрения понятия «патриотизм».

В ходе опроса респондентам был задан ряд вопросов относительно патриотизма. На вопрос «А как бы Вы объяснили, что такое патриотизм?» мнения респондентов были следующие. Так, респонденты среднего возраста чаще определяли патриотизм как любовь к родине (52,7 %), уважение к своей стране, гордость за нее, верность и преданность (60,3 %). Необходимо отметить высокий процент опрошенных, которые определяли патриотизм как готовность защищать свое отечество в случае чрезвычайной или экстремальной ситуации (40,3 %) и знание истории страны, ее культуры, уважение к ее традициям (35,1 %). Также чуть более 10 % респондентов определили патриотизм как готовность бескорыстно трудиться на благо родины, привязанность к месту своего рождения, родному городу, деревне, дому, возрождение традиций российского государства, а также любовь к родной культуре, народу. Примечательно, что только 6,1 % жителей края понимают патриотизм как готовность служить в армии. Менее 5 % респондентов выбрали такие ответы, как знание государственной символики, стремление к безопасному глобальному миру, общественно значимые поступки. Кроме того, менее 1 % представителей данной возрастной группы отметили, что патриотизм — это выдуманное чувство манипулирования массами [9].

На основании этого можно отметить, что патриотизм как любовь к Родине носит в некоторой степени иррациональный характер, выступая в виде убежденности, не требующей какого-либо основания и аргументации.

Далее респондентам было предложено отметить те внешние проявления патриотизма, по которым можно судить, является ли человек патриотом или нет. Жители региона в возрасте от 30 до 49 лет чаще всего называли следующие: служение народу (44,3 %), желание и стремление жить и работать в своей стране (40,5 %), конкретные дела, потребность приносить пользу людям (35,4 %), жизнь в соответствии с моральными ценностями, законопослушность (32,8 %). Пятая часть опрошенных к значимым признакам патриота отнесли совершение героических поступков, исполнение воинского долга в рядах Вооруженных Сил, служба в армии и нетерпимость к различным проявлениям

неуважительного отношения к стране и ее гражданам (по 21,4 %). Следует отметить, что меньше всего респондентов считают участие в выборах (15,3 %), бережное отношение к природе и участие в мероприятиях, посвященных памятным датам и годовщинам событий проявлением патриотизма (по 16 % соответственно) [11].

Дальнейший анализ ответов респондентов показал, что абсолютное большинство жителей Алтайского края средней возрастной группы считают себя патриотами (73 %). Отрицательно ответили на вопрос 8 % респондентов. Затруднились дать ответ 18 % участников исследования.

Также респондентам было предложено оценить свой уровень патриотизма по 9-балльной шкале. Наиболее часто опрошенные оценивали свой уровень патриотизма на 7 баллов (24,3 %).

Ответы респондентов на вопрос «Что лично для Вас означает “быть патриотом?”» показали, что для большинства респондентов патриотизм — желание процветания своей стране и народу (52,3 %). Примечательно, что люди среднего возраста важную роль отводят поведенческому компоненту патриотизма, 40 % респондентов патриотизмом считают готовность защитить свою Родину. Чуть более трети опрошенных отметили главную позицию в структуре эмоционального компонента патриотизма — чувство радости и гордости за достижения страны на международной арене (33,8 %), любовь и уважение к своему языку, культуре (32,3 %), любить и гордиться своей страной (31,5 %). Значительная часть респондентов отметили важность когнитивного компонента патриотизма — знание истории страны, края, народа и интерес к ней (36,9 %), уважать традиции и культуру России (34,6 %).

Также респондентам было предложено оценить характер препятствий, мешающих развитию патриотических чувств у населения среднего возраста. Согласно полученным данным, основными препятствиями развитию патриотических чувств респонденты считают низкий уровень жизни и материального благосостояния (50,4 %), недоверие к власти, разочарование в ней (45 %), неуверенность в завтрашнем дне, социальную несправедливость (38,6 %), нестабильность социального положения (36,6 %). Пятая часть опрошенных обеспокоены собственной правовой незащищенностью (19,8 %), отсутствием возможностей для улучшения своей жизни, перспектив развития (17,6 %) и ориентацией на западные ценности (20 %). Важно отметить, что отсутствие ясной патриотической идеи в обществе и ее слабое проявление в сознании многих людей в качестве препятствия развитию патриотизма среди населения считают 13,8 %. На основе полученных данных можно сделать выводы о том, что отсутствие стабильности в различных сферах жизни, неуверенность во власти и в завтрашнем дне негативным образом сказывается на уровне патриотизма населения Алтайского края среднего возраста [12].

Выводы

Анализ полученных данных позволяет сделать ряд выводов относительно патриотизма и патриотических установок населения среднего возраста Алтайского края. Абсолютное большинство представителей среднего возраста считают себя патриотами. Авторы пришли к мнению, что в структуре патриотических установок населения Алтайского края среднего возраста сильнее всего выделяется аффективный компонент — это любовь к Родине, уважение к своей стране, гордость за нее, верность и преданность. Однако не менее значимы для представителей данной возрастной группы упор на когнитивный (знание истории страны, ее культуры, уважение к ее традициям) и поведенческий (как готовность защищать свою Родину, трудиться на благо страны, совершать конкретные поступки, приносить пользу людям) компоненты.

Представленные данные свидетельствуют о том, что население региона среднего возраста считают патриотизм, прежде всего, особым эмоциональным отношением к своей стране, выражающимся в знании истории страны, уважении традиций. Также это отношение оказывается сопряженным с конкретными действиями не только в критической ситуации (когда нужно защищать страну, с существованием которой связана жизнь субъекта, и другого выбора нет), но и в повседневной жизни. Средняя возрастная группа отмечает, что патриот должен служить народу, делать конкретные дела, испытывать потребность приносить пользу, а также стремиться жить и работать в своей стране, жить в соответствии с моральными ценностями. Больше всего развитию патриотизма, по мнению респондентов, мешает материальная составляющая жизни людей региона. По мнению авторов, выявленные препятствия развитию патриотических чувств у представителей среднего возраста иллюстрируют, насколько сильно фрустрирована потребность населения в материальном благополучии [12]. Представляется обоснованным определить следующие меры по повышению уровня патриотизма населения Алтайского края среднего возраста. Во-первых, необходимо совершенствование законодательства в различных сферах жизни общества, так как эффективность принимаемых мер во многом зависит от правовых условий, сформированных органами государственной власти. Например, продолжение реализации мероприятий государственных программ региона, направленных на патриотическое воспитание населения. Также важно последовательно формировать высокий уровень доверия граждан к государству. Во-вторых, идеологические меры, такие как усиление светского идеологического элемента власти, пропаганда российского конституционного патриотизма, непротиворечивой позитивной картины национального прошлого, просвещения, науки и т. п. В-третьих, комплекс экономических мер, направленных на улучшение материального благосостояния, укрепление стабильности социального положения населения Алтайского края.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России (2018-2019)».

Библиографический список

- [1] Курганская М.Я. Патриотические ценностные ориентации российской студенческой молодежи: автореф. дис ... канд. социол. наук. – Москва, 2012. – 18 с.
- [2] Есипенко О.В. Особенности патриотизма в современном российском обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_23382404_74177682.pdf (дата обращения 05.04.2019)
- [3] Покида А.Н. Специфика патриотических чувств россиян // Власть. – 2010. – № 12. – С.124–129.
- [4] Вырщикова А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: монография. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. – 172 с.
- [5] Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1977. – 754 с.
- [6] Лутовинов В.И. Патриотическое воспитание молодежи в современных условиях: проблемы и направления их решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyyu-patriotizm-suschnost-i-problemy>
- [7] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.

- [8] Иванова С.Ю. Мы и Россия. Мы в России. Россия в нас // Независимая газета. – 2013. – № 262. – С.15–19.
- [9] Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Национальная гордость и патриотизм в структуре гражданской идентичности жителей Алтайского края // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / Под ред. С.Г. Максимова. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. – С. 5–10.
- [10] Алтайкрайстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akstat.gks.ru/> (дата обращения 20.04.2019)
- [11] Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Авдеева Г.С., Омельченко Д.А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России: монография / Под ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. – 321с.
- [12] Борисова О.В. Проблемы патриотического воспитания населения Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sep-tyuiu.ru/docs/01-2018.pdf> (дата обращения 19.04.2019)

References

- [1] Kurganskaya, M.Ya. (2012) *Patriotic value orientations of Russian students*. (Master's thesis, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).
- [2] Esipenko, O.V. *Features of patriotism in modern Russian society*. Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_23382404_74177682.pdf
- [3] Pokida, A.N. (2010). The specifics of the patriotic feelings of Russians. *Power*, 12, 124–129.
- [4] Vyrschikov, A.N., & Kusmartsev, M.B. (2012). *Patriotic education of youth in modern Russian society*. Volgograd: NP IPD “Avtorskoye pero”.
- [5] Ozhegov, S. (1977). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russkiy yazyk.
- [6] Lutovinov, V.I. *Patriotic education of youth in modern conditions: problems and directions for their solution*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-patriotizm-suschnost-i-problemy>
- [7] Dal, V.I. (2009) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow: OLMA Media Group.
- [8] Ivanova, S.Yu. (2013). We and Russia. We are in Russia. Russia in us. *Independent Newspaper*, 262, 15–19.
- [9] Maksimova, S.G., Omelchenko, D.A., Goncharova, N.P., & Noyanzina, O.E. (2014). National pride and patriotism in the structure of civil identity of residents of the Altai Territory. In S.G. Maksimov (Ed.), *Social integration and the development of ethnic cultures in the Eurasian space: a collection of materials of the international scientific conference* (pp.5–10). Barnaul: IP Kolmogorov I.A.
- [10] Altaikraistat. Retrieved from <http://akstat.gks.ru>
- [11] Maksimova, S.G., Goncharova, N.P., Noyanzina, O.E., Avdeeva, G.S., & Omelchenko, D.A. (2013). *Patriotism and nationalism: mental representations and behavioral strategies of the population of modern Russia*. Barnaul: Altai State University.
- [12] Borisova, O.V. *Problems of patriotic education of the population of the Altai Territory*. Retrieved from <http://www.sep-tyuiu.ru/docs/01-2018.pdf>

Получена / Submitted: 18/07/2019

Доработана / Revised: 05/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 19/09/2019

УДК 316.334.56(571.12-21)

ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ Г. ТЮМЕНИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «SMART-CITY» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

Марина Львовна Белоножко¹, Олег Михайлович Барбаков², Борис Максимович Лихтенштейн¹, Дарья Александровна Костырева¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра бизнес информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов, определяющих перспективы и возможности реализации программ «Умный город» в активно развивающемся региональном центре, г. Тюмени. Проведенный анализ литературных источников, документов территориального развития российских городов позволяет констатировать наличие в ряде российских городов и в г. Тюмени в частности развитой информационно-коммуникативной сферы, материальных и интеллектуальных ресурсов, необходимых для устойчивого развития территории. Поскольку одним из основополагающих принципов «Умного города» является ориентация на человека, в работе проведено эмпирическое социологическое исследование, позволившее оценить, какие сферы функционирования городской среды, по мнению жителей, должны стать «умными» в первую очередь, и кто должен отвечать за развитие «умного города». Анализ полученных результатов показывает необходимость повышения социальной активности населения в реализации программы развития «Умного города».

Ключевые слова: информатизация, «умный город», большие данные, городское население, технологические и социальные инновации, интернет-ресурсы, онлайн опросы.

Assessment of Tyumen City Prospects and Development Opportunities Towards "Smart City" Concept, as Viewed by Tyumen Residents (Sociological View)

Marina L. Belonozhko¹, Oleg M. Barbakov², Boris M. Likhtenshtein¹, Darya A. Kostyreva¹

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is focusing on the analysis of the key aspects that determine the prospects and opportunities for implementing "Smart City" programs in the city of Tyumen, an actively developing regional center. The analysis of the documentation that depicts Russian cities territorial development, allows to ascertain that in a number of Russian cities, and, notably in Tyumen, one can find a well-developed information flows and communication space, as well as, financial and intellectual resources, that are necessary for the sustainable development of the territory. Since one of the fundamental principles of a "Smart City" is a person — oriented approach, an empirical sociological study was carried out that made it possible to assess which areas of the urban environment should be "Smart" in the first place, according to residents feedback, and, who should be responsible for the development of the "Smart City". The analysis of the results of this study demonstrates the need to increase the social engagement of the population in the implementation of the "Smart City" development program.

Keywords: informatization, "Smart- City", big data, urban population, technological and social innovations, Internet resources, online surveys.

Введение

В настоящее время, по данным всемирного банка, 53 % всех людей в мире живут в городах. В ближайшее время этот показатель увеличится до 75 %. В России, по данным на 2019 год, в городах живет 74,56 % населения, причем 17 % — в городах, с населением более 1 млн чел. [1]. Эта статистика заставляет изучать мировые тенденции развития городских поселений, использовать накопленный опыт для улучшения качества жизни городских жителей, оптимизации инфраструктуры и внедрения технологических и организационных инноваций. Инновационный путь решения комплекса проблем современных городов описывается концепцией «Умный город». В общем смысле «Умный город» — это городская среда с обратной связью, в которой обеспечен оперативный и достоверный сбор разнообразной информации обо всех процессах, влияющих на жизнь горожан, и формирование на основе данной информации управленческих воздействий. «Умный город» предусматривает широкое использование информационно-коммуникационных технологий, работу с большими информационными массивами и, самое главное, налаженную систему организационного взаимодействия всех субъектов — участников происходящих в городе процессов (власть, бизнес, население). Идентификация того или иного города в категории «Умный» перешла из теоретической плоскости в практическую в последнее десятилетие, когда стали развиваться технологии работы с большими данными и появились новые технологические возможности, связанные с развитием интернета.

Любой город характеризуется гигантскими объемами структурированных и неструктурированных данных. Формируются потоки информации о происходящих в городе процессах (транспортные потоки, перемещения людских масс, товарооборот, влияние погодных условий, аварийные ситуации и тому подобное). Основная масса этих данных в настоящее время не используется в полном объеме, особенно в режиме реального времени.

В «Умном городе» работа с большими данными является основным источником информации, позволяющим формировать эффективные управленческие решения как оперативного, так и стратегического характера. При этом в состав больших данных входит и информация, формируемая в автоматическом режиме системами Интернета вещей (Internet of Things). Рынок Интернета вещей в настоящее время переживает период бурного роста. По оценкам компании Ericsson, одной из крупнейших в сфере коммуникаций, начиная с 2018 года число датчиков и устройств Internet of Things (IoT) превышает в мире количество мобильных телефонов и становится самой большой категорией подключенных устройств.

Аналитики компании прогнозируют, что из приблизительно 28 млрд подключенных устройств по всему миру, к 2021 году около 16 млрд будут связаны с IoT. Общий мировой объем капиталовложений в IoT в 2016 г. составил 737 млрд долл. США, в 2017 — более 800 млрд. К 2021 г. прогноз — 1,4 трлн долл. США [2]. Российский рынок интернета вещей также активно развивается. По оценкам «Директ ИНФО», к 2021 году общее число IoT устройств вырастет до 79,5 млн, а к 2026 году — 164,7 млн [3]. Общий потенциал российского рынка оценивается на уровне 0,5 млрд устройств.

Отличительной чертой «Умного города» является ориентация на стратегию долгосрочного устойчивого развития. Под устойчивым развитием понимается удовлетворение текущих потребностей населения, не затрагивая будущие потребности следующих поколений, которые будут населять город. По мнению экспертов, город становится «умным» только тогда, когда реализуется принцип многофункционального использования разнообразных ресурсов, что подразумевает использование информационных данных и инфраструктуры одних городских сфер для решения задач других. Большие объемы данных, собранных в городе, и программные продукты, позволяющие их обрабатывать, становятся ключевым механизмом управления всеми общественными и технологическими процессами на территории [4].

При этом нужно понимать, что заметные экономические результаты от внедрения технологий «Умного города» будут получены не сразу, то есть программа потребует регулярных инвестиций и времени на ее осуществление.

Чтобы не дискредитировать идею и сделать инвестиции экономически оправданными, необходимо достижение локальных успехов на пути реализации программ «Умного города». Поэтому выбор стратегии развития конкретного города как «умного» требует особого внимания. Говоря о целевых инвестициях в «Умные города», следует отметить, что основным инвестором сегодня выступает государство. Это подтверждается и оценками экспертов НИИТС (спрос на услуги и технологии в сфере smart-city на 82 % диктуются госсектором) [5]. При этом 90 % рынка «Умных городов» России приходится на безопасность и транспорт, оставшиеся 10 % приходятся на энергоэффективные платформы и «умные» решения, использующие Интернет вещей и промышленный интернет для промышленного сектора.

Чтобы развивать как «умный» уже существующий город, как правило, на первом этапе используют несвязанные между собой элементы инфраструктуры города, например, различные системы многофункционального управления городом, улучшающие коммуникацию различных учреждений и жителей города с администрацией. При этом, как отмечают эксперты, универсального эталона «Умного города» пока еще нет не только в России, но и на международном уровне, где существует большая база бенчмарков и практик в области определения, регулирования, финансирования и управления «умными городами» [6].

Город Тюмень, занимающий ведущие позиции в российских рейтингах городов, опирается в своем развитии на лучшие российские и зарубежные практики, но накопленный зарубежный опыт не может механически переноситься на российскую почву.

Именно поэтому является важным осмысление существующих возможностей и вариантов, позволяющих сделать город «умным», и оценить роль населения в осуществлении данной стратегии развития.

Материалы и методы

Согласно поставленной цели и сформулированным задачам, в работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза (диалектический, системный, синергетический). Это способствовало комплексному рассмотрению ситуации и объективному рассмотрению основных факторов, влияющих на состояние городской среды в процессе разработки и внедрения в практику подходов «Умного города». Материалами для исследования послужили научные статьи, монографии, публикации отечественных и зарубежных ученых, нормативно-правовые акты национального и международного законодательства в исследуемой сфере, экспертные аналитические обзоры ведущих международных и российских аналитических центров, таких как Центр стратегических разработок «Северо-Запад», Центр городских исследований IEMS «Сколково», Национальный центр компетенций «Умный город» Минстроя РФ, компания McKinsey и другие, а также эмпирические материалы, полученные авторами в процессе проведения данного исследования.

Результаты и обсуждение

Тюменская область является одним из передовых регионов по развитию информационного общества и электронного правительства, «регионом-испытателем», участвует во многих пилотных проектах Минкомсвязи России по внедрению нововведений в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Развитие информационного общества в Тюменской области осуществляется в рамках выполнения мероприятий профильной государственной программы «Развитие информатизации».

Кроме того, мероприятия по информатизации заложены в отраслевых государственных программах: «Развитие культуры», «Развитие образования и науки», «Развитие транспортной инфраструктуры», «Профилактика правонарушений», «Повышение безопасности дорожного движения», «Развитие агропромышленного комплекса», «Социальная политика», «Содействие занятости и развитие трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений», «Развитие физической культуры и спорта», «Развитие имущественного комплекса», «Недропользование и охрана окружающей среды», «Развитие гражданского общества, общественные связи и молодежная политика» и других. Степень проникновения подвижной радиотелефонной (сотовой) связи оценивается в 207 единиц на 100 человек населения, что соответствует 7 месту в Российской Федерации и 2 месту в Уральском федеральном округе (УрФО). По показателю «число абонентов фиксированного широкополосного доступа (ШПД) в сеть Интернет на 100 человек населения» регион занимает 7 место в Российской Федерации (26 абонентов). По численности пользователей сети Интернет на 100 человек населения Тюменская область занимает 22 место в Российской Федерации (77 пользователей) и 3 место — в Уральском федеральном округе. В городе Тюмени функционирует региональная сеть бесплатного доступа в интернет «TyumenFree». Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, составляет 72,2% — 9 место в Российской Федерации и 2 место — в УрФО, а уровень удовлетворенности граждан, получаемыми в электронном виде госуслугами, составляет 86,2 %.

Регион успешно реализовал проект по информатизации управления проектами — создана Информационная система управления проектами Тюменской области. Отдельного внимания заслуживают региональные мобильные приложения, успешно функционирующие в сфере образования, здравоохранения, транспорта и жилищно-коммунального хозяйства, созданные для мобильных операционных систем «Android» и «iOS»:

- «Образование 72» располагает функциональной возможностью контроля за успеваемостью учеников школ Тюменской области, предназначается для учеников и их родителей;

- «Медицина 72» позволяет самостоятельно записываться на прием как самому пользователю, так и его родным и близким; содержит личный кабинет для хранения постоянно используемых данных, а также информацию о медицинских учреждениях и их контактные данные; содержит функционал напоминаний о предстоящем приеме с возможностью синхронизации с календарем смартфона;

- «Транспорт 72» позволяет ознакомиться с интересующим маршрутом пассажирского транспорта, расписанием движения, местоположением остановочного пункта;

- «ЖКХ 72» включает следующие возможности: оплату коммунальных услуг; отправку показаний приборов учета по лицевым счетам; просмотр общей информации об управляющих компаниях, их контакты, режим работы; просмотр графиков потребления по услугам, среднее, максимальное и минимальное значения по переданным показаниям.

В Тюменской области с 2010 года работа по повышению компьютерной грамотности граждан ведется централизованно в рамках программы по повышению компьютерной грамотности населения области «Расширяя горизонты».

Очень важным является то, что информатизация в Тюменской области осуществляется комплексно и системно. Информационные технологии активно используются для совершенствования качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения, эффективного управления государственным и муниципальным имуществом, общественной безопасности. Согласно рейтингу «Цифровая Россия» по субъектам Российской Федерации за первое полугодие 2018 года, подготовленному Центром финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково», Тюменская область занимает 5-е место по уровню цифровизации с

показателем в 74,01 балла, отставая от лидера рейтинга города Москвы на 1,13 балла [7]. В целом нужно отметить, что в регионе осуществляется централизованный подход при развитии информатизации, что, в совокупности с системным подходом, обеспечивает создание качественных и доступных электронных сервисов для жителей региона и соответствует идеологии реализации программ «Умный город» в г. Тюмени.

Одним из основополагающих принципов «Умного города» является ориентация на человека. Современные жители начинают воспринимать город как сервис, позволяющий всегда и везде быть на связи, быстро и по оптимальным маршрутам перемещаться по городу, иметь возможность оперативно найти нужное место, попасть к врачу, записать ребенка в школу или детский сад, удаленно покупать продукты, оперативно оплачивать услуги ЖКХ и узнавать о происшествиях.

Для эффективного и устойчивого функционирования такой системы необходимо обеспечивать возможность обратной связи между жителями города и управляющими структурами, позволяющей получать информацию, необходимую для внесения коррективов в деятельность муниципалитета.

Учет мнений жителей традиционно осуществляется путем опросов, и современные информационные технологии позволяют повысить их эффективность и оперативность.

Лидером в этом направлении развития «Умных городов» является Москва, где с 2014 года эффективно развивается портал «Активный гражданин», на котором, на регулярной основе, проводятся опросы горожан по самым различным вопросам: озеленение, благоустройство, выбор дизайна станций метро, детский отдых, работа поликлиник, библиотек и т. п. [8]. На конец декабря 2018 года на сайте зарегистрировались 2 183 789 горожан, прошло 3 783 голосования, и было принято 111 165 194 мнения по различным вопросам. Усредненно получается, что в одном голосовании участвовало около 30 000 горожан.

В г. Тюмени такого уровня социальной активности пока не наблюдается. В Тюменской области функционирует портал услуг «Активный гражданин», где присутствуют ссылки на 3 интернет-проекта администрации г. Тюмени: портал «Тюмень — наш дом», присутствующий во всех наиболее популярных социальных сетях, сайт электронных опросов «Я решаю» и сайт «Твоя Тюмень» [9–11].

На портале «Тюмень — наш дом» принимаются следующие категории сообщений жителей: текущее содержание дворовой территории, нарушение правил содержания стройплощадок, парки и скверы, работа спорторганизаторов, устранение несанкционированных надписей на фасаде зданий, текущее содержание дорог и ремонт, остановки общественного транспорта, брошенный автомобиль, не работает наружное освещение, поврежден информационный указатель, табличка, дорожный знак [9].

По состоянию на декабрь 2018 года количество зарегистрированных тюменцев на данном портале превышает 26 000 человек, ими было оставлено более 13 800 сообщений городским чиновникам.

Посещаемость данного интернет-ресурса носит неравномерный характер. Так, по данным счетчика Mail.ru, наибольшим спросом данный проект пользовался в марте 2018 года (более 31 000 посетителей), а наименьшим — в январе 2018 года (порядка 5 000 посетителей) [12].

В целом аудитория данного интернет-ресурса является стабильной, а количество пользователей значительно не меняется с 2014 года, что вызывает определенные вопросы, поскольку количество интернет-пользователей в г. Тюмени выросло за указанный период весьма значительно.

Электронные опросы на сайте «Я решаю» [10] инициируются администрацией города. На обсуждение выносятся темы, по которым имеются разные мнения. Для реализации опросов используется технология блокчейн CITYCHAIN, созданная компанией НПО

«САПФИР», и функционирующая на серверах Администрации города Тюмени и серверах НПО в г. Екатеринбурге в рамках совместного пилотного проекта по внедрению технологии блокчейн в информационные системы муниципалитета.

Для привлечения большего внимания к данному сервису также были запущены мобильные приложения, доступные для скачивания в AppStore и Google Play. При этом стоит отметить, что общее число опросов на портале невелико, как и количество граждан, участвующих в них (колеблется, в зависимости от темы, от 180 до 700).

Наименее востребованным проектом является «Твоя Тюмень», средняя посещаемость данного сайта не превышает 20 человек в сутки. С 2015 года на обсуждение в рамках этого ресурса выносилось всего 9 тем, наиболее востребованной из которых являлась тема «Моя набережная» (55 предложений и 38 комментариев).

Приведенная статистика показывает, что уровень социальной активности жителей, несмотря на высокий уровень материально-технической базы информационного взаимодействия, в г. Тюмени невысок и требует активизации.

В результате анализа полученной информации об особенностях развития г. Тюмени авторами данной работы, с привлечением экспертов, был осуществлен SWOT-анализ, позволивший выделить сильные и слабые стороны в жизнедеятельности города, оценить возможности и угрозы, сопровождающие процесс развития в направлении «Умного города».

Результаты этого рассмотрения представлены в таблице 1.

«Умный город» предполагает, прежде всего, повышение качества жизни горожан, что означает удовлетворение потребностей как настоящего, так и будущих поколений, где негативное влияние от функционирования городской среды будет минимально благодаря использованию высокотехнологических и цифровых инфраструктур и платформ.

Одним из ключевых показателей «Умного города» являются «умные жители», степень заинтересованности и социальной активности которых характеризует:

- уровень доступности информации о жизнедеятельности городской среды;
- уровень активности пользователей интернета;
- уровень пользования электронными сервисами (например, электронной очередью).

Также важно, какие сферы функционирования городской среды, по мнению жителей, должны стать «умными» в первую очередь, и кто должен отвечать за развитие «Умного города».

Авторами, в процессе исследования методом анкетирования, в 4 квартале 2018 года был проведен экспресс-анализ мнений 408 респондентов.

Генеральная совокупность была определена по г. Тюмени из числа жителей от 16 до 69 лет в количестве 563 200 человек.

Для формирования выборки использован простой случайный отбор: каждый объект выборки отобран случайно из генеральной совокупности, и все объекты имеют одинаковую вероятность попасть в выборку.

Объем выборки определен на основе статистического анализа, исходя из определенных требований к надежности и достоверности результатов. Наиболее теоретически обоснованным и корректным является подход к определению объема выборки, основанный на расчете доверительных интервалов [13].

При расчетах объем выборки для обеспечения уровня доверительности $\gamma = 95\%$ и предельно допустимой ошибкой 5 % составил 384 респондента, что справедливо и для повторных, и для бесповторных выборок при таком большом объеме генеральной совокупности.

Таблица 1. Результаты SWOT-анализа по г. Тюмени

STRENGTH (сильные стороны)	WEAKNESSES (слабые стороны)
Статус областного центра Экономическая стабильность, высокие экономические показатели роста Наличие поддержки малого и среднего предпринимательства Действующая система поддержки и привлечения в регион IT-компаний Развитый потребительский рынок, высокий уровень сетевой торговли Наличие оптимального количества сети муниципальных учреждений социальной сферы Рост темпов жилищного строительства Достаточная близость к рынкам Китая, Казахстана, Узбекистана Наличие достаточного производственного потенциала в сфере промышленного, гражданского и дорожного строительства Наличие развитых элементов транспортного узла — международный аэропорт, железная дорога, связывающая «восток» и «запад», федеральные трассы Высокая социальная активность пожилого населения Отсутствие безработицы, в том числе и за счет мигрантов с близлежащих территорий Современное образование (школы, колледжи, вузы на территории города) Современное здравоохранение Наличие мест рекреации и отдыха, санаторно-курортного лечения Современная телекоммуникационная сеть и инфраструктура Богатое историческое наследие и разнообразный культурно-исторический потенциал города	Отсутствие достаточного количества крупных промышленных производств Градостроительное решение застройки центра города, не позволяющее расширять и модернизировать территории без существенной реконструкции и сноса Высокая степень зависимости социально-экономического развития города от нефтегазового комплекса Недостаток финансовых ресурсов, выделяемых на создание экологически чистых и безопасных производств Низкий уровень энергосберегающих технологий Недостаточное количество высокотехнологичных, наукоемких производств Необходимость модернизации системы утилизации отходов Значительный уровень износа коммунальных сетей городской инфраструктуры Система подготовки трудовых ресурсов недостаточно сбалансирована с потребностями рынка труда Отсутствие стратегии развития «Умного города» Высокая стоимость реализации программы «Умный город» Отсутствие законодательства, определяющего условия реализации программы «Умный город» Отсутствие опыта использования «больших данных» для оптимального управления городской инфраструктурой Трудности обеспечения требуемого уровня информационной безопасности при одновременной необходимости повышения степени открытости данных Недостаточный уровень участия населения в решении проблем развития города и использовании средств информационного взаимодействия
OPPORTUNITIES (возможности)	THREATS (угрозы)
Возможность участия в федеральных программах Модернизация и развитие систем жизнеобеспечения Развитие инновационных процессов и производств на базе имеющегося научного потенциала Развитие частно-государственного партнерства Привлечение зарубежных и российских инвесторов Использование рекреационного потенциала города Повышение привлекательности и имиджа города Дальнейшее развитие системы электронного правительства города и региона Рост туристской привлекательности Развитие интеллектуальной системы управления дорожным движением в городе Дальнейшее повышение качества жизни населения Развитие историко-культурного потенциала города Улучшение качества городской инфраструктуры Развитие инициатив горожан на основе взаимодействия власти и населения Улучшение здоровья населения города Повышение качества образовательных услуг	Демографические проблемы: старение населения, высокая смертность, низкая рождаемость Угроза техногенных аварий в силу изношенности ОПФ, в том числе и в сфере ЖКХ Сокращение налоговой базы Ухудшение экологической ситуации Наличие конкурентов из других регионов и городов Нестабильность нормативно-правовой базы государства Углубление социального неравенства и проблемы бедности Большой срок окупаемости программы «Умный город» Сложности с привлечением инвесторов Нестабильность внешней среды

В исследовании приняли участие 55,1 % мужчин и 44,8 % женщин, что соответствует генеральной совокупности.

Как уже отмечалось, в генеральной совокупности возрастные ограничения составили границы от 16 до 69 лет, то есть в качестве объекта исследования бралось население, имеющее навыки пользования онлайн-технологиями и способные оценить возможность и необходимость перехода города на «умные» информационно-коммуникативные технологии.

Возраст респондентов распределился следующим образом: основная их доля (43,4 %) приходилась на молодежь в возрасте от 16 до 25 лет, и это объективно, так как именно им выбирать, в каком городе они хотят жить, растить детей, пользоваться всеми возможностями интернет-технологий.

В онлайн-опросе также приняли участие 8,1 % жителей города свыше 61 года. Остальные возрастные группы почти идентичны по количеству, принявших участие в опросе — 27,8 % в возрасте от 26 до 40 лет и 20,6 % в возрасте от 41 до 60 лет.

Большинство респондентов имеют высшее (64,7 %) или незаконченное высшее образование (21,3 %). Еще 10,3 % имеют среднее образование и весьма незначителен процент опрошенных со средним специальным образованием.

Исходя из отраслевой принадлежности, жители Тюмени, принявшие участие в опросе, распределились следующим образом (рисунок 1):

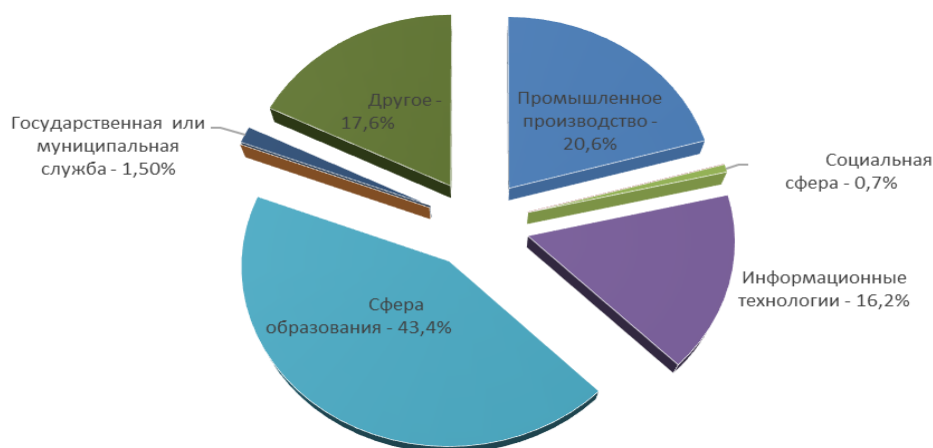

Рисунок 1. Сфера деятельности респондентов (в % к числу опрошенных)

Опрошенные жители г. Тюмени работают в сфере образования (43,4 %), промышленности (20,6 %) и ИТ-технологий (16,2 %). Кроме того, в исследовании приняли участие работники сельского хозяйства, социальной и финансовой сферы, сотрудники органов правопорядка и представители государственной и муниципальной власти. Объективно, что все, без исключения, опрошенные постоянно пользуются интернетом, так как опрос проводился в онлайн. Второй по значимости источник информации — это обмен информацией с коллегами по работе или сокурсниками (55,9 %) (рисунок 2).

Телевидение в качестве информационного источника используют 41,2 %, радио — 19,1 %, печатные СМИ (газеты, журналы) — только 11 % респондентов. Почти никто из опрошенных не посещает библиотеку с целью получения новых знаний, научные источники информации также не являются предметом интереса респондентов. Таким образом, можно заключить, что основным и наиболее значимым источником для получения сведений о необходимой информации являются интернет-ресурсы. И только на третьем месте стоит телевидение, которое в качестве источника информации используют в основном респонденты в возрасте свыше 40 лет.

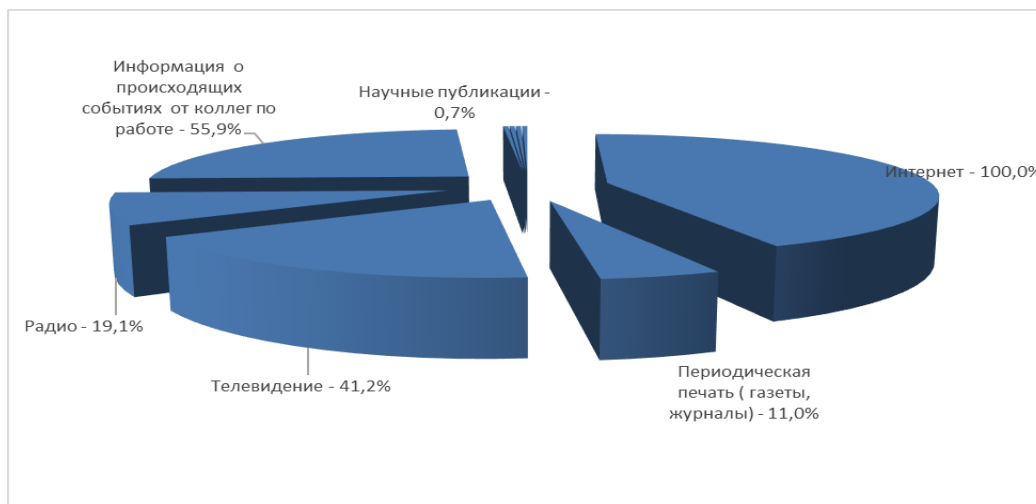

Рисунок 2. Регулярные источники информации (в % к числу опрошенных)

С одной стороны, продвинутость жителей г. Тюмени в интернет-пространстве свидетельствует об их готовности использовать онлайн и IT-технологии в повседневной жизни, что говорит о перспективности реализации в Тюмени программы «Умный город». Но с другой стороны, отсутствие тяги к инновационным (научным) информационным источникам дает возможность предположить, что, хотя уровень пользования интернетом достаточно высокий, «умные» технологии не будут востребованы большинством из них по причине или незнания, или неприятия элементов «Умного города».

Поэтому только 40,4 % населения г. Тюмени, принявшего участие в опросе, утверждают, что знают и понимают, что обозначает понятие «Умный город» (рисунок 3).

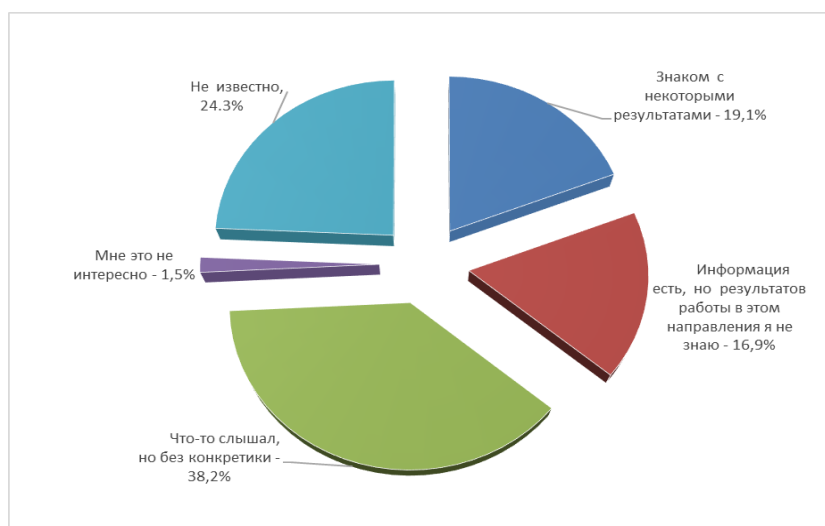

Рисунок 3. Уровень осведомленности респондентов о программе «Умный город»

Все остальные жители г. Тюмени, принявшие участие в опросе, либо что-то слышали о данной программе (32,8 %), либо имеют представление о некоторых ее элементах (19,1 %), либо вообще не осведомлены о процессе реализации этой программы на территории г. Тюмени. Есть и такие респонденты, которые считают, что эти знания (9,6 %) совершенно не нужны для них.

Те, кто знаком с понятием «Умный город» (76,7 %), отмечают, что основным источником информации является интернет. Именно при помощи онлайн-ресурсов они получают сведения о том, как должен развиваться «Умный город», и каковы перспективы г. Тюмени стать «Умным городом» (рисунок 4.)

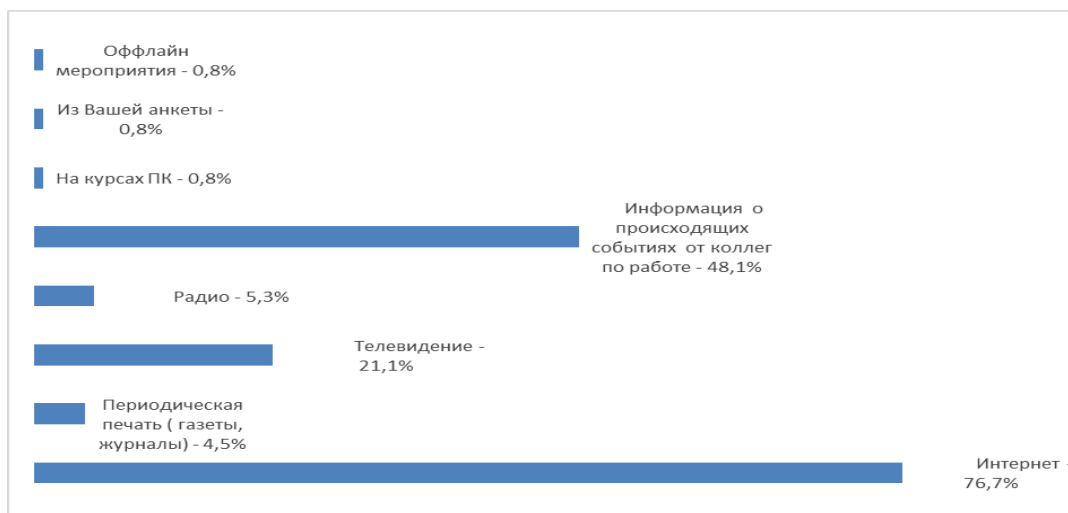

Рисунок 4. Источники информации об умном городе (в % к числу опрошенных)

Кроме того, данная проблема является темой дискуссий с коллегами по работе/учебе у 48,1 % опрошенных. Телевидение в качестве источника информированности называют только 21,1 % респондентов, а вот печатные средства массовой информации, радио, различные семинары, курсы повышения квалификации по данному вопросу в качестве источника информации почти никто из респондентов не считает важным информационным источником по данной проблеме.

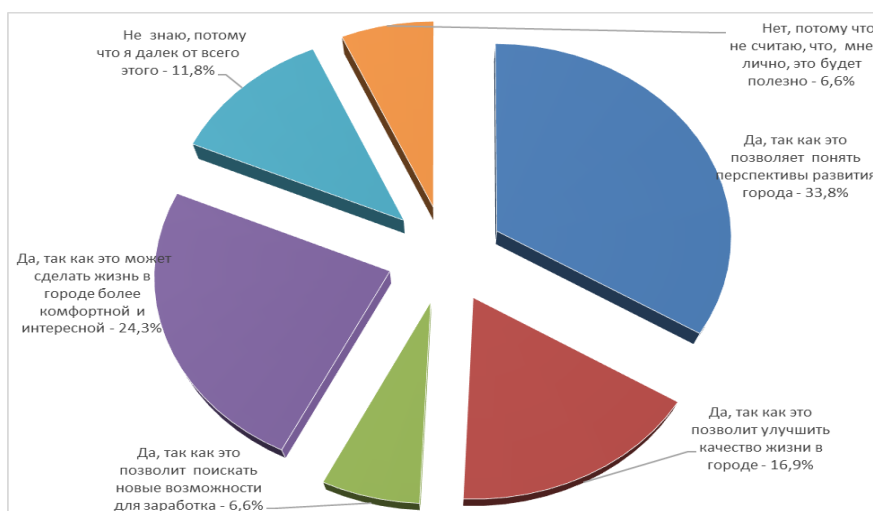

Рисунок 5. Причины необходимости внедрения основных элементов программы развития г. Тюмени «Умный город» (в % к числу опрошенных)

Проведенное исследование позволило выявить мнение респондентов относительно того, зачем нужна в городе программа «Умный город». Так, 24,3 % опрошенных считают, что жизнь в городе после реализации этой программы станет более комфортной и интересной, еще 16,9 % отмечают улучшение качества жизни (рисунок 5). 33,8 % респондентов оценивают программу «Умный город» с точки зрения перспектив его дальнейшего развития, в том числе и создания новых рабочих мест, улучшения инфраструктуры города. Однако 11,8 % жителей г. Тюмени, принявших участие в социологическом исследовании, не выразили своего отношения к данной программе, отметив, что не думают об этом, а 6,6 % считают эту программу бесполезной и неинтересной. Те респонденты, которые выразили свою заинтересованность в развитии г. Тюмени посредством реализации программы «Умный город», отметили необходимость

развития в первую очередь следующих «умных» сервисов: транспортное сообщение в городе (69,3 %); здравоохранение (67,7 %) и «Умный дом» (66,9 %) (рисунок 6).

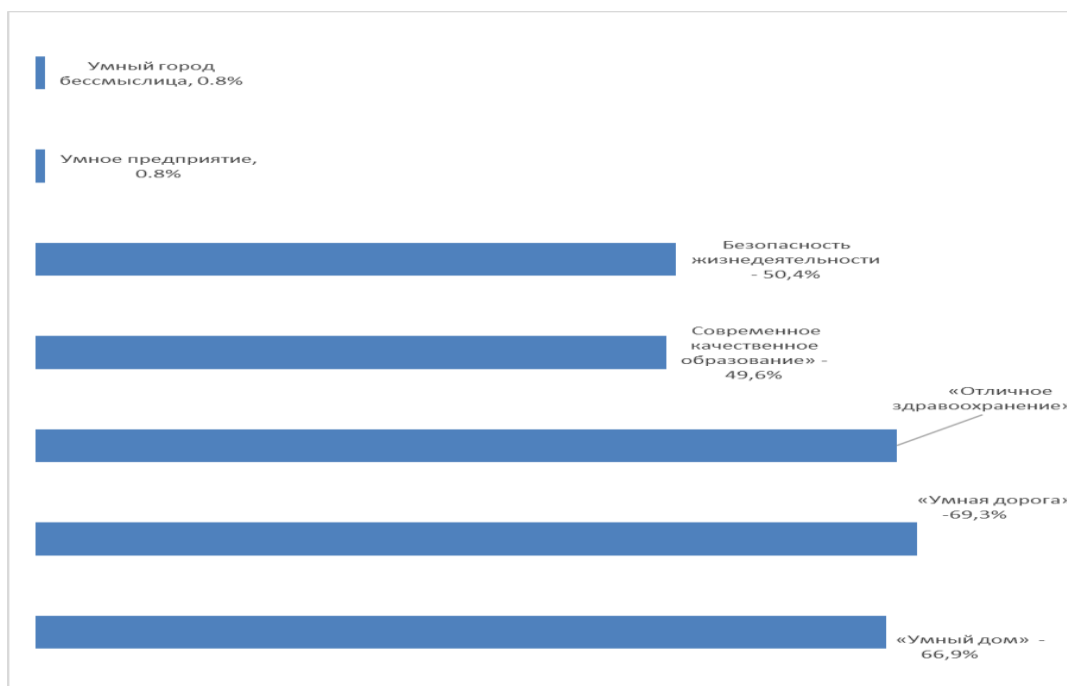

Рисунок 6. Мероприятия, необходимые для активного участия населения г. Тюмени в программе «Умный город» (в % к числу опрошенных)

Таким образом, жителей г. Тюмени, принявших участие в данном социологическом исследовании, больше всего волнует необходимость снижения количества пробок на дороге, повышение безопасности движения, улучшение работы общественного транспорта. Они предполагают, что все это может быть достигнуто путем реализации таких элементов «Умного города», как умные пешеходные переходы, возможность посредством электронных устройств найти парковку, избежать заторов и так далее.

Среди элементов «умного» здравоохранения, способных повысить качество медицинских услуг в Тюмени, респонденты назвали внедрение электронной записи на прием, возможность получения онлайн-консультаций со специалистами, заказ лекарств посредством интернета и тому подобное. «Умный» дом, по мнению респондентов, должен позволить сократить расходы воды, тепла, электричества, обеспечить рост безопасности, повысить качество и доступность жилищно-коммунальных услуг. 50,4 % опрошенных также указали, что программа «Умный город» позволит усилить как общественную, так и личную безопасность горожан, что в настоящее время является одним из важнейших вопросов жизнедеятельности города. Кроме того, по мнению респондентов, при помощи «Умного города» можно решить задачу информационной безопасности, что тоже является «острой» проблемой нашей реальности.

Таким образом, результаты анкетирования позволяют утверждать, что жители Тюмени заинтересованы в развитии города с ориентацией на информационно-коммуникационные технологии, которые и составляют основу «Умного города».

Для активизации участия горожан в развитии программы «Умный город» респонденты предлагают разработать дорожную карту, в которой наиболее важными мероприятиями должны стать:

- создание информационной интернет-системы, способной доносить до всех категорий населения города сведения о уже внедренных элементах «Умного города», и о возможностях планируемых к запуску электронно-онлайн-сервисов;

- создание и развитие образовательных программ для всех категорий горожан с целью обучения пользователей мобильными приложениями, онлайн-сервисами и др.;
- вовлечение граждан в процесс принятия управленческих решений по различным проблемам городского развития с использованием электронного голосования, размещения на сайте администрации города онлайн-опросов и др.;
- создание и внедрение системы мониторинга возможностей использования инфраструктуры города, способствующей повышению качества жизни населения г. Тюмени (рисунок 7).

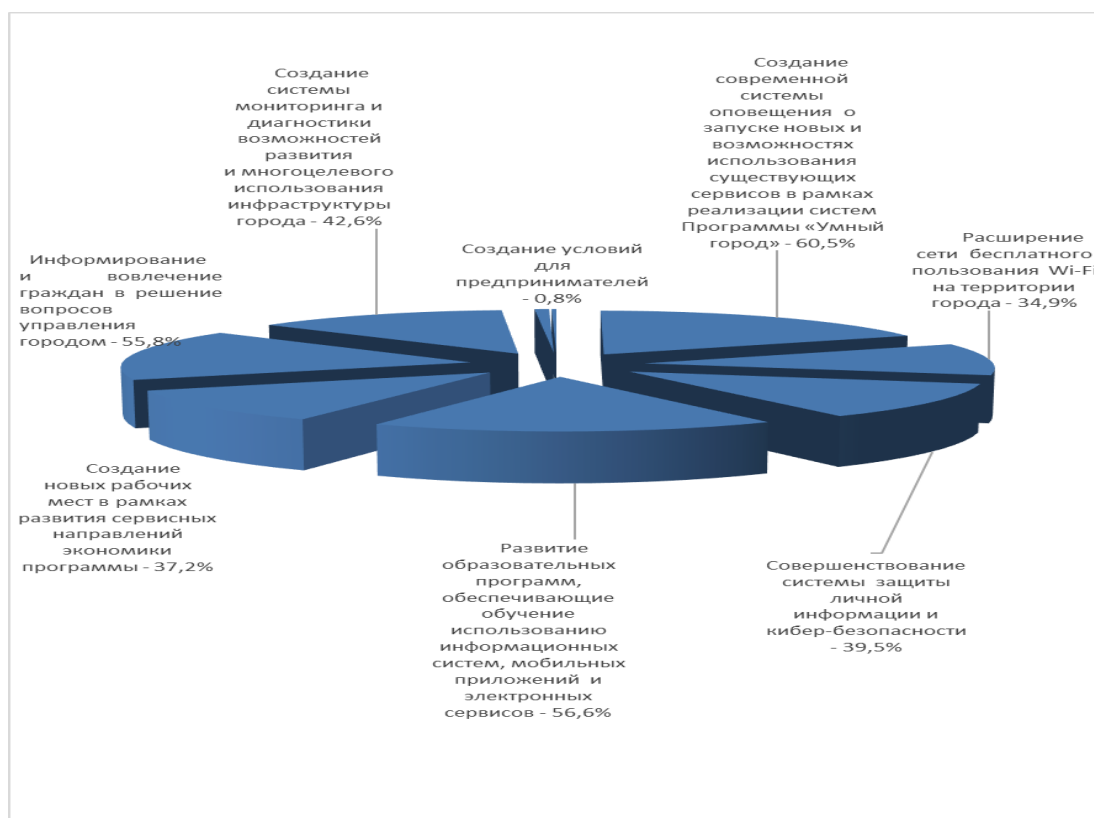

Рисунок 7. Приоритетные мероприятия по развитию программы «Умный город»

Эти мероприятия приоритетны, по мнению большинства респондентов.

Все остальные меры, такие как создание условий для предпринимателей по реализации элементов программы «Умный город», информационно-правовая основа данной программы, меры по совершенствованию системы личной защиты информации не являются, по мнению жителей города, принявших участие в анкетировании, важными на современном этапе функционирования и развития г. Тюмени. Оценивая роль властных структур в разработке и внедрении в г. Тюмени программы «Умный город», мнение респондентов распределилось практически на три части (рисунок 8).

Так, 36,9 % опрошенных считают, что только при взаимодействии органов государственного управления и местного самоуправления с бизнес-структурами, которые могут инвестировать средства в те или иные программы, могут произойти позитивные изменения в реализации данной программы. 34,6 % респондентов оценивают роль органов власти как ведущую, подчеркивая, что их главной обязанностью является постоянное повышение качества жизни горожан. 28,5 % отмечают, что органы управления как на региональном, так и на местном уровнях должны выполнять роль координатора, связывающего все бизнес-структуры, которые уже реализуют некоторые из элементов «Умного города».

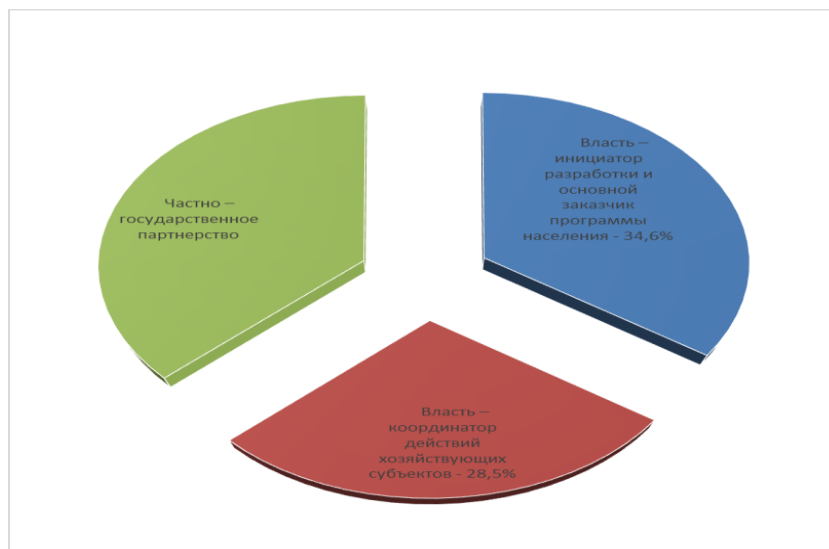

Рисунок 8. Роль органов регионального управления и местного самоуправления в реализации программы «Умный город»

Определяя свое место в реализации программы «Умный город», жители Тюмени, принявшие участие в данном социологическом опросе, по разному относятся к участию в данной программе (рисунок 9).

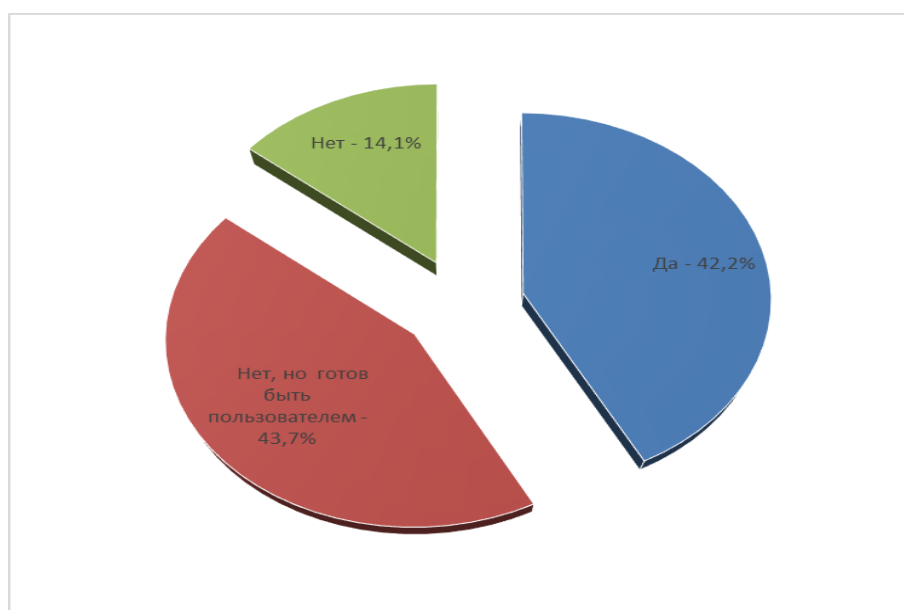

Рисунок 9. Готовность участия горожан в разработке и реализации программы «Умный город» (в % к числу опрошенных)

Почти половина респондентов (42,2 %) хотят принимать активное участие в разработке и реализации данной программы (рисунок 9), хотели бы пользоваться элементами «Умного города» 43,7 % опрошенных, хотя активности по поводу личного участия не проявляют. И только 14,1 % респондентов не готовы жить в «умном» городе, по их мнению, данная программа не своевременна и нецелесообразна.

Таким образом, проведенное исследование мнения населения г. Тюмени относительно необходимости внедрения элементов программы «Умный город» и стратегии развития Тюмени по этому пути показало, что в городе достаточное количество «умных» жителей, способных не только понять необходимость внедрения в городское пространство

технологий и элементов «Умного города», но и готовых принимать активное участие в этих преобразованиях, считая, что «Умный город» — это отличная перспектива для будущего Тюмени, отмечая, что в городе имеется достаточно условий для реализации этой программы.

Учитывая позицию жителей, приведенные материалы, касающиеся социально-экономической ситуации и основных направлений развития г. Тюмени, можно утверждать, что г. Тюмень, располагая значительной материально-технической базой, административной поддержкой, необходимым человеческим потенциалом, имеет хорошие предпосылки для реализации программы «Умный город», которая в обозримом будущем поможет обеспечить не только более комфортную среду для горожан, но и позволит привлечь значительные инвестиции в развитие городской инфраструктуры.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что развитие г. Тюмени как «умного города» находится в русле стратегии устойчивого развития.

В городе функционирует и развивается материальная и техническая база информатизации, присутствует необходимая инфраструктура, которая успешно используется во многих сферах деятельности. Это свидетельствует и о наличии необходимого квалифицированного кадрового потенциала, и экспертного сообщества, позволяющего выбрать оптимальные варианты решения стоящих задач.

Заданный мировой и российской практикой развития тренд в направлении «умных городов» требует налаживания эффективных коммуникаций органов власти и населения, которое должно быть основным выгодоприобретателем в данном взаимодействии.

Результаты эмпирического исследования, проведенного в г. Тюмени, показали, что декларируемые намерения горожан, по отношению к восприятию и участию в программе «Умный город» и их фактическая активность в решении городских проблем, фиксируемая по специализированным сайтам администрации города, существенно различаются.

Поэтому программы движения к «Умному городу» должны сопровождаться действенными мерами по активизации различных форм социальной активности горожан во всех возможных сферах ее проявления.

Благодарности

Публикация подготовлена по материалам исследований, проведенных авторами в рамках Стратегического проекта «Создание регионального инновационного кластера в сфере компетенций SMART-City IoT/IoT и Big Data» ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

Библиографический список

- [1] Росстат опубликовал предварительную оценку численности населения РФ на начало 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profinance.ru/news/2019/01/23/bqlm-rosstat-opublikoval-predvaritelnuyu-otsenku-chislennosti-naseleniya-rf-na-nachal.17542> (дата обращения: 16.06.2019).
- [2] Лагутенков А. Тихая экспансия интернета вещей // Наука и жизнь. – 2018. – № 5. – С. 38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/33694/> (дата обращения: 16.06.2019).
- [3] Рынок Интернета Вещей в России и Море, Директ ИНФО, май 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.directinfo.net/index.php?option=com_content&view=article&id=162%3A2010-07-06-13-57-09&catid=1%3A2008-11-27-09-05-45&Itemid=89&lang=ru (дата обращения: 16.06.2019).

- [4] Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад // Центр стратегических разработок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (дата обращения: 16.06.2019).
- [5] Индикаторы умных городов НИИТС – 2017 // [Электронный ресурс]: НИИТС. – Режим доступа: <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf> (дата обращения: 26.11.2018).
- [6] Умные города: развитие концепции и практики, положение России на эволюционном пути // Презентация Мокрушиной К. (Центр городских исследований IEMS Сколково) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urbc.skolkovo.ru/downloads/documents/SUrbC/Events_Reports/SKOLKOVO_UrbC_Novosibirsk_2017-04.pdf. (дата обращения: 16.06.2019).
- [7] Индекс «Цифровая Россия». МШУ «Сколково». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1779-2018-10-15/> (дата обращения: 16.06.2019).
- [8] Активный гражданин – проект. Москва. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ag.mos.ru/info> (дата обращения: 16.06.2019).
- [9] Тюмень – наш дом. Портал администрации г. Тюмени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dom.tyumen-city.ru/> (дата обращения: 06.12.2019).
- [10] Я решаю. Сайт электронных опросов администрации г. Тюмени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ir.tyumen-city.ru/> (дата обращения: 06.12.2019).
- [11] Твоя Тюмень. Администрация города Тюмени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://you.tyumen-city.ru/>
- [12] Тюмень – наш дом. Вся статистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://top.mail.ru/visits?id=1546868&period=2&days=730> (дата обращения: 06.12.2019).
- [13] Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисловие А.К. Соколова. – Москва: Издательство “Весь Мир”, 1997. – 544 с.

References

- [1] Rosstat published a preliminary estimate of the population of the Russian Federation at the beginning of 2019. Retrieved from <http://www.profinance.ru/news/2019/01/23/bqlm-rosstat-opublikoval-predvaritelnyu-otsenku-chislennosti-naseleniya-rf-na-nachal.17542>.
- [2] Lagutenkov, A. (2018). Silent expansion of the Internet of things. *Science and Life*, 5, 38–42. Retrieved from <https://www.nkj.ru/archive/articles/33694/>.
- [3] Internet of Things Market in Russia and the World, Direct INFO. (2017, May). Retrieved from http://www.directinfo.net/index.php?option=com_content&view=article&id=162%3A2010-07-06-13-57-09&catid=1%3A2008-11-27-09-05-45&Itemid=89&lang=ru.
- [4] Center for Strategic Research. New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. Expert analytical report. Retrieved from <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>.
- [5] Indicators of smart cities NIITS – 2017. Retrieved from <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf>.
- [6] Smart cities: the development of concepts and practices, Russia's position on the evolutionary path. Presentation by K. Mokrushina (IEMS Skolkovo Center for Urban Studies). Retrieved from https://urbc.skolkovo.ru/downloads/documents/SUrbC/Events_Reports/SKOLKOVO_UrbC_Novosibirsk_2017-04.pdf.
- [7] Digital Russia Index. LNA "Skolkovo". Retrieved from <https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1779-2018-10-15/>.
- [8] Active citizen – project. Moscow. Retrieved from <https://ag.mos.ru/info>.
- [9] Tyumen is our home. Portal of the administration of Tyumen. Retrieved from <http://dom.tyumen-city.ru/>.

- [10] I decide. The site of electronic surveys of the administration of the city of Tyumen. Retrieved from <http://ir.tyumen-city.ru/>.
- [11] Your Tyumen. Administration of the city of Tyumen. Retrieved from <http://you.tyumen-city.ru/>.
- [12] Tyumen is our home. All statistics. Retrieved from <https://top.mail.ru/visits?id=1546868&period=2&days=730>.
- [13] Mannheim, J.B., & Rich, R.K. (1997). *Political science. Research Methods*. Moscow: Izdatelstvo "Ves Mir".

Получена / Submitted: 30/07/2019

Доработана / Revised: 09/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 23/08/2019

УДК 342.725

РОДНОЙ ЯЗЫК И ОТНОШЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ

Рафаэль Бадретдинович Шайхисламов¹, Гузелия Рауфовна Асадуллина¹, Эвеллина Винеровна Садретдинова¹, Наталья Владимировна Коровкина¹

¹*Кафедра социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, Уфа, Российская Федерация*

Аннотация. Языковые процессы, происходящие в стране, безусловно, относятся к числу наиболее проблемных для общественных и гуманитарных наук областей исследования. Сохранение социокультурного разнообразия может рассматриваться в общественном сознании и как препятствие на пути модернизации общества, и как потенциал для устойчивого развития страны. Для современной России, занимающей ведущие позиции в мире и евразийском регионе, актуальной задачей является сохранение, развитие, расширение применения, продвижение русского языка. Наряду с этой стратегической задачей в нашей многонациональной стране актуализируется и проблема сохранения и развития и других языков РФ. С динамичным развитием информационных технологий, с переходом к так называемому цифровому обществу объективна ситуация, когда всем удобнее пользоваться одним языком. В связи с этим происходит ограничение функциональных возможностей большинства языков. Это может постепенно привести к исчезновению некоторых из них, что станет невосполнимой потерей как для самого народа, так и всего человеческого сообщества. Для многих этносов России острой социальной проблемой становится, таким образом, и сохранение родного языка, и сохранение языкового многообразия. Цель, поставленная при подготовке данной статьи, выявление позиций в общественном мнении по вопросу изучения в школах различных, помимо русского, языков народов, представляющих тот или иной многонациональный регион (на примере Республики Башкортостан) в контексте отношения к культурам народов региона.

Ключевые слова: родной язык, отношение к культуре, школа, семья, местное сообщество.

Mother Tongue and Attitude to Culture

Rafael B. Shaikhislamov¹, Guzelia R. Asadullina¹, Evellina V. Sadretdinova¹, Natalia V. Korovkina¹

¹*Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation*

Abstract. Language processes taking place in the country, of course, are among the most problematic for the social Sciences and Humanities research areas. The preservation of socio-cultural diversity can be seen in the public consciousness as an obstacle to the modernization of society, and as a potential for sustainable development of the country. For modern Russia, which occupies a leading position in the world and the Eurasian region, the urgent task is to preserve, develop, expand the use and promotion of the Russian language. Along with this strategic objective, the problem of preservation and development of other languages of the Russian Federation is also becoming topical in our multinational country. With the development of information technology, with the transition to the so-called digital society objectively leads to a situation where it is more convenient for everyone to use one language. In this regard, the functionality of most languages is limited. This may gradually lead to the disappearance of some of them, which will be an irreparable loss for both the people themselves and the entire human community. For many ethnic groups in Russia, the preservation of their native language and the preservation of linguistic diversity are thus becoming an acute social problem. The objective set during the preparation of this article, the identification of the positions in public opinion on the issue of study in the various schools, besides Russian, the languages of the peoples of a particular multiethnic region (on the example of Bashkortostan Republic) in the context of the relationship to the cultures of the peoples of the region.

Keywords: native language, attitude to culture, school, family, local community.

Введение

Данное исследование проведено в рамках выполнения проекта № 19-411-020007\19 «Социальное конструирование родного языка и проблем его сохранения в молодежной среде Башкортостана» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Башкортостан.

В научной публицистике при освещении языковых проблем основное внимание уделяется вопросам школьного образования, развития СМИ, «работающих» на разных языках, правовому регулированию языковых процессов, в том числе вопросам изучения государственных языков в республиках в составе РФ. В последние годы в республиках Поволжья языковые проблемы приобрели особую остроту в связи с решениями о порядке изучения языков в школе. Эта проблемная ситуация обусловлена противоречием между свободным выбором включаться или не включаться в определенную языковую культуру и необходимостью сохранять национальное наследие, обеспечивать воспроизводство национальной культуры в условиях нарастающей универсализации критериев обучения в российском и глобальном контексте. В этом ключе вопрос о родном языке (соответственно, его освоении, сохранении и развитии) содержит в себе противоречие между свободным социокультурным, этническим самоопределением личности и необходимостью сохранения социокультурного, в том числе языкового богатства. Языковая проблема относится не просто к области лингвистики и методики преподавания. Речь идет о проблемах социального воспроизводства и политических вопросах, о поддержании гармонии, взаимопонимания и доверия в мультикультурной среде.

Литературный обзор

Существенный вклад в разработку методологии исследований этноязыковых процессов внесли Дж.А. Фишмен [1], Д. Эдвардс [2], Дж. Джозеф [3], М. Краусс [4] и другие западные исследователи. Для исследования проблемы родных языков огромное значение имеют работы Ф. де Соссюра [5]. Различение им языка (*langue*), речи (*parole*) и речевой деятельности (*langage*) дает возможность анализировать степень расхождения между «родными» и «неродными» языками, на которых *думают, говорят и общаются*. Для билингвинов, в том числе и тех, кто считает два языка родными, один язык может применять преимущественно для раздумывания, а другой — для разговора. Монолингвы думают, говорят и общаются на одном языке, в то же время, по данным разных исследователей, считают родным языком другой, которым не владеют, как правило, это язык этнической идентичности.

Этноязыковым процессам в современной России посвящены работы М.Н. Губогло, В.А. Тишкова, Ю.Д. Дешериева, А.Г. Здравомыслова, М.В. Дьячкова, К.Р. Минасова, Е.П. Чельшева, Я.З. Гарипова и других авторов [6–9].

Большой интерес для анализа проблем изучения в школах родных языков народов Поволжья представляет экспертный доклад, подготовленный под руководством В.А.Тишкова, В.С.Воронцова, В.В. Степанова [10–16].

Анализ современной российской практики научных исследований этноязыковых процессов показывает преобладание в них культурологического, политологического и социолингвистического подходов. Недостаточно социологических исследований, связанных с изучением отношения к языковым процессам со стороны различных этнических групп, поколений, представителей различных страт. В частности, малоисследованными являются вопросы отношения родителей и педагогов к изучению детьми языков в школе. Практически неизученная область — это процессы социального конструирования родного языка, а также общественное мнение по вопросам, какой язык следует считать родным, и как решать проблему сохранения родных языков.

Материалы и методы

В статье анализируются некоторые данные социологического исследования, проведенного нами при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 15-13-02021 «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)» в 2016 году. Опрос в виде стандартизированного интервьюирования осуществлялся по стратифицированной случайной выборке. Выборочная совокупность составила 1 000 респондентов, проживающих в Уфе (крупный город), средних и малых городах, крупных поселках и селах во всех социально-экономических зонах Республики Башкортостан. Ошибка выборки не превышает 3 %. Репрезентативность выборки достигнута по таким признакам, как половозрастная, поселенческая, этническая структура генеральной совокупности жителей Республики Башкортостан старше 18 лет.

В статье анализируется отношение респондентов к изучению родных языков в школе и к культуре народов Республики Башкортостан.

Результаты исследования

В республиках Урало-Поволжского региона различными общественными силами время от времени поднимается вопрос об изучении нерусских языков в школах. Одна часть представителей общественности выступает за изучение этих языков, зачастую — в обязательном порядке; другая часть категорически — против этого. При этом, например, в Татарстане многие общественные деятели выступают за обязательное изучение татарского языка в школах своей республики и одновременно — против обязательного изучения башкирского языка в Башкортостане. В Башкортостане также часть представителей общественности выступают за обязательное изучение в школах башкирского языка как одного из двух государственных языков республики.

Мнение родительской общественности также разделилось по вопросу изучения нерусских языков. Многие родители мотивируют свою позицию недостаточностью школьных часов на изучение русского и иностранного языков, что нерусские языки не понадобятся их детям в их профессиональной карьере. Среди таких родителей достаточно много башкир, татар и представителей других народов, выступающих против изучения родного языка в школе. Дискуссия, поднимаемая в СМИ наиболее активными родителями и некоторыми общественно-политическими силами, не всегда полно и адекватно отражает общественное мнение.

По данным нашего опроса, отношение респондентов к изучению родных (не русских) языков неоднозначное. Ответы на вопросы об изучении в школе (наряду с русским языком) языков народов РБ (башкирским, татарским, чувашским, марийским и другими), выявили следующие позиции общественного мнения.

Таблица 1. Доля респондентов, придерживающихся позиции «Надо изучать башкирский язык независимо от национальности, потому что мы живем в Башкортостане» (в %)

Всего	В том числе по национальности респондентов				В том числе по возрасту респондентов, лет					
	русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
26,6	19,5	47,9	22,4	15,5	24,4	27,7	21	30,2	27,6	31,8

Этой позиции придерживается значимая доля респондентов — каждый четвертый. Обнаруживается существенное расхождение во мнениях респондентов разных национальностей. Почти половина респондентов башкирской национальности считают необходимым изучение башкирского языка, тогда как примерно каждый пятый респондент, представляющий другие национальности, поддерживает эту позицию. Есть некоторые различия в позиции респондентов, представляющих разные возрастные группы. Респонденты в возрасте 31–40 лет являются, как правило, родителями школьников младших

и средних классов, и их волнует проблема загруженности их детей учебной нагрузкой. В остальных возрастных группах существенных отклонений от среднего значения не наблюдается. Можно полагать, то, что одна пятая часть небашкирского населения практически всех возрастных групп позитивно относится к изучению башкирского языка, является существенным ресурсом для социокультурной интеграции республики.

Таблица 2. Доля респондентов, придерживающихся позиции «Надо обязательно изучать язык только своей национальности — русский, башкирский, татарский и так далее» (в %)

Всего	В том числе по национальности респондентов				В том числе по возрасту респондентов, лет					
	русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
21,9	12,6	21,2	32,3	22,4	26,7	21,5	19	20,3	22,4	22,7

Позиции изучения школьниками только своего родного (по этнической принадлежности) языка придерживается также значительная часть респондентов — каждый пятый. Среди русских эта позиция менее популярна, чем первая (изучение всеми башкирского языка). Это объясняется не только тем, что изучение русского языка как государственного языка РФ и так является обязательным. Русские в Башкортостане в целом лояльно относятся к изучению культуры и языка других народов республики. Что касается респондентов других национальностей, ориентация на обязательное изучение этнического языка популярна среди татар, в меньшей степени — среди других национальностей.

Таблица 3. Доля респондентов, придерживающихся позиции «Язык своей национальности нужно изучать только по желанию родителей» (в %)

Всего	В том числе по национальности респондентов				В том числе по возрасту респондентов, лет					
	русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
33,5	47	19,5	28,1	37,9	25,6	33,9	46,5	31,2	33,6	25

Как видим, указанная позиция присуща наибольшему количеству респондентов — каждому третьему, в том числе среди русских — почти половине. Принцип добровольности изучения в школе нерусских языков разделяют больше всего респонденты в возрасте 31–40 лет (как правило, это родители детей школьного возраста). В то же время принцип добровольности изучения в школе нерусских языков не пользуется поддержкой абсолютного большинства респондентов. Налицо противоречие между принципом добровольности изучения родных языков и убеждением о роли родного языка как условия сохранения этничности.

Таблица 4. Доля респондентов, придерживающихся позиции «Надо изучать только русский, изучение языков других местных народов надо отменить» (в %)

Всего	В том числе по национальности респондентов				В том числе по возрасту респондентов, лет					
	русские	башкиры	татары	другие	18-24	25-30	31-40	41-50	51-60	старше 60
7,4	10,5	4,7	5,4	9,5	9,4	6,8	8,5	7,4	6,6	3,4

Эта позиция оказалась наименее популярной, что говорит о практическом отсутствии ассимиляторских идей в общественном мнении.

Таким образом, наши опросы показывают, что подавляющее большинство респондентов в той или иной форме поддерживает изучение нерусских языков в школе. Разногласия касаются лишь этих самых форм изучения (обязательность изучения башкирского языка; ориентация изучения языков на этническую принадлежность учеников и их родителей; добровольный выбор родителями изучения нерусских языков).

Приведенные выше данные в целом согласовываются с результатами исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН (руководитель — Л.А. Дробижина) в 2017 году. Как отмечает в своей статье Е.М. Арутюнова, «обострение противоречий в

Башкортостане не сопровождалось поляризацией общественного мнения жителей республики по вопросу об обязательности преподавания башкирского языка. С его изучением на добровольной основе в качестве факультатива для желающих согласны сходные доли башкир, татар и русских — соответственно 45 %, 53 % и 46 %. За башкирский как обязательный для всех высказались 23 % башкир, и еще 16 % поддерживают его обязательность для всех, но только если на него будет отводиться меньше часов — итого 39 %. Среди татар и русских суммарные доли сторонников обязательности башкирского составили 19 % и 23 % соответственно. Таким образом, принципиальных расхождений в восприятии обязательности преподавания башкирского языка в республике в разных этнических средах нами выявлено не было» [9].

Язык — неотъемлемый, фундаментальный компонент культуры народа. Поэтому отношение к изучению языков («своего» и «не своего») в целом связано с отношением к культуре «своего» и «не своего» народа. Вопрос об изучении в школах (кроме русского и иностранного) языков народов Башкортостана связан по большому счету с отношением населения к языкам и культурам разных народов региона.

Отношение к культурам наиболее многочисленных народов, компактно проживающих в Республике Башкортостан (русских, башкир, татар, марийцев, чувашей и других), мы измеряли при помощи индикаторов «приемлю/не приемлю». Респондентам было предложено выбрать в отношении различных культур одну из следующих шкал: «не приемлю, это чуждая для меня культура» (интолерантное отношение), «не приемлю, но она имеет право на существование» (правовая толерантность), «отношусь безразлично» (индифферентность), «хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше» (преодоление интолерантности), «приемлю, хотя мало понимаю» (неполная толерантность), «полностью приемлю, она мне понятна» (полная толерантность). В настоящей статье мы приводим данные об отношении респондентов к русской, башкирской и татарской культуре.

Наши исследования показывают, что большинство жителей республики из числа башкир, татар и русских приемлют культуру друг друга. Интолерантность проявляют не более 5 % респондентов, в том числе 1–2 % респондентов считают чуждой и неприемлемой культуру своего этноса.

«Правовая» толерантность как признание права на существование и одновременно проявление отстраненности от культуры того или иного народа присуща от 2 % до 10 % респондентов, в том числе от 2 % до 4 % — от культуры собственного этноса. Мультикультурализм в виде «правовой» толерантности (что характерно для западной цивилизации) не является укорененным в российских многонациональных регионах, в том числе в Башкортостане.

Индифферентность к культуре других народов и к «своей» культуре проявляют от 12 % до 28 % респондентов. Среди респондентов, идентифицирующих себя как башкиры, 13 % относятся с безразличием к башкирской культуре, среди респондентов-татар таковых 11 %, среди русских — 15 %.

От 3 % до 10 % респондентов стремятся преодолеть межкультурные границы («хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше»). Неполная толерантность («приемлю, хотя мало понимаю») в отношении иных культур присуща от 13 % до 30 % респондентам. Полную толерантность к иным культурам демонстрируют наибольшая часть респондентов. Так, русская культура является полностью приемлемой и понятной для 52 % респондентов, башкирская культура — для 39 % респондентов, и столько же — татарская культура.

С одной стороны, в республике существует достаточный потенциал для взаимообогащения культур, в том числе и изучения языков народов республики. Русскую культуру понимают или стремятся понимать три четверти респондентов русской национальности, 65 % — башкирской национальности, 57 % — татарской национальности, 73 % — других национальностей.

Таблица 5. Отношение к культуре народов РБ (в %)

Отношение к культуре	Национальность респондентов				
	русские	татары	башкиры	другие	всего
Отношение к русской культуре					
Не приемлю, это чуждая для меня культура	1,2	4,2	4,3	1,7	2,9
Не приемлю, но она имеет право на существование	2,7	6,1	5,1	6,0	4,7
Отношусь безразлично	15,1	14,8	17,1	12,1	15,1
Хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше	3,0	4,5	6,4	3,4	4,3
Приемлю, хотя мало понимаю	8,2	13,5	17,1	19,0	13,2
Полностью приемлю, она мне понятна	63,1	49,0	41,9	50,9	52,3
Затрудняюсь ответить	6,6	7,7	8,1	6,9	7,4
Отношение к башкирской культуре					
Не приемлю, это чуждая для меня культура	1,8	4,2	2,6	2,6	2,8
Не приемлю, но она имеет право на существование	7,3	5,5	2,1	6,9	5,5
Отношусь безразлично	27,9	17,8	13,2	19,0	20,2
Хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше	3,6	3,2	4,3	7,8	4,1
Приемлю, хотя мало понимаю	29,7	17,5	10,3	29,3	21,2
Полностью приемлю, она мне понятна	20,9	45,0	63,2	27,6	39,2
Затрудняюсь ответить	8,8	6,8	4,3	6,9	6,9
Отношение к татарской культуре					
Не приемлю, это чуждая для меня культура	2,7	1,6	4,7	1,8	2,7
Не приемлю, но она имеет право на существование	6,1	3,9	9,9	7,9	6,5
Отношусь безразлично	27,3	11,3	16,3	17,5	18,5
Хотя и не приемлю, но стремлюсь понять лучше	6,1	3,2	9,0	9,6	6,3
Приемлю, хотя мало понимаю	28,5	7,7	13,3	29,8	18,5
Полностью приемлю, она мне понятна	19,1	67,1	39,9	24,6	39,7
Затрудняюсь ответить	10,3	5,2	6,9	8,8	7,7

Изучение русского языка и русской литературы в школах для большинства респондентов различных национальностей является не только инструментальной (сдача ЕГЭ, профессиональное образование и карьера и т.п.), но и терминальной ценностью. Из числа опрошенных 64 % понимают или стремятся понимать башкирскую культуру, в том числе 55 % — среди респондентов русской национальности, 66 % — татарской национальности, 78 % — башкирской национальности, 65 % — других национальностей. Татарскую культуру понимают или стремятся понимать 65 % респондентов, в том числе по национальности респонденты: 54 % — русской национальности, 62 % — башкирской национальности, 78 % — татарской национальности, 64 % — других национальностей.

Обсуждение

Из вышеприведенных данных об отношении к этническим культурам можно сделать следующие выводы. Во-первых, имеется достаточно большой социокультурный потенциал

для изучения родных языков в виде стремления понимать свою этническую культуру. Необходимо разумно и эффективно использовать этот потенциал в виде добровольного и заинтересованного изучения родной культуры. При этом изучение родного языка в школе и за пределами школы должно происходить в рамках этнической инкультурации в целом.

Во-вторых, имеются достаточно большие возможности для добровольного изучения в школе и за ее пределами «неродной» культуры в целом и языков других народов республики в частности. Немало, кроме башкир, тех, кто «в принципе» за более глубокое освоение башкирской культуры, в том числе и языка. Разумеется, использование этого социокультурного потенциала возможно на основе добровольности изучения башкирского языка. Обязывающий характер изучения башкирского языка в школе может лишь принести вред позитивному отношению к башкирской культуре. Принцип добровольности изучения языков, который разделяет большинство респондентов, базируется не только на межкультурной толерантности, но и в стремлении лучше понимать культуру тех, с кем повседневно общаешься, живешь по соседству, работаешь вместе. С другой стороны, проблемным обстоятельством является то, что достаточно много тех, кто безразличен к культуре и собственного этноса, и других этносов региона. Доля безразличных к культуре тех, с кем постоянно общаешься, совместно работаешь или учишься, статистически не так велика, однако является значимой с точки зрения будущих социокультурного развития этносов и межэтнической интеграции.

Вопрос об изучении нерусских языков в школе обостряется преимущественно ограниченностью временных ресурсов на освоение общеобразовательной программы. Многие родители жалуются на то, что изучение нерусских языков приводит к уменьшению часов на русский язык. При этом следует признать, что качество знаний учеников по русскому языку и литературе оставляет желать лучшего. Принцип латания дыр («увеличить часы на один предмет за счет уменьшения часов на другой предмет») не удовлетворяет никого — ни родителей, ни учителей. Следует искать иные варианты решения проблемы изучения языков в рамках школьной программы.

Немаловажным фактором, обостряющим вопрос изучения языков в школе, является последовательное превращение знаний языков в инструментальную ценность. Сегодня школы представляют собой не что иное, как подготовительные курсы для поступающих в вузы. Так как оценки ЕГЭ по русскому языку являются обязательными для поступления на все направления подготовки в высшей школе, то подход учащихся и родителей к изучению русского языка приобрел целерациональный, а не ценностнорациональный (выражаясь терминологией М. Вебера) характер. Прагматический подход к изучению языков в школе многих родителей и учащихся основывается на оценке, в какой степени эти знания понадобятся при поступлении в вуз и в профессиональной карьере. В результате в приоритете инструментальных ценностей оказываются русский и иностранный языки (при этом в «элитных» школах иностранный язык по своей значимости занимает более высокое положение, чем русский язык). Но в системе инструментальных ценностей (за некоторым исключением) не остается места для нерусских языков страны. У учителей не остается иных аргументов в пользу изучения нерусских языков, кроме как апелляция к терминальным ценностям («это духовное богатство и народа, и каждого человека», «жизнь человека не ограничивается только его профессией» и тому подобное). Однако то же самое касается и изучения русского языка и русской литературы. Главное при сдаче ЕГЭ — не знание прочитанных художественных произведений, не богатство словарного запаса, не глубокое освоение народной языковой культуры, а «правильное» истолкование художественного произведения, правильное правописание и тому подобное. В нынешней ситуации, в которой находится средняя общеобразовательная школа, все в меньшей степени реализуется ее функция трансляции посредством многих языков духовного богатства многонационального общества подрастающему поколению. Как бы замечательно не было поставлено изучение

языков — русского или нерусских — сама по себе школа не способна сформировать все языковое богатство детей. Изучение языков начинается в семье. Семья в доиндустриальную эпоху формировала навыки и умения устной разговорной речи. Современная семья (и русская, и нерусская) также, как правило, ограничивается формированием у детей только устной разговорной («бытовой») речи. При этом у родителей, занятых на работе или домашним хозяйством, остается очень мало времени на общение с ребенком. Поэтому они основную часть задач формирования языкового словаря и языковой культуры перекладывают на школу. Следует учесть, что определенная часть родителей является не совсем компетентной в профессиональной, общественно-политической и иной деловой терминологии, в правильном и ясном изложении своих мыслей.

Увеличивается доля (особенно в городах) родителей, или вовсе не владеющих, или владеющих весьма ограниченно, языком того этноса, с которым они себя идентифицируют. Такая картина характерна для представителей всех этнических групп (кроме русских) Поволжья. Как отмечают, например, И.И. Бойко, А.П. Долгова и В.Г. Харитоновна, в Чувашии «среди чувашей чуть менее двух третей родным назвали чувашский и почти четверть определила в качестве такового сочетание русского и чувашского языков. Наконец, группа со сложной этнической идентичностью практически разделилась на три части по такому основанию, как родной язык, две близкие по количественному значению и одну — гораздо меньшую. Отметим далее, что нередки случаи, когда люди, определившие в качестве родного тот или иной язык, нередко владеют им недостаточно свободно или совсем не владеют. В этом случае выбор языка определялся не уровнем его знания, а этничностью. Иначе говоря, если лицо считает себя чувашом, марийцем, то и родной язык, по его мнению, соответственно, должен быть чувашским или марийским» [17].

Уровень владения родителями нерусской национальности своим родным языком становится одной из главных факторов проблемы сохранения родных языков. Родной язык во многих семьях приобретает чисто бытовые функции и перестает функционировать в общении на профессиональные, общественно-политические и иные деловые темы. В отдельных нерусских семьях (преимущественно в городах) родители занимают негативную позицию, или проявляют равнодушие в отношении изучения их детьми нерусского языка. В этом плане функция семьи — трансляция языкового богатства народа — становится весьма ограниченной, неполноценной. Следует согласиться с С.А. Боргояковым в том, что «главной тенденцией в ситуации с родным языком среди автохтонных народов России является уменьшение числа тех, кто называет родным этнический язык, и увеличение числа не владеющих им. Происходящий процесс языковой ассимиляции обусловлен не только факторами объективного характера, но и субъективными — появлением языкового нигилизма среди представителей коренных народов и распространением представлений о языках меньшинств как о непрестижных и бесперспективных» [18].

Следует учесть и то, что определенная часть родителей — представители разных национальностей. И тут перед родителями встает вопрос, какой язык для их ребенка является родным, на каком языке общаться в семейном кругу? Таким образом, современная семья не способна компенсировать недостатки школьной системы в области изучения языков.

Выводы

Социокультурные процессы в языковой сфере в зависимости от характера социального конструирования данной социальной проблемы могут пойти по разным векторам. Первый вектор — одностороннее поглощение языков, следовательно, упрощение, обеднение и исчезновение той или иной языковой культуры. Второй вектор — эклектичное сочетание языков, следовательно, упрощение и обеднение всех взаимосвязанных языков. Третий вектор — взаимное обогащение языков при их сохранении на уровне личности, семьи, территориального образования, региона. Следовательно, сегодня нужно выработать научно

обоснованный механизм поддержки социокультурной интеграции в мультикультурных регионах страны, в том числе в области языковой интеграции. Мы полагаем, что первоочередной задачей является не политико-правовой и организационно-управленческий аспект этих проблем (обязательность или добровольность изучения языков в школах, в частности изучения в Башкортостане башкирского языка учащимися, имеющими другую этническую идентичность), а социокультурный аспект — изучение языка своей этнической идентичности и языка межкультурного общения.

Очевидно, сегодня нужно искать новые варианты решения проблемы изучения языков народов страны, включая русский язык, особенно в многонациональных регионах. Нам представляется, что нужно найти оптимальные формы взаимодействия семьи, школы и муниципальной власти, нацеленные на изучение подрастающим поколением и русского языка, и языка своих родителей (в нерусских семьях). Сохранение и развитие языков народов страны — это общее дело, а не только школы и семьи.

Благодарности

Данная статья выполнена в рамках выполнения проекта № 19-411-020007\19 «Социальное конструирование родного языка и проблем его сохранения в молодежной среде Башкортостана» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Башкортостан

Библиографический список

- [1] Фишман Дж.А. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С.116–124.
- [2] Edwards J. Language and Identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 314.
- [3] Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С.4– 2.
- [4] Krauss M. The World Languages in Crisis. 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sustainableunh.unh.edu/sites/sustainableunh.unh.edu/files/images/Krauss>.
- [5] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Москва: Логос, 1998. – 235 с.
- [6] Губогло М.Н.. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 2003. – 764 с.
- [7] Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра // Рук. проекта и отв. ред. Л.М Дробижеева. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
- [8] Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., Асылгужин Р.Р. Этническое сознание и этническая идентичность. – Уфа: Гилем, 2009. – 249 с.
- [9] Арутюнова Е.М. Этноразноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. – 2018. – №4. – С.25–35.
- [10] Габдрафиков И.М. Язык и этническая культура в школах Башкирии: проблема общественного восприятия // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. С. 11–20.
- [11] Лиценбергер О.А. Идея равноправия культур в школьном и вузовском преподавании и профилактика радикализма // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 82–94.

- [12] Мартыненко А.В. Культурные реалии в полиэтнической школе. Проблемы преодоления нетерпимости // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 32–49.
- [13] Мухаметшина Н.С. Этнические и конфессиональные различия в самарской учебной среде с точки зрения педагогов и учащихся // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 69–81.
- [14] Орлова О.В. Межгрупповые отношения как результат функциональности национальных языков в образовательной среде // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 21–31.
- [15] Степанов В.В. Этнокультурные потребности в школах и вузах Приволжского федерального округа // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. Москва; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 148–155.
- [16] Черных А.В., Каменских М.С. Интерес учащихся к предметам этнокультурной направленности и региональному контексту // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. Москва; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. – С. 60–68.
- [17] Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонов В.Г. Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 31–39.
- [18] Боргояков С.А. Состояние и перспективы родных языков в российской системе образования // Наука и школа. – 2017. – №6. – С.20–30.

References

- [1] Fishman, J.A. (2005). Today's disputes between primordialists and constructivists: the relationship between language and ethnicity from the point of view of scientists and everyday life. *Logos*, 4 (49), 116–124.
- [2] Edwards, J. (2009). *Language and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- [3] Joseph, J. (2005). Language and national identity. *Logos*, 4 (49), 4–32.
- [4] Krauss, M. (1992). *The World Languages in Crisis*. Retrieved from <http://www.sustainableunh.unh.edu/sites/sustainableunh.unh.edu/files/images/Krauss>.
- [5] Saussure, F. de. (1998). *Course in General linguistics*. Moscow: Logos.
- [6] Guboglo, M.N. (2003). Identification of identity: *Ethnosociological*. Moscow: Nauka.
- [7] Drobizheva, L.M. (2013). *Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow*. Moscow: Russian political encyclopedia.
- [8] Fayzullin, F.S., Zaripov, A.Ya., & Asylguzhin, R.R. (2009). *Ethnic consciousness and ethnic identity*. Ufa: Gilem.
- [9] Arutyunova, E.M. (2018). Ethnolinguistic problems and prospects in the educational sphere of the Russian republics (on the example of Bashkortostan). *Sociological Research*, 4, 25–35.
- [10] Gabdrafiqov, I.M. (2017). Language and ethnic culture in schools of Bashkiria: the problem of public perception. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, V.V. Stepanov (Eds.). *Ethno–Cultural*

- content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district. *Expert report* (pp. 11–20). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of Computer Research.
- [11] Litsenberger, O.A. (2017). The idea of equality of cultures in the school and University teaching and prevention of radicalism. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, V.V. Stepanov (Eds.), *Ethno-cultural content of education, Russian identity and civil accord in the Volga Federal district. Expert report* (pp. 82–94). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of Computer Research.
- [12] Martynenko, A.V. (2017). Cultural realities in the polyethnic school. Problems of overcoming intolerance. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, V.V. Stepanov (Eds.). *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil harmony in the Volga Federal district. Expert report* (pp. 32–49). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of Computer Research.
- [13] Mukhametshina, N. (2017). Ethnic and religious differences in the Samara learning environment from the point of view of teachers and pupils. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, V.V. Stepanov (Eds.). *Ethno-cultural content of education, Russian identity and civil accord in the Volga Federal district. Expert report* (pp. 69–81). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of Computer Research.
- [14] Orlova, O.V. (2017). Intergroup relations as a result of the functionality of national languages in the educational environment. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, V.V. Stepanov (Eds.). *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district. Expert report* (pp. 21–31). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of Computer Research.
- [15] Stepanov, V.V. (2017). Ethno-Cultural needs in schools and universities of the Volga Federal district. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, V.V. Stepanov (Eds.). *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district. Expert report* (pp. 148–155). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of Computer Research.
- [16] Chernykh, A.V., & Kamenskikh, M.S. (2017). Students ' Interest in the subjects of ethno-cultural orientation and regional context. In V.A. Tishkov, V.S. Vorontsov, V.V. Stepanov (Eds.). *Ethno-Cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district. Expert report* (pp. 60–68). Moscow; Orenburg; Izhevsk: Institute of computer research.
- [17] Boiko, I.I., Dolgov, A.P., & Kharitonov, V.G. (2018). Ethnic and cultural preferences, native language of the population of the Chuvash Republic. *Bulletin of the Chuvash University*, 2, 31–39.
- [18] Borgoyakov, S.A. (2017). The state and prospects of native languages in the Russian education system. *Nauka i Shkola*, 6, 20–30.

Получена / Submitted: 22/07/2019

Доработана / Revised: 13/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 22/08/2019

УДК 316.334.56

ОТВЕТСТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ламара Ленгизовна Мехришвили¹, Ксения Николаевна Скифская²

¹*Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Тема ответственного обращения с животными всегда была актуальна для человеческого общества. На протяжении веков люди выстраивали социальные связи между собой, включая в свою быденную и профессиональную жизнь служебных, домашних, экзотических животных. Но на данный момент, эта тема стала для России особенно важна — 27 декабря 2018 года в силу вступил новый Федеральный Закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 498). Именно анализ данного акта лег в основу нашего исследования. Целями исследования является выявление социально-правовых проблем в регулировании общественных отношений в области ответственного обращения с животными и предложение путей их решения на основе опроса, проведенного среди населения города Тюмени. Методами исследования являются анализ и анкетирование, позволяющие выявить назревшие в обществе и законодательстве проблемы в вышеназванной области.

Ключевые слова: ответственное обращение с животными, деятельность по обращению с животными, экологическое право, социальные аспекты.

Responsible Treatment with Animals: Social and Legal Aspects of Regulation of Public Relations

Lamara L. Mekhrishvili¹, Kseniya N. Skifskaya²

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Institute of State and Law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The topic of responsible treatment of animals has always been relevant to human society. Over the centuries, people have built social ties with each other, including in their everyday and professional life of service, domestic, exotic animals. However, now, this topic has become especially important for Russia — on December 27, 2018, a new Federal Law No. 498-FZ "On responsible treatment of animals and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" (hereinafter — FZ No. 498) came into force. It was the analysis of this act that formed the basis of our study. The objectives of the study is to identify social and legal problems in the regulation of social relations in the field of responsible treatment of animals and propose ways to solve them based on a survey conducted among the population of the city of Tyumen. The leading methods of research are the analysis and survey, allowing identifying the problems of the above-mentioned area that have matured in society and legislation.

Keywords: responsible treatment of animals, activities for the treatment of animals, environmental law, social aspects.

Введение

Человек живет бок о бок с животными уже на протяжении не одной тысячи лет. Начиная с существования человеческой общины в ее первоизданном виде, люди учились приручать различных животных. Сначала животные помогали людям в охоте, затем в охране жилища и

добычи. С развитием видов общественной формации появлялись новые области деятельности человека, и животные приобщались к службе, военной деятельности, сельскому хозяйству. Сейчас животные стали членами наших семей, которых мы оберегаем и любыми способами пытаемся защитить от возможных опасностей и болезней. Животные крепко встроились в структуру нашего общества и стали его неотъемлемой частью. На основе взаимодействия человека и животного строятся различные профессиональные направления деятельности человека (кинология, зоопсихология), развлекательные и образовательные области (зоопарки, цирки, музеи). Человек настолько готов отдавать себя заботе о животных, что создает общественные организации по их защите, производит для них специальные лекарства, средства ухода, а также вводит в свое законодательство нормы, охраняющие и защищающие права животных как существ, требующих такого же уважения и любви, как и любой индивид из человеческого общества.

Однако во взаимоотношениях между человеком и животным до сих пор существуют социальные и правовые проблемы, требующие решения. Данными проблемами занимаются многие организации, к примеру, «Вита», «БИМ», «Альянс за права животных». В их многочисленных работах раскрываются существующие проблемные моменты в регулировании отношений по обращению с животными.

Стоит сказать, что подобными проблемами человек занимается уже давно. Еще со времен Средних веков многие ученые и философы интересовались проблемами принятия животных в человеческом обществе. Жан-Жак Руссо в своей работе «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» затрагивал социальные аспекты прав животных в обществе [1]. Он считал, что животные так же, как и люди обладают естественными правами. Иммануил Кант же считал, что жестокость к животным влияет отрицательно не на них, а на само общество, делая человека неспособным сострадать другим людям, что плохо сказывается на отношениях людей друг с другом [2].

На современном этапе развития учения о правах животных значение связи между животным и человеком в обществе раскрывается в работах многих журналистов. А с принятием нового ФЗ № 498 сама проблема обрела новую жизнь. К примеру, один из журналистов сетевого издания «Радио Эхо Москвы» Артем Шамардин очень глубоко изучил структуру и посыл ФЗ № 498 [3]. Автор раскрыл проблемные аспекты и недоработки нового законодательства в сфере обращения с животными и предложил возможные варианты улучшения ФЗ № 498. Стоит сказать, что данной темой занимались либо ученые Средневековья, Возрождения и Ренессанса, либо современные журналисты и зоозащитники. Особую важность для научной литературы данная тема не представляла никогда, потому что наука не успевает настолько молниеносно реагировать на изменения в обществе и праве. Поэтому в данной работе мы постараемся восполнить этот пробел.

Отметим, что отдельные теоретические аспекты вообще влияния животных на правовую систему и общество в России были раскрыты в работах таких ученых-юристов, как Д.Е. Захаров [4], Е.В. Богатова [5], О.В. Саратова, Е.В. Чинчевич [6], А.В. Сорокина. Данные ученые исследуют в основном очень узкие сферы взаимодействия человека и животного, которые уже урегулированы нормами права. Однако многие проблемы, поднятые ими, существуют до сих пор и требуют решения.

Значимость данной темы исследования неоспорима. Как уже было сказано, животные как правовой и социальный объект воздействия очень важны для человека. С социальной точки зрения животные — неотъемлемая часть социальных связей человека, а с правовой — один из важных объектов гражданских прав, а также существо, способное чувствовать боль и страдания. Поэтому взаимосвязь указанных точек зрения на значимость животного в обществе является наиболее правильным вектором изучения проблемы обращения с животными.

Согласно поставленной цели задачами данного исследования являются: 1) раскрыть понятие животного в социологическом и правовом понимании; 2) выявить проблемы законодательного регулирования рассматриваемой области; 3) провести анализ положений ФЗ № 498 и предложить возможные варианты устранения выявленных недоработок; 4) провести исследование влияния законодательного регулирования указанной области на социум; 5) проанализировать результаты социального опроса по указанной теме; 6) сформулировать выводы по теме.

Для наиболее полной картины исследования представляется целесообразным обозначить этапы исследования и используемые методы.

На первом этапе исследования нами отбирались необходимые материалы по теме, а именно работы ученых, журналистов. Также была сформирована нормативная база в виде Конституции РФ, ФЗ 498, ФЗ «Об окружающей среде», Уголовного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ. На этапе работы с данными материалами применялись такие методы исследования, как анализ, сравнение, системный метод, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. К примеру, сравнительно-правовой метод позволил нам сравнить определение понятия «животное» в Уголовном и Гражданском кодексах, а также в ФЗ № 498 [7] и выявить проблему неоднородности данных определений и, как итог, отсутствие единого определения понятия «животное».

Метод анализа позволил выявить проблемы многих аспектов ФЗ № 498, в частности проблему отсылочных норм, не имеющих направления самой отсылки, недоработанность многих понятий и положений. Системный метод позволил понять место и вообще роль понятия «животное» в социологии и праве.

На втором этапе нами был проведен массовый опрос через «Goggle Forms» среди жителей города Тюмени для наиболее полного понимания влияния указанных нами проблем на социум вообще. Данный опрос был разослан через Интернет студентам, преподавателям, школьникам и существовал в открытой форме для всех желающих его пройти. В опросе приняли участие 61 человек (мужчины и женщины в возрасте от 10 до 60 лет). На данном этапе определяющее значение имел сам метод опроса, а также методы анализа и синтеза в ходе изучения результатов и представления их в качестве материалов для данного исследования.

Результаты и обсуждение

Термин «животное» прямо и самостоятельно не употребляется в нормативных актах и юридической литературе, потому что содержание его будет непонятно. Наличие расхождений в понимании какого-либо термина неизбежно ведет к разной трактовке, а, следовательно, к разному применению на практике. Статья 1 ФЗ N 52-ФЗ «О животном мире» содержит понятие «объект животного мира», под которым понимается «организм животного происхождения (дикое животное)». В этой норме подчеркивается направленность действия данного нормативного акта: использование и охрана диких животных как конкретно обособленной группы живых организмов.

Важным в рассмотрении темы является принятый ФЗ № 498. Данный Закон также не содержит определение понятия «животное» несмотря на то, что оно употребляется в нем почти в каждой статье. Однако на основе анализа положений данного ФЗ мы можем сделать вывод о том, что «животное» в рамках нового Закона — это именно живой организм вне своей естественной среды обитания, то есть дикой природы. В данную категорию входят домашние животные, дикие животные в неволе (цирки, океанариумы и так далее), служебные животные, бездомные и безнадзорные животные, животные, запрещенные к содержанию. Однако, по нашему мнению, законодательно необходимо все же закрепить перечень животных, входящих в соответствующее понятие, для того чтобы исключить любые коллизии и разночтения.

Интересно то, что статья 245 УК РФ также содержит в себе понятие «животное» в рамках состава преступления «жестокое обращение с животными». Данная норма, судя по всему, распространяется на всех животных в принципе, как диких, так и домашних, служебных, бездомных и так далее.

Согласно статье 128 ГК РФ, объектом гражданских прав является имущество. Животные, исходя из анализа статьи 137 ГК РФ, являются таким же имуществом, как и все остальные объекты. Отсылка нас к статье 4 ФЗ «О животном мире» [8] подчеркивает, что объекты животного мира являются собственностью государства, и порядок пользования, владения и распоряжения ими регулируется ГК РФ в той мере, в которой он не урегулирован ФЗ.

Стоит сказать, что ФЗ № 498 требует значительной доработки. В результате нашего исследования мы выделили следующие проблемы в самом нормативном акте:

1. Предмет (сфера правового регулирования). Акт регулирует очень узкую сферу взаимоотношений между человеком и животными. В основном он направлен на регулирование отношений человека с домашними, служебными животными, то есть урбанизированными животными [9]. Однако стоит сказать, что это тоже является спорным моментом, ведь отсылочные нормы регулирования правового положения, к примеру, служебных животных, вообще не существуют. Закон отсылает нас к документам, которых в принципе не существует в реальности.

Данный акт никак не затрагивает сферы охоты, сельского хозяйства, научных и медицинских исследований.

Сфера охоты, наиболее активно обсуждаемая вообще среди зоозащитников. Конечно, охота издревле является основным средством добычи пропитания для человека, но для современного общества уже не играет такой важной социальной роли. Единственная важность охоты состоит в том, что достаточно обеспеченные люди проводят так время. Поэтому политическое лобби охотников достаточно широкое и сильное. Именно поэтому охоту никак не ограничивают ни законодательно, ни политически, ни социально. Однако жестокость, с которой охотники и их питомцы расправляются с дикими животными, поистине не подлежит разумному объяснению.

Сельскохозяйственные животные также находятся вне охраны и защиты данного акта. Конечно, такие животные постоянно эксплуатируются людьми для собственных потребностей в еде и иных благах, однако не стоит забывать, что даже они требуют сострадания и защиты.

Животные, используемые для медицинских и научных исследований, — это отдельная тема для правоведов и социологов. С одной стороны, запрещено использовать животных в таких исследованиях, которые могут доставить им боль или страдания, или даже привести к смерти, однако никто не ограничил круг животных, которых можно вообще использовать в таких целях, никто не определил, что и как можно на них проверять и исследовать, что делает их положение настолько незащищенным и шатким по сравнению с иными категориями. С другой, социальной стороны данной проблемы, использование животных подобным образом в принципе негуманно и неправильно. Очень многие производители косметики, одежды проверяют свою продукцию на животных [10]. Зоозащитники и простые граждане борются с подобными издевательствами очень давно, и это находит свой результат. Умение сострадать другим существам является одним из базовых для человека как социального существа, ведь именно способность уважать чужие чувства и считаться с ними, поступать гуманно, правильно и этично создает тот баланс интересов в обществе, который необходим для его нормального функционирования.

Поэтому для решения данной проблемы необходимо включить данные сферы в область правового регулирования данного ФЗ № 498.

2. Недостаточная проработанность понятийного аппарата. Нами поставлены некоторые вопросы по поводу дефиниций, существующих в рамках указанного акта.

А) «Продукты жизнедеятельности». Законодатель никак не интерпретирует данную категорию, которая является очень важной в рамках обязанности владельцев животных убирать за своими питомцами. Данный термин необходимо заменить на «биологические отходы жизнедеятельности животных», под которыми должны пониматься биологические отходы, производимые организмом животного в рамках его естественного функционирования.

Б) «Выгул». Данная дефиниция в рамках ФЗ № 498 не является до конца понятной с точки зрения ее сопоставления с термином «передвижение животного». Существует неконтролируемое и контролируемое передвижение животного в рамках городской среды. При этом под «выгулом» законодатель, видимо, понимает именно прогулку животного в рамках специально отведенных для этого мест. Тогда получается, что «выгул» — это в границах специальной площадки, а «передвижение» — от дома до места назначения? Либо под выгулом законодатель понимает как раз «контролируемое передвижение», что обязательно должно быть конкретизировано в рамках понятий акта.

В) «Потенциально опасные собаки». Кинологическая наука давно доказала некорректность подобной постановки вопроса — любая собака потенциально может представлять опасность для человека и других животных — все зависит от владельца и его отношения к ней [11]. Обязанность выгуливать собаку в наморднике может быть обусловлена ее размерами и физической силой, то есть потенциальной возможностью причинения серьезного вреда человеку или другим животным, а вовсе не принадлежностью к определенной породе.

Стоит сказать, что важным пунктом в данном акте является введение понятия «жестокое обращение с животными». Подобное нововведение позволит расширить сферу применения статьи 245 УК РФ, а также поможет многим людям активнее обращаться в соответствующие органы за помощью каким-либо животным.

Законодатель, стоит сказать, определил данное понятие примерно так же, как понимают его люди. В проведенном нами опросе люди давали следующие определения.

«Крайне негативное отношение к животному, выражающееся в издевательствах, намеренном причинении увечий, безразличное отношение к его здоровью и оставление его в опасности в любых формах».

«Животное — это член семьи, и любое проявление безразличия, невнимательности являются жестокостью и к человеку, и животному. И явные издевательства — это уже вопиющие факты жестокости».

«Неудовлетворительные условия содержания и кормления: когда человек не обеспечивает необходимых потребностей животного, не осуществляет необходимого лечения. А также причинение физического вреда, в том числе в качестве наказания».

«Отсутствие сбалансированного питания, ветеринарной помощи, физическое насилие».

Таким образом, акт не в полной мере раскрывает важнейшие правовые и социальные понятия, касающиеся данной области взаимодействия человека и животного.

Прежде чем перейти к проблемам реализации ФЗ № 498, а также результатам проведенного нами опроса, стоит сказать, что тема ответственного обращения с животными актуальна для большинства населения, ведь почти 60 % опрошенных являются владельцами домашних животных на постоянной основе (15 % ответили, что владеет животным один из членов семьи).

Реализуемость данного акта в российских реалиях представляется весьма проблематичной. Российское общество не всегда готово соблюдать предписанные правила. И это не потому, что люди совсем не обладают хоть каким-то правосознанием. Просто органы власти, создавая правила, не всегда формируют условия для их исполнения и

реализации на практике [12]. С социальной точки зрения человек готов исполнять правила, если они ему понятны, близки, или если большинство населения эти правила будет исполнять. Но на деле социальность никак не играет роли из-за неэффективной работы органов власти.

Начнем с того, что ФЗ № № 498 ввел достаточно много новых требований к владельцам животных, а именно нижеуказанные. О возможности реализации каждого мы скажем ниже.

1. Обязанность по уборке продуктов жизнедеятельности. Данная проблема касается каждого человека, выходящего на улицу. Более 75 % опрошенных крайне отрицательно относятся к тому, что владельцы животных не убирают за своими питомцами (рисунок 1).

Согласно пункту 2 ч. 5 ст. 13 Закона, владельцы при выгуле домашних животных обязаны обеспечивать уборку продуктов жизнедеятельности животного в местах и на территориях общего пользования. И это кажется, очень просто. Но здесь есть очень важный нюанс. Согласно Приказу Росприроднадзора от 03.06.2016 № 311 «Дополнения и изменения, которые вносятся в федеральный классификационный каталог отходов, утвержденный приказом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 18.07.2014 № 445», отходы содержания и разведения собак (1 12 970 00 00 0), в которые входят свежие экскременты, содержимое вольеров при уборке т. п., были включены в Федеральный классификационный каталог отходов.

Рисунок 1. Раздражают ли Вас неубранные за животными «продукты жизнедеятельности»?

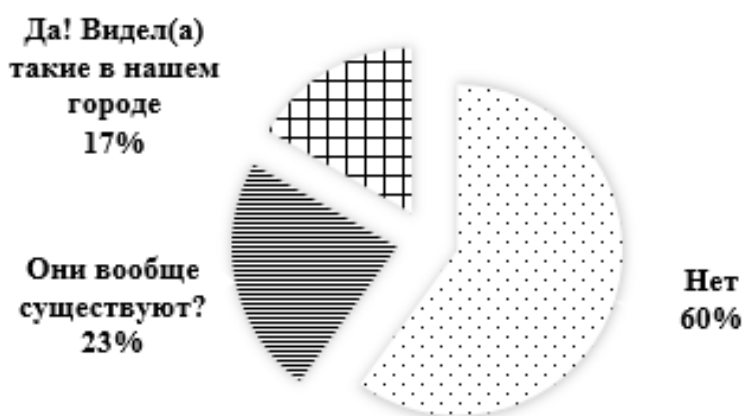

Рисунок 2. Видели ли Вы хоть раз специальные урны для уборки «продуктов жизнедеятельности» животных?

Согласно данному классификатору, экскременты собак (1 12 971 01 33 4) входят в отходы IV класса опасности. ФЗ «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 N 89-ФЗ закрепляет, что такие отходы необходимо собирать, проводить учет, транспортировать и затем утилизировать. Для таких отходов должны создаваться отдельные урны. Однако, согласно опросу, 60 % опрошенных ни разу не видели подобные урны на территории города Тюмени, а 23 % не знают об их существовании в принципе (рисунок 2).

Это говорит о том, что развитость инфраструктуры для утилизации подобных отходов, и, следовательно, для реализации предписаний законодательства в нашем городе не существует в том объеме, в котором это необходимо.

Было бы целесообразно, прежде чем издавать ФЗ № 498, направить в муниципалитеты требования об обязанности создать всю необходимую инфраструктуру для реализации норм нового акта. Ведь правила создаются не просто так, тем более, люди готовы следовать правилам и делать то, что закреплено (рисунок 3).

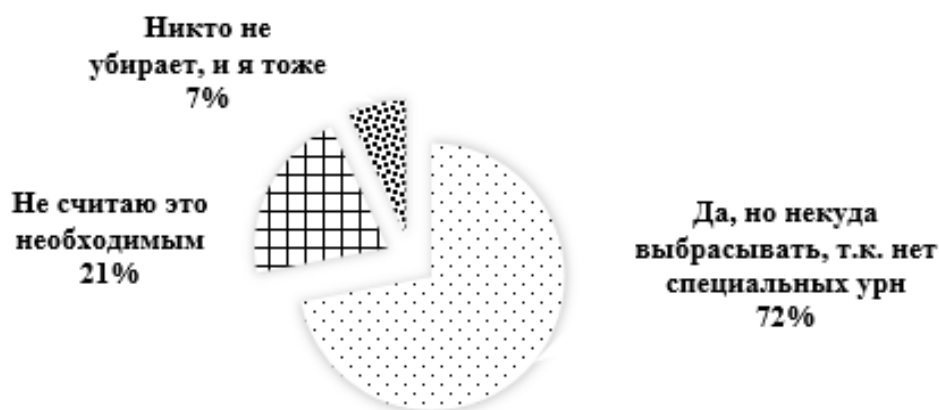

Рисунок 3. Убираете ли Вы за своим животным «продукты жизнедеятельности»?

В рамках опроса мы также задали людям вопрос, ответы на который показали нам тенденцию к устоявшимся социальным связям людей в рамках городского общества. «Если Вы не убираете, что могло бы изменить Ваше поведение?». Большинство опрошенных в своих текстовых ответах отметило, что стали бы убирать, если бы это делало большинство. В данном случае прослеживается определенная особенность: согласно вышеуказанным ответам 72 % опрошенных убирают за своими питомцами. Тогда почему же люди, которые этого не делают из соображений «никто не убирает, и я тоже» не смотрят на позитивное поведение, а замечают только негативное? Также люди отметили, что появление в городе специальных урн и установление доступных цен на бумажные/биоразлагаемые пакеты для уборки простимулировало бы их на уборку. Следовательно, необходимо устанавливать специализированные урны для биологических отходов; повышать уровень правовой и социальной культуры населения, а также помогать людям в реализации их обязанностей в принципе.

1. Выгул животных в специально отведенных местах. Согласно пункту 3 ч. 5 ст. 13 Закона, владелец животного обязан «не допускать выгул животного вне мест, разрешенных решением органа местного самоуправления для выгула животных».

В данном вопросе существует две очень важные проблемы. Во-первых, данная норма толкуется как прямой запрет на выгул животных везде, кроме специально отведенных на это мест. Подобная норма позволяет органам местного самоуправления напрямую по факту запрещать в принципе выгул животных.

Следует отметить, что в первоначальной версии Закона запрещалось выгуливать животных только на детских, спортивных площадках, на территориях учреждений образования и здравоохранения и т. п. (допускался выгул собак в парках и садах).

Большинство опрошенных (56 %) нейтрально относятся к тому, что владельцы животных гуляют с ними в парках, скверах, по улицам. 22 % опрошенных считают, что владельцам позволительно так себя вести из-за того, что нет специальных мест для выгула (рисунок 4).

Рисунок 4. Как Вы относитесь к тому, что владельцы животных гуляют с ними по тротуарам/паркам, а не в специально отведенных местах?

И отсюда возникает еще одна проблема. Недостаток подобных мест для выгула в городе Тюмени — довольно острая проблема, с учетом того, что очень многие люди владеют животными, а около 9 % опрошенных отрицательно относятся к выгулу животных вне специальных мест. Необходимо учитывать интересы каждой стороны.

В Центральном административном округе города Тюмени, согласно Постановлению Администрации города Тюмени «Об утверждении Схемы размещения площадок и иных территорий для выгула домашних животных на территориях общего пользования города Тюмени» от 19.12.2016 N 485-ПК, размещаются 13 площадок для выгула (таблица 1). Кажется, что этого достаточно, но по факту ЦАО города Тюмени простирается вплоть до реки Казарово, а в самом центре города построено всего 2 площадки (ул. Холодильная 42а и ул. Механическая 42а). Инфраструктуру для владельцев животных в городе никто не выстраивал. Раньше с животными гуляли везде, без запретов, однако требования времени все же необходимо учитывать хотя бы при строительстве новых домов на данном этапе.

Таблица 1. Список площадок для выгула домашних животных в Центральном административном округе города Тюмени

Центральный административный округ		
Площадки для выгула домашних животных		
1.	Ул. Фурманова, 4	72
2.	Ул. Механическая, 23	92
3.	Ул. Холодильная, 42а	180
4.	Загородный сад	320
5.	Ул. Харьковская, 48	180
6.	Парк Заречный	864
7.	Ул. Тимуровцев, 30	135
8.	Ул. Ветеранов труда, 1	270
9.	Ул. Дружбы, 165	180
10.	Сквер Мелиораторов	280
11.	Ул. Щербакова, 142	189
12.	Ул. Щербакова — ул. Менжинского	689
13.	Ул. Комсомольская, 33	160

К учету интересов всех сторон в вопросе выгула животных может привести выгул животных с обязательным использованием намордника. Однако большинство опрошенных считают, что не все животные должны носить намордник (рисунок 5). Для этого необходим учет породы животного, а также поведенческих характеристик конкретного животного.

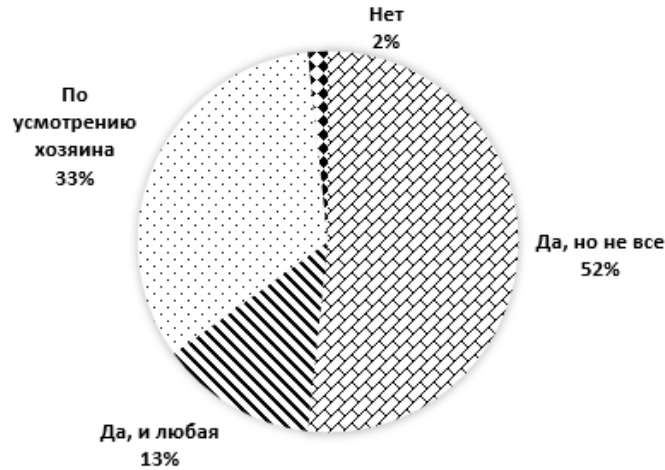

Рисунок 5. Должна ли собака быть в наморднике в общественных местах?

Таким образом, инфраструктура города Тюмени совсем не предназначена для существования животных в домашних условиях. Люди готовы выполнять все предписания Закона, однако муниципальные органы совсем не готовы обеспечить необходимые для этого условия. Необходимо финансировать создание инфраструктуры для владельцев животных. Это возможно за счет пожертвований граждан и внесения в бюджет города Тюмени соответствующих затрат. В центре города много пустырей; бесхозных территорий, которые при должном обращении вполне могут стать площадками для выгула.

2. Правовое и социальное положение приютов. Проблема существования приютов для России в принципе является актуальной как самостоятельная. Вопросы, касающиеся безнадзорных животных, решаются в Российской Федерации не всегда последовательно и эффективно, но это не мешает властям и законодателю устанавливать все новые и новые требования к приютам и зоозащитным организациям.

Стоит отметить, что 80 % опрошенных знают о приютах города Тюмени. Это говорит о том, что люди социально активны и готовы искать необходимую информацию, чтобы помочь или просто проконсультироваться (рисунок 6).

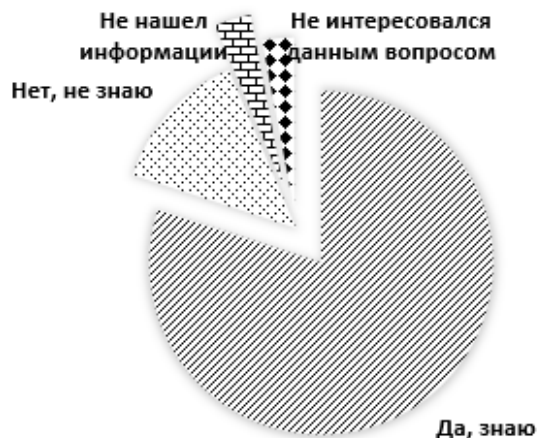

Рисунок 6. Знаете ли Вы о существовании приютов в городе Тюмени?

Приюты для животных являются единственным местом для содержания бездомных животных. Их правовое положение как специализированных организаций содержания животных регулируется статьей 16 ФЗ № 498.

Приют для животного это не вид юридического лица. Чаще всего приюты создаются в форме фондов или иных некоммерческих организаций, что является явным упущением законодателя, ведь предъявляя к приюту особые требования именно как к юридическому лицу в плане направления деятельности, стоит и определить его особое правовое положение. Понятие «приют» в юридической литературе как особый вид деятельности или вид юридического лица не существует, поэтому некорректным является его употребление в ФЗ № 498. ФЗ возлагает обязанности по содержанию животных без владельцев на абстрактно существующую организацию, правовое положение которой никак не закреплено.

Можно привести в пример Благотворительный фонд помощи животным «Горячая линия "Потеряшки"». Как видно из названия, данный приют является фондом, то есть некоммерческой организацией, которой передаваемое благотворителями имущество принадлежит на праве собственности.

Приютам передали очень много задач, к примеру:

- согласно ч. 2 ст. 9 ФЗ № 498, в случае отказа от животного, хозяин обязан передать его в приют;
- Ч. 8 ст. 15 ФЗ № 498 говорит о том, что если животное больше невозможно использовать в культурно-зрелищных мероприятиях — также отдать в приют;
- пункт 1 ч. 1 ст. 18 ФЗ № 498 предписывает отправлять безнадзорных животных в приюты после отлова. Приюты обязаны содержать их в случае невозможности возврата животного на прежнее место обитания.

То есть вся ответственность за содержание животных лежит на приютах. Конечно, согласно ч. 2 ст. 7 ФЗ № 498, «Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе создавать приюты для животных и обеспечивать их функционирование на территории соответствующего субъекта Российской Федерации». Но на деле количество таких муниципальных и региональных приютов можно сосчитать по пальцам. В городе Тюмени существует муниципальный «Пункт временного содержания безнадзорных домашних животных МКУ "ЛесПаркХоз"».

Акт не определяет особенности положения муниципальных и частных приютов, что является необходимым условием их существования. Ведь частные приюты живут исключительно за счет благотворительности и пожертвований, которых и так не много (рисунок 7). А муниципальные финансируются за счет бюджета муниципалитета, и именно они должны выполнять все возложенные на приюты функции.

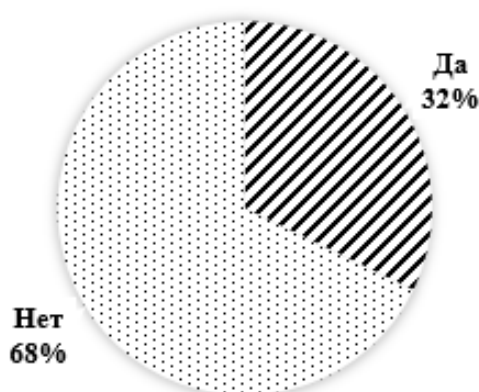

Рисунок 7. Помогали ли Вы приютам для животных (кормами, уборкой, деньгами)?

Стоит выделить теоретические и практические проблемы вообще существования приютов России, и, следовательно, предложить их возможные решения:

- Отсутствие юридически закрепленной категории юридических лиц или вида деятельности «приют».
- Отсутствие конкретных обязанностей и прав государственных и муниципальных органов власти в области обеспечения деятельности приютов как таковых.
- Отсутствие необходимых подзаконных актов, которые должны регулировать деятельность различных видов приютов.
- Отсутствие дополнений и изменений в законодательстве, необходимых для эффективного и полного правового обеспечения деятельности приютов (нет понятия, что же такое специально отведенные под приюты здания и сооружения, нет перечня оснований, при которых можно умерщвлять животных в приютах, а именно тех заболеваний, которые являются безусловным фактором нежизнеспособности животного и так далее).
- Недостаточное количество муниципальных приютов в городах, селах и иных муниципальных образованиях.
- Отсутствие необходимого финансирования муниципальных приютов.

Необходимые изменения:

- Внести в ФЗ N 498-ФЗ определение понятия «приют». Данное понятие должно раскрываться в статье 3 следующим образом: «приют — это некоммерческая организация, создаваемая в целях осуществления деятельности по содержанию животных, в том числе животных без владельцев, животных, от права собственности на которых владельцы отказались».
- Определить права и обязанности государственных и муниципальных органов власти в рамках данного Закона относительно деятельности по обращению с животными без владельцев.
- Обязать муниципалитеты создавать хотя бы один приют на территории муниципального образования.
- Внести дополнения в ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления», а именно статью 14 (Вопросы местного значения) пунктом 40 «Осуществление деятельности по обращению с животными без владельцев, обитающими на территории муниципального образования».

Выводы

Новые тенденции в обществе требуют своевременных решений. Если государство решило вводить нормы, защищающие и охраняющие животных, необходимо создавать для этого условия. Ведь Закон создан не для того чтобы оберегать только животных, он создан для обеспечения безопасности людей, охраны их здоровья, жизни и комфортной среды существования.

В рамках нашего исследования были раскрыты основные проблемы регулирования отношений в области ответственного обращения с животными. Всем этим проблемам, стоящим перед государством, в рамках нашей работы были предложены решения. Данные решения, по нашему мнению, действительно позволят государству выполнить социальную, правовую, культурную функции и функцию по охране общественного порядка и обеспечению безопасности человека и государства. При этом очень важным является то, что государство действительно должно прислушаться к объективным требованиям сложившейся в сфере обращения с животными без владельцев ситуации.

Необходимо менять законодательство, практику его реализации в данной сфере, а также способствовать тому, чтобы муниципалитеты действительно восприняли данную проблему как всеобъемлющую, требующую кардинального и эффективного решения.

И главное — необходимо воспитывать в людях гуманное и ответственное отношение к животным. Ведь если человек чувствует себя хозяином, заботится о своем животном и понимает, чем может обернуться его отказ от животного, то ни одно из них не останется бездомным. Воспитание в людях понимания, что животные — это существа, способные чувствовать боль, страх, любовь, которым также нужна защита и забота, является отправной точкой в решении проблемы животных без владельцев.

Библиографический список

- [1] Rousseau J.-J. *Discourse on the Origin of Inequality*. Indianapolis. – Indiana: Hackett Publishing Co, 1992. – P. 66.
- [2] Kant I. *Groundwork of the Metaphysic of Morals, part II (The Metaphysical Principles of the Doctrine of Virtue)*, paras 16 and 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inp.uw.edu.pl/mdsie/Political_Thought/Kant%20%20groundwork%20for%20the%20metaphysics%20of%20morals%20with%20essays.pdf (дата обращения: 9.05.2019).
- [3] Шамардин А. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными»: оправдались ли надежды? Часть 1 // Радио Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/artshamardin/2386963-echo/> (дата обращения: 9.06.2018).
- [4] Захаров Д.Е. Животные как объекты гражданских прав: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. – Екатеринбург, 2010. – 22 с.
- [5] Богатова Е.В. Жестокое обращение с животными: уголовно – правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Омск, 2013. – 30 с.
- [6] Чинчевич Е.В. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью животными: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 23 с.
- [7] Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации: федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ // [Электронный ресурс]: Официальный интернет – портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 9.05.2019).
- [8] О животном мире: федеральный закон от 24.04.1995 N 52-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/ (дата обращения: 9.05.2019).
- [9] Трехуровневая модель работы по решению проблемы бездомных животных в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.animalsprotectiontribune.ru/Proekt_1.html (дата обращения: 15.05.2019).
- [10] Программа сокращения численности бездомных животных гуманными способами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=1e1ae39f-ea5a-4c8c-aaf0-09532e1819d1> (дата обращения: 10.06.2019).
- [11] Бездомные животные в России суть проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.animalsprotectiontribune.ru/Dokbgr.html> (дата обращения: 9.05.2019).
- [12] Бездомные животные – проблема каждого из нас? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--90acesaqsbbbreoa5e3dp.xn--p1ai/projects> (дата обращения: 18.05.2019).

References

- [1] Rousseau, J.-J. (1992). *Discourse on the Origin of Inequality*. Indianapolis, Indiana: Hackett Publishing Co.
- [2] Kant, I. *Groundwork of the Metaphysic of Morals, part II (The Metaphysical Principles of the Doctrine of Virtue)*, paras 16 and 17. Retrieved from

http://www.inp.uw.edu.pl/mdsie/Political_Thought/Kant%20groundwork%20for%20the%20metaphysics%20of%20morals%20with%20essays.pdf

- [3] Shamardin, A. *Federal law "On responsible treatment of animals": were your hopes justified? Part 1. Radio Echo of Moscow.* Retrieved from <https://echo.msk.ru/blog/artshamardin/2386963-echo/>.
- [4] Zakharov, D.E. (2010). *Animals as objects of civil rights* (PhD thesis, Ural State Law Academy, Ekaterinburg, Russian Federation).
- [5] Bogatova, E.V. (2013). *Animal Cruelty: criminal – legal and criminological* (PhD thesis, Omsk Academy, Omsk, Russian Federation).
- [6] Chinchevich, E.V. (2012). *Indemnification of harm caused to life and health of animals* (Samara State University, Samara, Russian Federation).
- [7] About responsible treatment of animals and about modification of separate legal acts of the Russian Federation: the Federal law of 27.12.2018 N 498-FZ. Official Internet portal of legal information. Retrieved from <http://www.pravo.gov.ru/>.
- [8] On the animal world: Federal law of 24.04.1995 N 52-FZ. Assembly of the legislation of the Russian Federation. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/
- [9] Three-Level model of work on solving the problem of homeless animals in Russia. Retrieved from http://www.animalsprotectiontribune.ru/Proekt_1.html
- [10] *Program to reduce the number of homeless animals in humane ways* Retrieved from <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=1e1ae39f-ea5a-4c8c-aaf0-09532e1819d1>
- [11] Homeless animals in Russia the essence of the problem. Retrieved from <http://www.animalsprotectiontribune.ru/Dokbgr.html>
- [12] Homeless animals – the problem of each of us? Retrieved from <https://xn--90acesaqsbbsrea5e3dp.xn--p1ai/projects>

Получена / Submitted: 16/07/2019

Доработана / Revised: 06/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 21/08/2019

УДК 316.35

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В СОЦИУМЕ

Игорь Юрьевич Фомичев¹, Ирина Владимировна Павлова²

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра геологии месторождений нефти и газа, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Настоящая работа посвящена научной разработке актуальной для современной социологии морали темы, раскрывающей динамику нарастающих изменений в области моральной регуляции общественных взаимодействий, современные тенденции в развитии этого социального института как в мировом, так и в российском социуме. Достаточно долгий период господства традиционных моральных представлений о том, что должно и что запрещено в системе человеческих коммуникаций, о построении брачных и семейных отношений в многоконфессиональном обществе, о пределах гендерной свободы и толерантности, о воспитании и критериях воспитанности и порядочности и т. п., подходит, как представляется, к своему нелогичному завершению. Мораль не «исчезает», как когда-то казалось Э. Гидденсу, она меняет свое внутреннее содержание, что выражается в преобразовании её собственной критериальной основы, изменении параметров оценки явлений социальной действительности, показателей адекватности социального действия и принципов профессиональной нравственности, преступления и наказания. Необходимость эмпирической фиксации и теоретического анализа этих феноменов представляется автору очевидной, и он сосредоточивает свое исследовательское внимание на выявлении качественных показателей в изменяющемся актуальном пространстве ценностных критериев и, соответственно, на индикаторах формирующихся тенденций изменения моральной регуляции современного общества.

Ключевые слова: общечеловеческая мораль, корпоративные ценности, социальные детерминанты, формальные и неформальные сообщества, институционализация морали.

Modern Trends of the Moral Regulation in Society

Igor J. Fomichev¹, Irina V. Pavlova²

¹*Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Geology of Oil and Gas, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. This paper is devoted to the scientific development of a topic that is relevant for contemporary sociology of morality, revealing the dynamics of increasing changes in the field of moral regulation of social interactions, current trends in the development of this social institution both in the world and in Russian society. A rather long period of domination of traditional moral ideas about what should and what is forbidden in the system of human communications, about building marriage and family relations in a multi-religious society, about the limits of gender freedom and tolerance, about education and criteria of education and decency, etc. seems to be approaching its illogical conclusion. Morality does not "disappear", as it once seemed to E. Giddens, it changes its internal content, which is reflected in the transformation of its own criterion basis, changes in the parameters of evaluation of social reality phenomena, indicators of the adequacy of social action and principles of professional morality, crime and punishment. The need for empirical fixation and theoretical analysis of these phenomena seems obvious to the author and he focuses his research on identifying quality indicators in the changing current space of value criteria and, accordingly, on indicators of emerging trends in the moral regulation of modern society.

Keywords: universal human morality, corporate values, social determinants, formal and informal communities, institutionalization of morality.

Введение

Вероятно, любому человеку совершенно понятно, что мир постоянно изменяется, и этот процесс характеризует его как развивающуюся субстанцию, что в том числе непосредственно относится и к России. Безусловно, такое развитие в различных социальных сферах имеет свою специфику. Не является исключением и социально-нравственная сфера, где естественным (а иногда и противоестественным) образом происходят ценностные флуктуации. Этот процесс (или эта проблема) тем или иным образом фиксируется современными учеными, представляющими различные кластеры гуманитарного знания — в первую очередь психологами, историками, философами, юристами, а также педагогами, социологами и другими. При этом в одном аспекте авторы практически единодушны: в современной аксиосфере возникла новая система моральной нормативности, не похожая на традиционную, привычную систему нравственных ценностей.

Исследователями выделяются разные факторы, активно формирующие новую моральную нормативность. Так, например, Л.В. Баранова среди новых доминирующих ценностей оптимистично выделяет индивидуализм. В качестве обоснования этой идеи она формулирует тезис о том, что «моральные нормы не должны быть препятствием для реализации желаний того или иного человека. Будь энергичен, добивайся успеха своими силами. Ведь каждый человек стремится к личному успеху, а наибольшая свобода дает максимум возможностей для этого. Очевидно, что из этих принципов следует и необходимость порядочности. Например, обман другого человека — это, как правило, причинение ему ущерба, а значит осуждается современной нравственностью. Нельзя непосредственно покушаться на чужое: жизнь, здоровье, имущество, свободу — вот минимум требований. Живи, как знаешь, и не суйся в чужую жизнь, если не просят — вот главное правило морали завтрашнего дня» [1]. В отличие от этой позитивной теоретической позиции разрабатываются и более реалистические концептуальности, касающиеся отдельных кризисных моментов в развитии бытующей моральной нормативности. Например, на сайте «Психологос», который публикует материалы дискуссии «Нравственное состояние современного российского общества», в ходе которой участники (известные российские ученые) высказывают опасения по поводу моральной деградации современного социума, обсуждают причины и последствия падения нравов [2]. В связи с этим приобретает новое методологическое значение идея глобализации нравственности, обосновывающая эволюционное формирование в общественной жизни элементов «глобализационного гуманизма», всеобщей субстанции моральной нормативности вопреки, впрочем, всякой социальной детерминации аксиосферы конкретной социальной общности [3]. В правоведческой литературе общепризнано положение о непосредственном влиянии морали на обоснование и реализацию юридических нормативов, насыщение их смыслами гуманизма и справедливости. Преобразующиеся во времени моральные ценности воздействуют на правовое сознание и юридические оценки поведенческих новообразований, таких как однополые браки, участие в распространении ВИЧ-инфекции, нетрадиционные сексуальные практики, сексизм, ксенофобия и другое [4].

Социологи, опираясь на результаты конкретно-социологических исследований, также фиксируют проблемность современной нравственной ситуации в российском обществе. Здесь нужно обратить внимание на исследование Н.Н. Седовой, которая в целом соглашается с выводами коллег о том, что в начале XXI века «у многих россиян складывается убеждение о полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядет духовное перерождение, а точнее — вырождение России» [5]. Касательно истоков такого положения дел Н.Н. Седова отмечает, что экономические трудности вынудили часть россиян к практике освобождения от сдерживающего «морального груза». «Игнорирование традиционных

моральных предписаний стало экономически и социально выгодным — продвижение по социальной лестнице заметно легче давалось людям, не обремененным моральными нормами» [5]. В то же время, опираясь на полученные в ходе исследования результаты, социолог приходит к выводу, что «традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения по-прежнему актуальны для большинства наших сограждан. И та обеспокоенность состоянием морально-нравственного климата в обществе, переживание за потерю обществом его моральных традиций, которую россияне сегодня демонстрируют, — это не столько констатация утраты норм и традиций, сколько признак того, что общество и его граждане стоят на пути морального и нравственного выздоровления, остро чувствуют его необходимость.

И лучшее тому подтверждение — возобновление межпоколенческого транзита моральных норм; пусть незначительное, но моральное лидерство поколения 18–25-летних россиян на фоне старшей российской молодежи и поколения 31–40-летних россиян, чья приверженность традиционным нормам, особенно в отношениях с государством, была заметно «остужена» в «лихие 90-е» [5]. Сходные выводы делает А.В. Юревич, подводя итоги своего эмпирического исследования, проведенного семью годами позже. В своей статье он отмечает, что хотя нравственное состояние современного российского общества остается в целом явно неудовлетворительным, в последние годы оно обнаруживает тенденцию к улучшению, то есть основания для оптимизма все же имеются [6].

Отмеченные работы дают определенное представление о современной социально-нравственной ситуации в российском обществе. При этом вышеупомянутые авторы, а также многие другие в силу поставленных задач основное внимание уделяют количественным характеристикам моральных феноменов, изменяющихся во времени, например, феноменов морального сознания. Цель данной статьи — выявление качественных параметров моральной регуляции; определение векторов ее развития и существования, динамики изменения сущности традиционных регулятивов, фиксации появления новых принципов. Один из авторов данной работы уже предпринимал попытку научной реализации такого методологического подхода в своих предыдущих публикациях [7]. Представленное исследование продолжает этот научный дискурс.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили научные статьи, монографии и другие виды публикаций отечественных и зарубежных ученых, различным образом оформленные результаты эмпирических исследований, юридические положения и акты национального и международного законодательства в исследуемой сфере.

В качестве используемых методов в соответствии с целями настоящей работы можно выделить ряд общенаучных теоретических методов исследования, таких как метод сравнительного анализа, метод теоретического синтеза, метод абстрагирования, диалектический метод, индуктивный подход и так далее. Так, например, диалектический метод лежит в основе рассмотрения социально-нравственной ситуации в обществе, в её динамике, противоречии и развитии и позволяет предварительно зафиксировать и определить векторы такого развития, обозначить искомые тенденции. Методом сравнительного анализа удалось определить различные состояния социально-нравственной ситуации в российском обществе и зафиксировать определенные тенденции в его развитии и так далее.

Отдавая должное общенаучным методам, необходимо подчеркнуть, что базовыми для данной работы являются методы качественного социологического исследования, эволюционирующие в настоящее время в сферу неклассической социологии. В отличие от классического подхода объективность здесь теряет свое значение непреходящего критерия процесса и результата. Здесь легимитизируются и признаются продуктивными

субъективность и релятивность в феноменологическом конструировании социальной реальности [8]. Такие нетрадиционные методологические допущения означают, что понятие выборки в его прямом значении выглядит неадекватно, хотя этим и не отменяется фиксирование объекта исследования в пределах «социокультурного поля» (П. Штомпка) [9]. Установление и измерение конкретных связей и отношений в социальном явлении при качественном подходе уступают место описанию субъективных значений и общей ситуации: соответственно, трансформируются и используемые методы, вместо причинного анализа широко применяются интерпретация и концептуализация события.

Результаты и обсуждение

Мораль, как известно, образует ценностную основу социальных взаимодействий, определяя специфические элементы нормативной базы в развертывании различного рода общественных контактов. Для этико-социологического понимания этого процесса прежде всего важно обратить внимание на его внешне-предметное воплощение, в котором моральное содержание проявляется функционально, как нравственная регуляция межсубъектного социального взаимодействия.

Человеческое поведение подвержено разным регулятивным воздействиям. Определенное значение в этом отношении могут иметь инстинкты, например, такой базовый инстинкт, как инстинкт самосохранения. В этом же ряду можно отметить такие факторы, как влечение, привычки, склонности, вкусы и другие — преимущественно естественного происхождения. Отдавая должное естественным детерминантам, подчеркнем, что взаимодействия людей в обществе в основном направляются социальными по своей морфологии и генезису феноменами.

Люди направляют свою жизнедеятельность, сообразуясь с индивидуально понятыми интересами, конструктивными в смысле формирования некой совокупности связей и отношений, образующих собственно социальный процесс. Стихийно развертывающиеся в социуме индивидуальные и групповые интересы в то же время несут в себе и элементы системной деструктивности, когда вступают в противоречия друг с другом. Социальное равновесие в таких случаях поддерживают различные механизмы закрепления и контроля, нормативные системы — юридические законы, религиозные заповеди, обычаи и традиции, поддерживаемая и разделяемая в социуме моральная идеология.

Все упомянутые (и неупомянутые) социальные нормативные системы содержат моральные доминанты — мораль оказывается аспектом любых социальных отношений, латентным принципом оптимального сосуществования социальных субъектов. Такое понимание морали сложилось в советской и зарубежной социальной философии во второй половине XX века [10]. В качестве характерных особенностей морали как специфической общественной нормативности подчеркиваются ее социальная природа и внеинституциональность, отсутствие специального социального института, ответственного за общественное воплощение морали, отдельной контролирующей инстанции. Мораль отличается традиционной опорой на общественное мнение как фактор массового сознания и на совесть как фактор индивидуального морального сознания [11].

В то же время в ценностном калейдоскопе современного социума, воспроизводимом в условиях рыночных отношений, формируются особые сферы моральной регуляции. Мораль, как известно, по-разному проявляется в различных секторах поведенческой активности индивида, насыщаясь ее предметно-практическим содержанием, обрастая специфическим колоритом. В различных социальных общностях бытуют различные ценностные приоритеты, отличающиеся или прямо противоречащие общественной моральной идеологии, «общечеловеческим ценностям». Это религиозные, политические, криминальные, неформальные молодежные и прочие социальные группы, исповедующие другие идеалы. Особенно своеобразно ценности актуализируются в трудовой сфере, где деятельность

специалиста начинает регулироваться формальным или неформальным профессионально-нравственным кодексом, принятым и одобряемым в конкретной профессиональной среде [12]. В данном случае внеинституциональность как специфическое свойство моральной регуляции существенно размывается, поскольку в практике неизбежно возникает потребность, а иногда и необходимость прямого или косвенного формального контроля.

В результате смены общественной ценностной парадигмы в 90-е годы XX века многие области профессиональной деятельности так или иначе оказались в условиях не до конца понятой рыночной конкуренции, где сформировались ложно ориентированные по сравнению с привычными принципами труда специалиста. Предпочтительными в такой ситуации нередко оказываются не истинные, сущностные цели профессии, а цели прагматизма, то есть те, которые предполагают большую прибыль или по которым возможно успешно отчитаться за проделанную работу (особенно в государственных учреждениях). В средней школе, например, выше ценится успешная подготовка выпускников к единому государственному экзамену, а не формирование у школьников фундаментальных знаний по предметам; успешность руководителя определяется рейтингом, а не благополучием людей в сфере его ответственности; процент раскрываемости полицией преступлений становится превыше объективного состояния общественной безопасности. Возникает особая профессиональная этика, которая кодифицирует эти поведенческие нормативы, а организационная власть, соответственно, создает и навязывает собственную моральную легитимность, на которой основываются принципы оценки специалиста.

Понятно, что такому профессионально-нравственному кодексу присущ фрагментарный характер, и его нормативность целенаправленно формируется и утверждается (институционализируется) внутри соответствующей социальной группы. При этом нормативные положения отличаются специфичной технологичностью от норм так называемой общечеловеческой морали, которые по преимуществу возникали беслично и эволюционно. В различных кластерах социума создаются сообщества, в том числе неформальные и формальные, объединяющиеся по интересам и по образу жизни, профессиональные и сословные, открытые и закрытые, но всегда со своей специфической нормативностью. Как понятно, в этих нормах содержится значительный элемент группового обоснования, а нормы корпоративной этики проявляются в виде ожидаемых эталонов группового поведения. Важное значение здесь имеют нормативность партнерства и соответственно понимаемой порядочности в совместной работе, исполнение разделяемых сообществом норм и согласование индивидуальных и коллективных действий. Таким образом, в рамках организации складывается присущий ей этос, который сознательно воспроизводится как функциональная система моральных нормативов, оптимизирующих процессы достижения значимых целей данной социальной общности. Таким образом, институционализируемая деловая этика рационализируется, операционализирует социально-нравственные детерминанты, трансформируется в этику эффективного достижения групповых целей, моральную праксеологию.

Зафиксированная социологически такая эволюция нравственной нормативности, развертывающаяся в конкретных сферах моральной регуляции, становится приемлемой и востребованной, отражая аксиологические характеристики складывающегося социума. При этом было бы неправильно думать, что в этих процессах создается и возникает какая-то новая мораль, которая приобретает какую-то новую сущность и специфику, какие-то ранее неизвестные признаки и качества. Она все так же остается реальностью, характеризующейся противоположностью добра и зла, а ее прагматический характер, бытующий в конкретных сферах современной человеческой деятельности, не так уж редко выходил на доминирующие позиции в истории антропосоциогенеза и многогранно отражен в различных утилитаристских этических концепциях. Человеческие сообщества в процессе оценки нравственного самоопределения индивидов нередко склоняются к принижению эталонов

благородства, достоинства и бескорыстного служения и, соответственно, возвышению ценностей присвоения и пользы. Они просты и испокон веков исконно понятны большинству населения, поэтому и не отвергаются социумом.

Нравственное воспитание в обществе всегда представляет собой сбалансированную систему, в сферу ответственности которой включены все слои населения и которая транслируется как общеодобряемая идеология, поддерживаемая (формально и неформально) на государственном уровне. Результатом являются моральная социализация, понимание очевидного характера истинности человеческих добродетелей и соответствующего им образа жизни. Этой идеологией социальные субъекты мотивируются соответственно воспринимать примеры подлинно нравственного образа жизни как свои собственные, а не отчужденные, учатся понимать самообусловленность морального поведения, самопричинность просоциального образа действий. Становление такой общественной идеологии является генеральной задачей социального прогресса, условием формирования морального единства любой общественной структуры.

А когда федеральные и региональные элиты в достаточно существенной степени вовлечены в разнообразные коррупционные практики (при том что это не является тайной для гражданского общества), общечеловеческая мораль становится эвфемизмом чего-то нереального и несущественного и теряет свой регулятивный потенциал и аксиологическую определенность. Морально-этические категории, например, такие как «порядочность», «репутация» и т. п., теряют свою значимость общественных ориентиров, постепенно вымываются из привычного словоупотребления, а герменевтика морального контекста в общественном сознании перемещается куда-то в область эзотерического. Понятия «честность», «добросовестность» стали реально архаичными в различных областях добывания денег (то что называется бизнесом), ибо они запрещают разного рода бизнесменам как раз то, что у них лучше всего получается. Веками почитаемые традиционные христианские ценности в постмодернистском обществе утрачивают свою функциональность и уступают место другим моральным представлениям. Причем нередко таким, которые прежде считались исчадием ада.

Моральная нормативность является стороной, аспектом любой человеческой деятельности. В социологической интерпретации она может быть рассмотрена как определенная форма социального контроля, бытующая как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Традиционная строгость моральных канонов (которые никуда не исчезли) растворяется в общественном сознании, которое обнаруживает ценностную фрагментарность и этическую плюральность. Вместе с тем фиксируется и компенсаторный процесс возникновения новых сфер актуализации моральной регуляции, где мораль институционализируется в качестве особого рода нормативности, характеризующейся тенденцией к единству критериев нравственного и целесообразного. Такая практика ранее была известна как профессиональная этика, сейчас же специфические сферы моральной регуляции значительно расширились и обычно приобретают статус корпоративной этики в самых разных ее обликах. Профессиональная этика, подчеркнем, была обращена к определенному виду профессиональной деятельности, а так называемая корпоративная этика (в отличие от профессиональной) обычно относится к какой-то организационной целостности, организационной культуре, где легитимизируются определенная система норм и запретов, некая система организационных ценностей. В зависимости от исходных методологических предпочтений можно увидеть в этих процессах тенденцию перемещения исследовательского внимания во неморальное, связанное с исчезновением специфики нравственности, в некую квазиморальную регуляцию социальных взаимодействий, а можно фиксировать новую постмодернистскую форму институционализации моральной нормативности в современном социуме.

Выводы

В результате проделанной работы авторы исследования пришли к следующим выводам.

Во-первых, представляется особо актуальной проблема нравственного прогресса. Дискуссии по поводу сущности и направленности данного процесса продолжаются, но общепризнанным остается положение о том, что социально-нравственная нормативность демонстрирует внутренние изменения, которые обнаруживаются посредством теоретических и эмпирических исследований в области социологии морали.

Во-вторых, такие изменения в социально-нравственной сфере можно репрезентировать как в количественном, так и в качественном отношении. В количественном отношении исследователями фиксируются определенные элементы социально-нравственного пространства, чаще всего феномены индивидуального или группового морального сознания, морально значимые социальные качества и т. п., которые изменяются во времени и фиксируются, например, при помощи различных видов цифровых интерпретаторов. В качественном отношении исследователями обращается внимание на содержательные аспекты этих социально-нравственных феноменов в динамике их изменений, фиксируются вновь возникающие моральные отношения, не существовавшие ранее в социальном поле, и возникающие в связи с этим моральные ценности, предпочтения и нормы.

В-третьих, на основании проведенного анализа качественных изменений в социально-нравственной сфере современного российского общества, можно выделить следующие существенные тенденции.

- Государство теряет роль доминирующей социальной структуры в трансляции моральных ценностей. Часто декларируемое понятие «патриотизма» не снимает проблемы, поскольку в многочисленных интерпретациях включает в себя самое разное содержание. В то же время ключевые моральные понятия, такие как «совесть», «честность», «бескорыстие», «порядочность», «уважение», «справедливость», такие императивы как «не лги», «не воруй» в реалиях современного рыночного общества потеряли свое непреходящее значение.

- В качестве тенденции развития моральной регуляции в социуме, на которую необходимо обратить исследовательское внимание, нужно отметить, что в отсутствие действенной общественной нравственной идеологии мораль фрагментируется по отдельным социальным кластерам — неформальным и формальным, объединяющимся по интересам и по образу жизни, профессиональным и сословным, открытым и закрытым, но всегда со своей специфической нормативностью. Можно отметить и тенденцию расширения зон особой моральной регуляции, где складываются свои специфические моральные кодексы, иногда даже вступающие в противоречие с общепринятыми нормативами.

- В таких социальных сообществах можно зафиксировать тенденцию насыщения моральной нормативности соответствующим предметно-практическим содержанием, в котором преобладают специфическое рациональное обоснование и прагматические критерии. В различных социальных общностях бытуют различные ценностные приоритеты, отличающиеся или прямо противоречащие традиционной моральной идеологии. Другими словами, формируется представление о гетерогенности морали, ее чувствительности к контексту. Что касается специфики нравственности, то в этих общностях внеинституциональность как специфическое свойство моральной регуляции существенно размывается, поскольку в практике неизбежно возникает потребность, а иногда и необходимость прямого или косвенного формального контроля.

- Важно подчеркнуть и такую тенденцию в развитии морали, что в современной общественной практике формируются новые характеристики отдельных социальных взаимодействий, когда нравственные оценки противоречат традиционной трактовке ценностей, или обнаруживают ценностный релятивизм и плюральность. Все более получают признание скорее «множественные действительности», а не «единственные истины»,

акцентируются права индивидов на «придание собственных смыслов» их образу мира, игнорируя более широкий социальный контекст. Такие ситуации возникают, например, по отношению к нетрадиционным сексуальным контактам, однополым бракам, легким наркотикам, сексизму, телесным практикам (тату, пирсинг и прочее), «перформансам», поведенческим приемам так называемой «кожаной сцены» и другим социальным инновациям.

Описанные социологические тенденции в эволюции нравственной нормативности, развертывающейся в конкретных сферах моральной регуляции, становятся приемлемыми и востребованными, отражая аксиологические характеристики складывающегося социума. В то же время ощущается необходимость некоего компенсаторного процесса, который мотивирует осмысление нравственного образа жизни, понимание самообусловленности морального поведения, самопричинность просоциального образа действий. Поэтому необходимо подчеркнуть настоятельную потребность в становлении общественной моральной идеологии, что является генеральной задачей социального развития, условием формирования морального единства общества. Впоследствии необходимо ответить на вопрос: «А нужно ли это и почему?».

Библиографический список

- [1] Баранова Л. В. Нравственность Современного общества // Вопросы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). – Москва: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 40–43.
- [2] Нравственное состояние современного российского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http // www. psychologos. ru / articles /view / npravstvennoe /](http://www.psychologos.ru/articles/view/nravstvennoe/) (дата обращения: 03.06.2019).
- [3] Казьмин А. К. Философские проблемы концепции эволюции человека // Вестник РФО. – 2004. – № 3. – С. 104–105.
- [4] Копылов А.В. Нравственность как философская и правовая категория // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 4. – С. 84–87.
- [5] Седова Н.Н. Россия – общество морального транзита? // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – Вып. 6, № 106. – С. 25–41.
- [6] Юревич А.В. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 168–178.
- [7] Фомичев И.Ю. Профессиональная этика как постмодернистская форма институционализации морали. – Тюмень: изд-во ТИУ, 2016. – 197 с.
- [8] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – Москва: Academia – Центр, 1995. – 323 с.
- [9] Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – Москва: Логос, 2005. – 664 с.
- [10] Дробницкий О.Г. Понятие морали. – Москва: Наука, 1974. – 386 с.
- [11] Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. – Москва: МГУ, 1977. – 158 с.
- [12] Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. – 378 с.

References

- [1] Baranova, L.V. (2012). Morality of the Modern Society. In *Questions of historical science: proceedings of the International Scientific Conference* (pp. 40–43). Moscow: Vash poligraficheskiy partner.
- [2] Moral state of modern Russian society. Retrieved from [http // www. psychologos. ru / articles /view / npravstvennoe /](http://www.psychologos.ru/articles/view/nravstvennoe/)
- [3] Kazmin, A.K. (2004). Philosophical problems of the concept of human evolution. *Bulletin of the RFO*, 3, 104–105.

- [4] Kopylov, A.V. (2016). Morality as a philosophical and legal category. *Legal Policy and Legal Life*, 4, 84–87.
- [5] Sedova, N.N. (2011). Is Russia a moral transit society? *Monitoring Public Opinion*, 6(106), 25–41.
- [6] Yurevich, A.V. (2018). Empirical assessments of the moral state of modern Russian society. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4, 168–178.
- [7] Fomichev, I.Yu. (2016). *Professional ethics as a post-modern form of institutionalization of morality*. Tyumen: TIU Publishing House.
- [8] Berger, P., & Lukman, T. (1995). *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Academia – Tsentr.
- [9] Sztompka P. (2005) *Socjologia*. Moscow: Logos.
- [10] Drobnitsky, O.G. (1974). *The concept of morality*. Moscow: Nauka.
- [11] Huseynov, A.A. (1977). *The social nature of morality*. Moscow: MSU.
- [12] Bakshtanovsky, V.I., & Sogomonov Yu.V. (2005). *Professional ethics: mission, code, action*. Tyumen: AERI.

Получена / Submitted: 09/07/2019

Доработана / Revised: 14/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 21/08/2019

УДК 316.4

БУДУЩЕЕ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Вячеслав Викторович Маленков¹, Шамиль Фаритович Фарахутдинов²

¹*Кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме социального рефлексирования о будущем страны. Рассмотрены ключевые подходы к пониманию будущего социальных общностей и групп. Понятие образа будущего страны авторы связывают с темпоральной стратегией и структурой нации как макросообщества. Данный конструкт, по мнению авторов, являясь ядром любого национального сообщества, определяет его ценностную программу, вектор и скорость движения в глобальных временных координатах. В статье разделяются понятия «образ будущего» и «представления о будущем». Образ будущего страны описывается как некая сконструированная модель, формируемая на макроуровне, в пространстве публичного дискурса. Представления о будущем страны проявляются как индивидуальная проекция образа будущего, его видение на уровне отдельных личностей, социальных акторов. Предметом эмпирического исследования являются представления тюменской молодежи о будущем России. По результатам анализа полученных в 2017 году данных авторы делают вывод о преобладании в сознании молодых людей позитивных ожиданий относительно будущего страны. Желаемые модели будущего представители постсоветского поколения, как это ни парадоксально, связывают с гибридной консервативной программой, транслируемой в дискурсе правящего класса. Это проявляется в широкой поддержке идей особого пути, державности, поворота на восток, с одной стороны, и непопулярности западноевропейской модели развития как релевантной для России — с другой.

Ключевые слова: образ будущего России, гражданско-политические ориентации, постсоветское поколение, молодежь, западноевропейская модель развития.

Future of Russia in the Representations of Post-Soviet Youth

Vyacheslav V. Malenkov¹, Shamil F. Farakhutdinov²

¹*Department of Management, Marketing and Logistics, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of social reflection on the future of the country. The key approaches to understanding the future of social communities and groups are considered. The authors associate the concept of the country's future image with the temporal strategy and the structure of the nation as a macro-community. This construct, according to the authors, being the core of any national community, determines its value program, vector and speed in global time coordinates. The article separates the concepts of "image of the future" and "ideas about the future." The image of the future of the country is described as a kind of constructed model, which is formed at the macro level, in the space of public discourse. Ideas about the future of the country manifest themselves as an individual projection of the image of the future, its vision at the level of individuals, social actors. The subject of empirical research is the presentation of the Tyumen youth about the future of Russia. According to the analysis of the data obtained in 2017, the authors conclude that the prevalence in the minds of young people is positive expectations regarding the future of the country. Representatives of the post-Soviet generation, paradoxically, associate the desired models of the future with a hybrid conservative program broadcast in the discourse of the ruling class. This is manifested in the broad support of the ideas of a particular path, statehood, a turn to the east, on the one hand, and the unpopularity of the Western European development model as relevant for Russia, on the other.

Keywords: the image of the future of Russia, civil and political orientation, the post-soviet generation, youth, West European development model.

Введение

Размышление о будущем в настоящий момент актуально, поскольку на фоне возрастающих рисков глобальной конкуренции все труднее рефлексировать, прогнозировать, тем более результативно воздействовать на него. В этом контексте вполне понятно инструментально-компенсаторное обращение к прошлому как ресурсу, более «надежному» и «предсказуемому». Неслучайно поэтому в условиях дефицита новых смыслов прошлое становится единственным источником конструирования будущего как воспроизводства хорошего прошлого [1].

С другой стороны, примерно с конца нулевых годов, одновременно с актуализацией понятия «модернизация», в российском публичном пространстве участилось упоминание словосочетания «образ будущего». За исключением сугубо формального, имитационного, обусловленного модой, обращения к данному концепту, дискурс о будущем представляет сегодня содержательную дискуссию о траекториях развития страны, ее месте в мировой экономике, политике, культуре [2].

Мода на «будущее» в пространстве научного дискурса проявляется на многих уровнях. Данная тема трансдисциплинарна и используется представителями разных наук для исследования в специфических областях знания. Можно выделить два основных уровня (подхода), где используется понятие «образ будущего»: социолого-психологический и макросоциологический. У первого в качестве точки отсчета принято понимание социальными агентами своего личного будущего с учетом наличествующей социальной среды, конструирование его, то есть сознательное влияние либо адаптация в соответствии с моделями, составляющими дискурсивное поле будущего.

Макросоциологический подход, в рамках которого разрабатывалась данная статья, предполагает конструирование социального будущего и исследование механизмов репрезентации его моделей применительно к малым и большим сообществам, социальным группам. Задачей данной статьи является исследование представлений молодежи о будущем страны в соответствии с моделями, предлагаемыми субъектами, формирующими и реализующими стратегию развития страны, а также соответствующую символическую политику [3; 4].

Обращение к темпоральной проблематике для социологии вполне традиционно, почти все классики социологии в той или иной степени внесли вклад в разработку понимания социального времени [5]. В последнее время количество работ в этом направлении значительно выросло. Стоит отметить, что данный рост прежде всего коснулся проблематики прошлого, исторической политики. Исследования будущего в основном сосредоточены в области футурологии, форсайт-исследований, посвященных, как правило, прогнозированию технологических изменений и их экономических последствий. Лидирующие «мозговые центры» как производители такого рода прогнозов и образов будущего в настоящее время весьма востребованы на международном консалтинговом рынке.

Исследование будущего в контексте социологической науки имеет свои особенности. С одной стороны, на теоретическом уровне социология явно стремится к некоторому переформатированию — от исследования настоящего к проектированию будущего [6–9]. Как отмечают в этой связи Д.В. Иванов и Ю.В. Асочаков, «большинство социологических исследований проводятся как описание и объяснение настоящего — социальных явлений, наблюдаемых в режиме “здесь и сейчас”. Однако объект и предмет социологии диахронны: объектом социологии является настоящее, ее предметом (явным или латентным) — будущее» [10].

В этом контексте актуально правильно понимать, что включает в себя будущее как предмет социологической науки, его соотношение с другими темпоральными категориями, поскольку отделение его является практически всегда условным. Так, Б.В. Дубин предлагает аналитически выделять четыре типа будущего как социального конструкта и темпоральной ориентации в зависимости от форм и модусов соотношенности с настоящим: будущее как ухудшение (готовность к худшему, порча); будущее как продолжение такого же (инерция); будущее как сфера решения проблем прошлого (в том числе настоящего, но ретроспективно представленного уже как прошлое); открытое будущее как сфера нового, неожиданного, неопределенного [11]. Первые два типа предполагают пассивное отношение к будущему — модель воспроизводства прошлого и настоящего; два других — активное влияние и понимание будущего как сферы приложения усилий (модель будущего как производства в пространстве множества альтернатив).

С другой стороны, на эмпирическом уровне социологи в исследовании будущего пока оперируют разными понятиями, связанными с будущим. В последнее время получило распространение понятие «образ будущего», которое, как нам представляется, превалирует и в эмпирическом анализе. Вместе с тем данным термином пользуются и тогда, когда речь идет о формировании моделей будущего как практики социального проектирования, и при описании представлений о будущем разных групп респондентов, социальных общностей [12–14]. Вместе с тем можно согласиться с А.А. Фокиным, предлагающим различать образ будущего и представление о будущем. «Представление о будущем — это процесс, то есть динамическая структура; а образ будущего — сформированная и закрепленная в некоем корпусе текстов идея, а следовательно, структура статическая» [15]. Фактически А.А. Фокин предлагает различать социальный образ будущего как некоторую репрезентацию его в дискурсе (будущее как дискурс и как модель) и субъективный образ будущего как совокупность интернализированных представлений о будущем на уровне отдельных социальных агентов и их групп.

В первом случае рассмотрение проблематики будущего происходит в более общем контексте темпоральной культуры общества, культуры времени социальной общности. Каждая, будь то малая или большая, общность в тот или иной исторический момент формирует и демонстрирует свое понимание времени, выстраивает свою систему временных координат. В частности, это касается акцентирования на прошлом либо будущем. В зависимости от этого выстраивается понимание исторического момента (исторической ситуации), с учетом этого публичные акторы формируют общественно-политическую повестку, отвечают на вызовы современности. Производство будущего может быть задачей национальной. В этом случае акторы, формирующие общенациональную повестку, конструируют модели будущего страны [16–18]. Роль таких акторов в горизонтальных политических системах исполняют конкурирующие между собой культурные, экономические, политические элиты. В вертикально устроенных политических системах производством будущего заняты эксперты, однако модели будущего обществу предъявляют непосредственно представители правящего класса. Стоит отметить, не всегда модели будущего — продукт национальной фабрики смыслов [19]. Зачастую, как показал и исторический опыт России, образ будущего может быть импортированным. Наряду с идеологиями, которые, как известно, являются распространенным сегодня товаром, импорт будущего занимает определенную долю глобального рынка.

Особое место в классификации подходов к исследованию образов будущего занимает выделение экономических, политических, культурных и других аспектов. В данной статье акцент сделан на политическом аспекте, а именно на проблеме формирования и современного восприятия образа национального будущего России весьма значимой возрастной группой, представляющей постсоветское поколение.

Центральным понятием в нашем исследовании является темпоральная стратегия нации как макрообщности. П.А. Амбарова и Г.Е. Зборовский, обращаясь к понятию «темпоральная стратегия общности», описывают его как «временное измерение жизненной стратегии, включающее представления о прошлом как фундаменте для выстраивания жизненной перспективы и образы будущего, которые определяют настоящее социальной общности, способы ее поведения и ценностные приоритеты в этом настоящем. Стратегическое поведение общности основано на определенных социальных ожиданиях и представлениях о будущем» [20].

Темпоральная стратегия нации является ключевым элементом «воображения нации» [21; 22], включающим выстраивание ее образа прошлого и будущего, придание данному образу символической формы. Формируемый на макроуровне образ будущего весьма обобщенно можно трактовать как набор представлений о том, куда идет страна и по какому пути ей следовало бы идти. Данный механизм является одной из базовых форм консолидации общества современного типа и представляет значительную часть темпоральной проекции национально-гражданской идентичности [23]. Темпоральная стратегия нации также тесно связана с формированием представлений и гражданско-политических ориентаций жителей страны [24], прежде всего молодежи в процессе социализации.

Завершая вводную часть данной статьи, необходимо отметить, что, несмотря на значительный рост за последние несколько лет публикаций, посвященных будущему, теоретическая разработка данного понятия еще только начинается. В этой статье авторы пытаются внести свой вклад в реализацию этой задачи, а именно понимания образа будущего как элемента темпоральной структуры и стратегии нации с одной стороны, и совокупности представлений о будущем как отражения транслируемого образа будущего — с другой. Практическая значимость работы состоит в обогащении научного дискурса о будущем ранее не публиковавшимися эмпирическими данными, полученными в ходе исследования 2017 года с использованием авторского инструментария.

Материалы и методы

Для выявления представлений о будущем страны у молодежи нами было проведено социологическое исследование. Его цель — описать ключевые параметры представлений о будущем страны как важной части гражданско-политических ориентаций тюменской молодежи, составляющей постсоветское поколение. В самом общем виде под постсоветским поколением мы понимаем возрастную группу людей, период прохождения гражданско-политической социализации которых приходится на постсоветский период. Ключевым моментом является то, что в отличие от предыдущего поколения («советского») данная когорта не имела опыта взаимодействия с ключевыми институтами социализации, присущими советскому обществу. В ранний постсоветский период существовала гипотеза о смене поколений, без которой якобы невозможна полная трансформация советской системы. Иными словами, для того чтобы полностью реформировать существующую тогда социальную систему, должно было прийти новое поколение людей, имеющих иные взгляды, ценности, модели поведения. Прошло время, а социологи по-прежнему наблюдают у представителей сегодняшнего нового поколения черты «советского простого человека» (термин Ю. Левады).

Одной из методических проблем исследования стало обозначение возрастных рамок постсоветского поколения. Фактически в эту поколенческую группу, хотя и достаточно условно, можно включить родившихся примерно с середины 80-х гг. Так, последними октябрятами, а это фактически первая формальная гражданско-политическая роль молодого советского человека, могли стать родившиеся в 1984–1985 гг. В этой связи, очерчивая ранее возрастные рамки постсоветского поколения, мы выделили две группы: переходную

постсоветскую генерацию (родившиеся в 1984–1993 гг.) и поколение стабильности (чистое постсоветское поколение, представители которого родились в 1994 году и позже) [25]. В данной статье под постсоветским поколением мы будем понимать молодых людей, которым в 2017 году было не более 30 лет, то есть рожденных не ранее 1987 года. С учетом того, что гражданско-политическая социализация вне семьи начинается не ранее четырех лет, можно утверждать, что выделенная возрастная группа не имела опыта взаимодействия с советскими институтами гражданского воспитания и образования.

Таким образом, эмпирическую основу исследования составили данные опроса жителей города Тюмени в возрасте от 18 до 30 лет ($n = 620$). Опрос проводился методом анкетирования в марте–апреле 2017 года. Выборочная совокупность рассчитывалась исходя из размера генеральной совокупности, за которую была принята численность жителей Тюмени в возрасте от 18 до 30 лет по состоянию на 1 января 2017 года, ошибка выборки — 5 % при доверительном интервале 95 %. Выборка формировалась методом произвольного (стихийного) отбора.

В процессе исследования были выделены следующие основные эмпирические показатели:

1. Наличие у молодежи видения своего будущего в стране и непосредственно будущего страны.
2. Ключевые ассоциации, описывающие представления о будущем России.
3. Политико-идеологическая обусловленность модели развития страны.
4. Желаемая модель развития страны.

По некоторым вопросам полученные в 2017 году данные сравниваются с результатами аналогичного исследования, проведенного в 2015 году.

Результаты и обсуждение

Большинство респондентов (62 %) с оптимизмом смотрят в будущее, при этом страх перед будущим испытывают более трети опрошенных (38 %). Большая часть молодых людей согласна с утверждением «Российский народ живет неплохо, и в будущем будет не хуже»: полное согласие выразили 25 %, частичное согласие — 34 %. Остальные респонденты (41 %) с данным утверждением не согласны (двумя годами ранее в аналогичном исследовании 2015 года таковых было 35 %).

Молодые люди еще более скептически оценивают способность своих сверстников представлять будущее страны. Так, в 2017 году 42 % респондентов уверены, что у современной молодежи есть ориентиры и видение будущего своей страны (в 2015 году — 52 %), не согласны с данным утверждением 43 % (в 2015 — 45 %), затруднились дать ответ на этот вопрос 15 % опрошенных (в 2015 году — 3 %).

Респондентам было предложено выбрать пять вариантов из списка, которые наиболее соответствуют их представлениям о будущем страны. Данный список включал 16 позиций и формировался экспертным методом. В его основе лежит понимание ключевых точек постсоветского дискурса, составляющих ядро противостояния между двумя противоборствующими проектами — неолиберальным и консервативным. Результаты ответов по всему массиву представлены на рисунке 1.

В целом можно сказать, что молодежь достаточно оптимистично смотрит в будущее. Большинство позитивных ассоциаций концентрируются на первых позициях рейтинга, большинство негативных — в конце рейтинга. В пятерку лидеров вошли ассоциации, имеющие позитивные коннотации.

Первое место в ранговой таблице со значительным отрывом от иных позиций занял «патриотизм». Его в качестве ключевой ассоциации с будущим России отметили 60 % респондентов. Характерно, что актуальное наполнение категории «патриотизм» в массовом сознании связано с отстаиванием национальных интересов на международном уровне в противостоянии с внешним, преимущественно западным миром. Поэтому патриотизм

сегодня в большой степени является антиподом категории «запад». Данная тенденция хорошо прослеживается по результатам исследования. В частности, с Западом ассоциируют будущее России только 7 % молодых людей (что соответствует 16-му, то есть последнему месту в рейтинге).

Второе место занимает позиция «процветание», которую отметили 48 % респондентов. Характеристики будущего через категории «инновации» (42 %), «лидерство» (42 %) и «стабильность» (40 %) замыкают пятерку лидеров.

Далее примерно на одном уровне идут три позиции, каждую из которых отметила примерно треть респондентов. Будущее нашей страны связывают с догоняющим развитием — 35 % (6-е место), неопределенностью — 32 % (8-е место). Отдельно следует отметить, что с демократией ассоциируют будущее России 34 % опрошенных (7-е место), тогда как с авторитаризмом всего 14 % (15-е место).

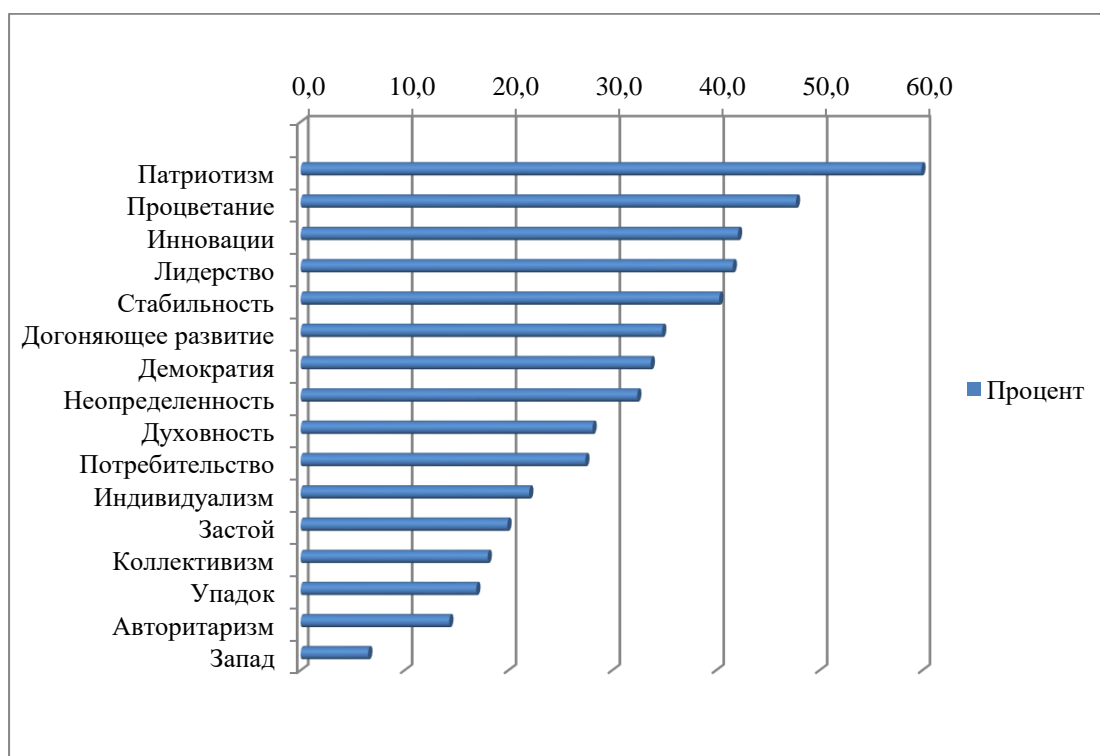

Рисунок 1. Ключевые ассоциации с будущим России (% от числа опрошенных, предполагалось несколько вариантов ответа)

Позиции «духовность» и «потребительство» занимают 9-е и 10-е места в рейтинге. С духовностью будущее России ассоциируется у 28 % респондентов, с потребительством — у 27 %. Позиция «индивидуализм» обогнала позицию «коллективизм» на 3 % (22 против 19 %). Каждый пятый (20 %) связывает будущее России с застоем, а фактически каждый шестой (17 %) ожидает упадок.

При анализе различий в видении будущего России между мужчинами и женщинами следует отметить следующее. Три лидера рейтинга сохранили свое положение, однако доля отметивших их респондентов несколько различается. Патриотизм (1-е место) среди мужчин отметили 64 %, среди женщин — 56 %. Утверждение, что будущее России связано с процветанием (2-е место), отметили половина мужчин (50 %) и почти половина женщин (46 %). На третьем месте остались «инновации», с которыми связывают будущее страны 44 % мужчин и 40 % женщин.

Далее с четвертой по десятую позиции рейтинга наблюдаются некоторые незначительные корректировки. Так, позиция «лидерство» в группе женщин сохраняет 4-е место (40 %), а в группе мужчин она передвигается на пятую строчку (43 %). Категория

«стабильность» в ассоциативном ряду мужчин сдвигается с пятой на четвертую позицию (43,4 %), у женщин — на шестую строчку (37 %). При этом пятую строчку, входя в пятерку лидеров среди женской группы респондентов, занимает позиция «догоняющее развитие» (40 %). Эта же позиция среди мужчин стоит на 7-м месте (30 %).

«Демократия», занимающая седьмую строчку в общем рейтинге, смещается на шестую среди мужчин (33 %) и на восьмую среди женщин (35 %). «Неопределенность» остается на 8-м месте у мужчин (28 %), сдвигаясь на 7-е место среди женщин (36 %). 9-е и 10-е места в рейтинге меняются местами — «духовность» остается на 9-м месте среди мужчин и сдвигается на 10-е среди женщин, при этом доли процентов в обеих группах весьма близки (28,2 % у мужчин и 28,0 % у женщин соответственно).

Индивидуализм и застой как элементы будущего страны сохранили те же позиции, что и в общем рейтинге — 11-е и 12-е соответственно. При этом различия среди представителей разных полов не превышают одного процента. «Запад» в конструкции ожидаемого будущего нашей страны также сохранил 16-е (последнее) место. Однако среди мужчин его отметили 5 %, тогда как среди женщин чуть ли не в два раза больше (9 %).

Наибольшее сходство с образом желаемого будущего в целом по выборке наблюдается среди тех респондентов, которые на вопрос об интересе к политике отметили, что изредка обсуждают политические события с друзьями, родственниками. Лишь четыре позиции здесь подверглись небольшой корректировке, сдвигу. Во-первых, «стабильность» с 5-го места передвинулась на 4-е (41 %), а «лидерство», соответственно, с 4-го на 5-е (40 %). Во-вторых, «духовность» переместилась с 9-го места на 10-е (26 %), а «потребительство» — наоборот (28 %).

В группе постоянно следящих за информацией о политических событиях в стране по большинству позиций место в рейтинге сохранено либо изменилось незначительно. Хотя наблюдаются более оптимистические ожидания относительно будущего России, нежели чем в целом по выборке. Увеличение процентной доли в данной группе респондентов отмечается по таким положительно окрашенным конструктам будущего, как патриотизм (с 60 % в общей выборке до 64 % в данной группе), процветание (с 48 до 49 %), лидерство (с 42 до 47 %). Уменьшение доли негативно-окрашенных образов будущего — догоняющее развитие (с 35 до 32 %), неопределенность (с 32 до 28 %), упадок (с 17 до 15 %). Вместе с тем повышение уровня информированности о политических событиях, видимо, способствует перемещению демократии с 7-го (34 %) на 8-е место (31 %), а авторитаризма — с 15-го (14 %) на 12–13-е (20 %).

В группе тех, кто не интересуется политикой, очевиден более пессимистичный настрой относительно будущего России. Позитивно окрашенные позиции здесь теряют проценты, тогда как негативно окрашенные прибавляют. Так, патриотизм, оставаясь на первом месте, набирает 50 %, тогда как в целом по выборке с ним связывают будущее России 60 % респондентов. Процветание, оставаясь на втором месте, теряет почти 3 %.

Некоторые закономерности прослеживаются при анализе образов будущего страны в зависимости от соотнесения респондентами себя с какими-либо политическими направлениями.

Группа не считающих себя сторонниками политических направлений является наиболее многочисленной среди опрошенных респондентов (60 %). Логично, что структура ранговой таблицы в этой группе почти идентична таблице по всей выборке. Одно исключение коснулось концептов «духовность» и «потребительство», которые поменялись местами в пользу последнего. Также необходимо отметить, что незначительно различаются проценты — как правило, негативные коннотации несколько прибавляют процент, в позитивных процент снижается.

Также наиболее приближенными к общей выборке являются сторонники самостоятельного пути развития России (почвенники), сторонники сочетания различных

идей (центристы, избегающие крайностей). Почвенники при этом демонстрируют еще больший оптимизм относительно будущего России, нежели респонденты по выборке в целом. Центристы же, наоборот, более пессимистичны по сравнению с настроениями по всей выборке.

Так, 71 % почвенников и 62 % центристов видят патриотизм в будущем России (в обеих рассматриваемых группах эта позиция остается на первом месте), тогда как в целом по выборке этот показатель составляет 60 %. Среди сторонников особого пути наименьший процент тех, кто связывает будущее России с Западом (3 %). Процветание России (в целом по выборке 48 %) ожидают 61 % почвенников и 41 % центристов. Лидерство России в будущем (в целом по выборке 42 %) видят 52 % почвенников.

Наибольшие отклонения от выборки в целом зафиксированы среди сторонников социализма и рыночных реформ. Наблюдается высокая степень ассоциации будущего страны с патриотизмом (68 %) среди сторонников социализма, что сближает их со сторонниками особого пути. Однако процветание, которое стоит на 2-м месте в общей выборке, смещается здесь на 9–11-е (28 %) наряду с лидерством (4-е место в общей выборке) и неопределенностью (8-е место в общей выборке). 2-е место в данном случае занимает вариант ответа «инновации» (37 %). На 3-м месте «потребительство» (35 %), как «стабильность», «духовность», «коллективизм» и «застой».

Наиболее существенные отличия от выборки в целом прослеживаются в группе сторонников рыночных реформ. «Патриотизм» разделяет 1–2-е место с «застоем» (47 %), на 3-й позиции — «неопределенность» (37 %), на 4–5-й — «упадок» и «потребительство» (34 %).

Одним из наиболее актуальных остается сегодня вопрос о пути развития России. Особую актуальность этот вопрос приобрел с 2014 года, когда вновь актуализировалась дискуссия о моделях развития страны. В исследовании мы выделили несколько ключевых направлений, определяющих содержание данного дискурса:

- импорт западноевропейской модели развития;
- сближение с азиатскими странами и заимствование их модели развития;
- выработка собственного пути;
- укрепление статуса страны как мировой державы.

Уровень поддержки западноевропейской модели развития как релевантной для России неуклонно снижается с 90-х годов, о чем свидетельствуют данные крупных социологических служб. В нашем исследовании 2017 года эту модель поддерживали 8 % респондентов, тогда как в 2015 году всего 5 %. Количество сторонников заимствования азиатской модели развития, олицетворением которой являются Китай и Сингапур, составило 26 % (в 2015 году — 18 %). Доля условных сторонников «особого пути развития», то есть тех, кто считает необходимым отстаивать собственную модель развития, основанную на национальной идее, несколько сократилась с 34 % в 2015 году до 26 % в 2017-м. Количество считающих, что России следует восстанавливать и укреплять авторитет страны, стремясь стать доминирующей мировой державой, изменилось с 34 % в 2015 году до 27 % в 2017-м. Не задумывались над предложенным вопросом 13 % (в 2015 году — 9 %).

Выводы

В целом молодежь постсоветского поколения, судя по результатам исследований 2015–2017 гг., позитивно оценивает ситуацию в стране и с оптимизмом смотрит в будущее. Будущее страны большинство связывает с такими позитивными категориями, как «патриотизм», «процветание», «лидерство», «инновации», «стабильность». Именно эти позиции возглавляют рейтинг ассоциаций, связанных с будущим, и их в совокупности отметили около половины опрошенных. С Западом ассоциирует будущее страны минимальное количество молодежи. Основанием этого является распространенное и продуцируемое на уровне официального дискурса убеждение, что для России не подходит

западноевропейская модель политической системы и устройства общества в целом. Западноевропейская модель развития является дискредитированной в сознании молодежи, ассоциируется с «лихими 90-ми», поэтому с ней связывает будущее России абсолютное меньшинство.

В то же время идея особого пути развития имеет серьезную поддержку среди молодежи, что, вероятно, связано с негативным опытом при попытках вестернизации страны в разные периоды истории, прежде всего в 90-е годы XX века. Идея особого пути прочно связана с популярной и устойчиво воспроизводящейся в общественном сознании идеей восстановления национального суверенитета, актуализированной в общественном дискурсе последних нескольких лет. Достаточно большая часть опрошенных молодых людей связывает будущее страны с более тесной интеграцией с Китаем и использованием опыта проведения реформ в Китае и Сингапуре, воспринимаемой также как альтернатива западноевропейской модели развития. Третьей важной составляющей представлений о будущем является его связь с идеей великой державы с акцентом на военно-политическое лидерство.

Таким образом, повестка, предложенная обществу в 2014 году и породившая феномен посткрымской консолидации, продолжает воспроизводиться и в сознании постсоветского поколения, несмотря на отсутствие в этой когорте синдрома травмы после крушения СССР. Консервативная программа будущего страны возобладала не только в официальном дискурсе власти, но и в общественном сознании молодых людей. Будущее в этой конструкции является повторением, воспроизводством прошлого, очередным циклом предначертанной истории, обусловленной российской матрицей.

По всей видимости, данная конструкция в полной мере сохранялась вплоть до середины 2018 года. Ряд исследований, проведенных позже, отмечают тенденцию к изменению ключевых параметров общественного сознания. Мы также считаем, что выявленные представления молодежи о будущем не являются устойчивыми. Они уже активно меняются и в ближайшее время могут измениться весьма существенно.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект №19-011-00632 «Гражданско-политические ориентации постсоветского поколения: модели и типы».

Библиографический список

- [1] Крокинская О.К. Культурная память и опыт в практиках конструирования будущего обыденным сознанием // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. XIX, № 4(87). – С. 142–158.
- [2] Явлинский Г.А. Потеря будущего // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 133–155.
- [3] Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – 207 с.
- [4] Дубин Б.В. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. – 2011. – Т. 15, № 5. – С. 6–22.
- [5] Поздеева Е.Г. Контуры социального будущего в сингулярной реальности: социологический взгляд на проблему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 7–19.
- [6] Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 3–11.

- [7] Bell W. The Sociology of the Future and the Future of Sociology // *Sociological Perspectives*. – 1996. – Vol. 39, No 1. – P. 39–57.
- [8] Canto–Mila N., Seebach S. Desired images, regulating figures, constructed imaginaries: The future as an apriority for society to be possible // *Current Sociology Monograph*. – Vol. 63, No 2. – P. 198–215.
- [9] Flaherty M.G., Fine G.A. Present, Past, and Future. Conjugating George Herbert Mead’s perspective on time // *Time & Society*. – 2011. – Vol. 10, No 2/3. – P. 147–161.
- [10] Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Социальное будущее в перспективе диалектической теории // *Социологические исследования*. – 2016. – № 8. – С. 3–12.
- [11] Дубин Б.В. Координата будущего в общественном мнении России // *Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Том XVII*. – Москва: НЛЮ, 2011. – С. 500–513.
- [12] Гаврилюк В.В., Мехришвили Л.Л. Образ будущего в массовом сознании жителей российской провинции // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально–экономические и правовые исследования*. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 60–67.
- [13] Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (Часть 1) // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. – 2009. – № 3. – С. 84–102.
- [14] Ткачева Н.А., Белоножко Л.Н. Влияние духовно–нравственных ценностей молодежи на формирование гражданской культуры российского общества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. – 2017. – Вып. 17, № 2. – С. 225–234.
- [15] Фокин А.А. «Будущее два»: опыты теоретического подхода к истории будущего // *Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии*. – Т. XVII. – Москва: НЛЮ, 2011. – С. 514–521.
- [16] Dunmire P.L. (2015). Preempting the future: rhetoric and ideology of the future in political discourse // *Discourse & Society*. – Вып. 16, № 4. – P. 481–513.
- [17] Bain P.G., Hornsey M.J., Bongiorno R., Kashima Y., Crimston D. Collective Futures: How Projections About the Future of Society Are Related to Actions and Attitudes Supporting Social Change // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2013. – Вып. 39, № 4. – P. 523–539.
- [18] Parekh B. Discourses on National Identity // *Political Studies*. – 1994. – No XLII. – P. 492–504.
- [19] Солопова О.А. Исследование моделей будущего России в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. – 2011. – Вып. 3, № 37. – С. 51–57.
- [20] Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. *Время социальной общности*. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. – 347 с.
- [21] Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / пер. с англ. В. Николаева, вступ. ст. С. Баньковской. – Москва: КАНОН–пресс–Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
- [22] Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
- [23] Маленков В.В. Векторы будущего в темпоральной конструкции российской нации и их отражение в сознании молодежи // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально–экономические и правовые исследования*. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 64–75.
- [24] Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // *Полис. Политические исследования*. – 2011. – № 4. – С. 171–184.
- [25] Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Векторы развития России в сознании жителей российской провинции // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2016. – № 3. – С. 65–69.

References

- [1] Krokinskaya, O.K. (2016). Cultural memory and experience in the practice of constructing the future of everyday consciousness. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4 (87), 142–158.
- [2] Yavlinsky, G.A. (2017). Loss of the Future. *Polis. Political Studies*, 5, 133–155.
- [3] Malinova, O.Y. (2015). *Current Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
- [4] Dubin, B.V. (2011). Return symbols instead of change symbols. *Pro et Contra*, 5, 6–22.
- [5] Pozdeeva, E.G. (2017). Contours of the social future in singular reality: a sociological view of the problem. *Scientific and Technical Statements of SPbGPU. Humanities and Social Sciences*, 2, 7–19.
- [6] Shubrt, I. (2015). Is the concept of social time in sociology a promising approach or a theoretical dead end? *Sociological Research*, 4, 3–11.
- [7] Bell, W. (1996). The Sociology of the Future and the Future of Sociology. *Sociological Perspectives*, 39 (1), 39–57.
- [8] Canto–Mila, N., & Seebach, S. (2015). It is possible to make possible images. *Current Sociology Monograph*, 63(2), 198–215.
- [9] Flaherty, M.G., & Fine, G.A. (2001). Present, Past, and Future. Conjugating George Herbert’s perspective on time. *Time & Society*, 10 (2/3), 147–161.
- [10] Ivanov, D.V., & Asochakov, Y.V. (2016). Social Future in the Perspective of Dialectic Theory. *Sociological Studies*, 8, 3–12.
- [11] Dubin, B.V. (2011). *Coordinate of the Future in Public Opinion of Russia. Ways of Russia. Future as a culture: Forecasts, representations, scenarios*. Vol. XVII. Moscow: UFO.
- [12] Gavrilyuk, V.V., & Mehrishvili, L.L. (2015). The Image of the Future in the Mass Consciousness of Residents of the Russian Province. *Bulletin of Tyumen State University. Socio–Economic and Legal Research*, 2, 60–67.
- [13] Gudkov, L.D. (2009). Time and history in the minds of Russians (Part 1). *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*, 3, 84–102.
- [14] Tkacheva, N.A., & Belonozhko, L.N. (2017). The Influence of the Spiritual and Moral Values of Young People on the Formation of the Civic Culture of the Russian Society. *Bulletin of the Peoples Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 17 (2), 225–234.
- [15] Fokin, A.A. (2011). “The Future is Two”: Experiments on a Theoretical Approach to the History of the Future. In *Paths of Russia. Future as a culture: Forecasts, representations, scenarios*, Volume XVII. Moscow: UFO.
- [16] Dunmire, P.L. (2015). Preempting the future: rhetoric and ideology of the future in political discourse. *Discourse & Society*, 16 (4), 481–513.
- [17] Bain, P.G., Hornsey, M.J., Bongiorno, R., Kashima, Y., & Crimston, D. (2013). What are the projections? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 39 (4), 523–539.
- [18] Parekh, B. (1994). Discourses on National Identity. *Political Studies*, XLII, 492–504.
- [19] Solopova, O.A. (2011). Study of the models of the future of Russia in political discourse. *Political Linguistics*, 3 (37), 51–57.
- [20] Ambarova, P.A., & Zborovsky, G.E. (2017). *Time of social community*. Ekaterinburg: University of Humanities.
- [21] Anderson, B. (2001). *Imaginary Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: CANON–press–C, Kuchkovo Pole.
- [22] Hobsbaum, E. (2000). The invention of traditions. *Herald of Eurasia*, 1, 47–62.
- [23] Malenkov, V.V. (2016). Future vectors in the temporal structure of the Russian nation and their reflection in the minds of young people. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio–Economic and Legal Research*, 4, 64–75.

- [24] Kasamara, V.A., & Sorokina, A.A. (2011). The image of Russia in the discourse of the political elite and the Russian homeless. *Polis. Political studies*, 4, 171–184.
- [25] Gavrilyuk, V.V., & Malenkov, V.V. (2016). Vectors of the Development of Russia in the Consciousness of Residents of the Russian Province. *News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*, 3, 65–69.

Получена / Submitted: 22/07/2019

Доработана / Revised: 05/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 23/08/2019

УДК 316.442

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ «ОБЩЕСТВА РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Юрий Владимирович Колин¹

¹Кафедра теории культуры, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Значимость проблемы социального неравенства в мире неоднократно подчеркивалась исследователями, рассматривающих проблему социального неравенства как угрозу современной демократии. Высокий уровень социального неравенства служит препятствием для развития потребительского, что ограничивает экономический рост. Актуальности теме «равенства возможностей» придает также традиционно высокое значение ценностей социальной справедливости в системе ценностей российского общества, что влияет на оценку российским обществом перспектив своего широкого участия в российской модернизации в контексте понимания ее конечных бенефициаров. На основе общемировых тенденций показано значение уровня социального неравенства для перспектив общественного роста. Выявлена опасность для российского общества процесса социальной поляризации. Определен недостаточный уровень внимания со стороны властных институтов к проблеме социального неравенства и формирования в России «общества равных возможностей». Обоснована важность развития человеческого капитала для решения проблемы догоняющего развития и формирования «общества равных возможностей».

Ключевые слова: социальный лифт, человеческий капитал, патерналистская политика, гражданское общество, социальная поляризация в России.

The Problem of Social Inequality in the Context of the Formation of an "Equal Opportunity Society" in Russia

Yury V. Kolin¹

¹Department of Cultural Theory, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The significance of the problem of social inequality in the world has been repeatedly emphasised by researchers who consider the problem of social inequality as a threat to modern democracy. The high level of social inequality is an obstacle to consumer development that limits economic growth. The traditionally high importance of the values of social justice in the value system of Russian society also attaches importance to the topic of "equality of opportunity", which affects the assessment by the Russian society of the prospects for its broad participation in Russian modernisation in the context of understanding of its ultimate beneficiaries. On the basis of global trends, the significance of the level of social inequality for the prospects of social growth is shown. The danger to the Russian society of the process of social polarisation has been revealed. An insufficient level of attention on the part of power institutions to the problem of social inequality and the formation of a "society of equal opportunities" in Russia has been determined. The importance of the development of human capital for solving the problem of catching-up development and the formation of a "society of equal opportunities" has substantiated.

Keywords: social elevator, human capital, paternalistic policy, civil society, social polarisation in Russia.

Введение

Значимость проблемы социального неравенства в контексте обеспечения общественной стабильности и экономического роста в мире неоднократно подчеркивалась исследователями [1–3], а также политическими функционерами самого различного уровня

[4; 5], рассматривающих проблему социального неравенства как угрозу современной демократии. Французский исследователь Т. Пикетти полагает, что проблема социального неравенства становится все более актуальной в современном мире [1]. Распределение ключевых социально-экономических показателей показывает их сильную связь со структурой неравенства в странах, высокий уровень социального неравенства служит препятствием для развития потребительского рынка и внутреннего спроса, что ограничивает экономический рост [6; 7].

Международное сообщество признало важность проблемы социального неравенства, включив ее в соглашение ООН 2015 г. по Целям устойчивого развития. Российское правительство подписало данное соглашение. Исследования МВФ показывают, что для общественного роста важен характер распределения доходов: повышение уровня благосостояния бедных и среднего класса на 1% дает повышение темпов роста ВВП на 0,38% пункта [8]. Некоторые экономисты утверждают о пользе умеренного социального неравенства для общественного роста [9]. В то время как другая группа исследователей полагает, что неравенство в мире достигло стадии, когда оно перестало быть эффективным и превратилось в серьезную помеху развитию [10; 11].

Для высокого общественного роста нужны возможности для карьеры, сильные социальные лифты в обществе. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц утверждает, что в обществах с высоким уровнем социального неравенства не может быть эффективного функционирования его систем, так как высшая социальная группа сосредотачивает в своих руках слишком большое количество власти и действия общества начинают быть направлены на преимущественную реализацию интересов данных групп, а не своих собственных [12]. Эксперты ОЭСР полагают, что значительное отставание в росте доходов низших социальных групп от высших в настоящее время является общемировой тенденцией [13; 14]. В России проблема социального неравенства признается как в выступлениях президента Путина, так и правительством [15], но конкретной стратегии, в рамках комплексного подхода к решению данной проблемы, пока не выработано [8; 16; 17].

Общественная поляризация и социальное неравенство в России: аспекты проблемы

В СССР уровень социального неравенства, разрыв между доходами высших и низших социальных групп был одним из самых низких в мире (при общем низком уровне данных доходов): 4 раза — в СССР и примерно 5,5–6 раз в европейских странах, в то время как в США данный разрыв достигал 15 раз [18]. В настоящее время, по разным оценкам, разрыв между высшими и низшими социальными группами в российском обществе достигает 15 раз, при сохраняющейся тенденции сокращения располагаемых доходов низших групп населения и увеличения концентрации доходов в высшей социальной группе [8; 18], что во многом определяется структурой собственности, сложившейся на данный момент в России.

По данным исследователей, в высшей социальной группе, составляющей 3% населения сосредоточено около 90% всей собственности и финансовых средств РФ, что превосходит показатели 1905 года [18–21]. Доля богатства, которой владеет верхний дециль в России (фактически 1%) — 86%, в Бразилии — 73%, в США — 75%, в Великобритании — 54 [22]. Аналитики утверждают об избыточности уровня социального неравенства в России и его устойчивой структуре с начала 2000-х гг., при этом важное значение для России имеет и региональное неравенство [23]. На долю 10% самых обеспеченных граждан приходится 82% всего личного богатства в России, согласно данным отчета о мировом благосостоянии *Global Wealth Report* [24], подготовленного банком *Credit Suisse*. По уровню концентрации богатства Россия впереди США, где на долю 10% самых обеспеченных граждан приходится 76% общих личных доходов в стране. В Китае 10% самых обеспеченных граждан обладают 62% совокупных личных доходов населения [25].

В российском обществе продолжают процессы социальной поляризации: вопреки существующей тенденции общего снижения располагаемых доходов граждан [26], согласно исследованию Global Wealth Report [27], которое проводит банк Credit Suisse, РФ вышла на третье место в мире (96 человек) по количеству долларовых миллиардеров, уступая только США и Китаю [28]. Эти данные показывают слабую корреляцию роста доходов высшей социальной группы с ростом доходов низшей социальной группы, где последние годы фиксируется снижение реально располагаемых доходов [26; 29].

В России значительное количество населения (12%), живущего ниже прожиточного минимума [26], товары краткосрочного пользования, в основном продукты питания занимают в среднем 49,1% в структуре личных доходов российского населения [6], снижение количества трудоспособного населения [30] и низкий процент представителей среднего класса, являются факторами социальной нестабильности [29]. Без преодоления глубинных социальных разрывов, развития социальной системы в направлении большей открытости и мобильности, основным бенефициаром российской модернизации и общественного роста становится закрытая высшая группа российской бизнес-элиты (3% российского населения), владеющей в настоящий момент 90% всей российской собственности [20; 31], что создает условия для нестабильности российского общества.

Тенденции социальной поляризации накладываются на недостаточный уровень развития образования и здравоохранения: в рейтинге национальных систем высшего образования [32] по версии международной сети университетов Universitas 21 Россия занимает 33-е место. Согласно данным медицинского журнала The Lancet на 2016 год, Россия располагается на 119 месте среди стран мира в рейтинге здоровья населения и на 123 месте в мире [33] по продолжительности жизни населения [34]. Сформировавшись в первые годы после распада СССР, в российском обществе с 2000-х гг. сохраняется ригидность структуры социального неравенства [8]. Несмотря на уменьшение возможностей динамичного общественного роста вследствие социальных диспропорций, в России отсутствует национальная программа сокращения социального неравенства.

Социальное неравенство в контексте реализации модели «догоняющего развития»

В настоящее время наблюдается тенденция увеличения разрыва между высокоразвитыми и среднеразвитыми странами за исключением Китая [35]. Данные тенденции способствуют формированию однополярного мира в долгосрочной перспективе. Для реализации модели догоняющего развития, технологического рывка, который намеревается произвести Россия, необходимо учитывать опыт стран уже успешно реализовавших данную модель. Как полагают исследователи [6], догоняющее развитие в терминах кластерного подхода подразумевает комплексный переход всей системы институтов на более высокий уровень при одновременном увеличении подушевого дохода в среднем примерно вдвое (характерный разрыв между кластерами), экономика должна расти с большим преимуществом над остальными странами, причем с поправкой на рост населения. В настоящее время межстрановое неравенство сохраняет свое постоянство (за исключением Китая).

Уровень социального неравенства внутри стран также остается примерно постоянным, однако благодаря государственной программе борьбы с социальной поляризацией, уровень социального неравенства снижается последние 20 лет в Таиланде и Малайзии [35]. В Китае борьба с социальным неравенством закреплена на политическом уровне, например, в Китае на 8 съезде КПК в 2012 г. премьер Госсовета КНР Л. Кэцян выделил содействие социальной справедливости в качестве приоритетной линии развития [35; 36]. Единичные успешные случаи догоняющего развития в СССР [37; 38] и в Китае [35] — имеют некоторые общие черты: масштабная активизация социальных лифтов при определяющей роли государственной политики, позволившей массам из низших социальных групп достичь уровней среднего класса (в рамках конкретного общества) по показателям качества и уровня

образования, социальной защиты и способности достичь высших статусных позиций в социальной системе. Максимальная концентрация собственности, доходов и экономической власти в рамках высшей узкой закрытой социальной группы делает российскую социальную систему неустойчивой, что отражается в гораздо более высоком уровне социального неравенства по сравнению с европейскими странами [35; 39] и уменьшает «окно возможностей» для реализации модели «догоняющего развития».

Развитие человеческого капитала, производства и социальной сферы имеет общую основу в сокращении социальной поляризации и развитии социальной системы российского общества в направлении большей открытости, сбалансированности и динамичности. Важно также в контексте снижения социальных барьеров развитие политической системы, повышение ее прозрачности и сбалансированности [40]. Несмотря на различия между моделями «догоняющего развития» их объединяет решающая роль государства в формировании патерналистской политики, планировании перспективных сфер развития, позволившего организовать значительное количество качественных рабочих мест, создать эффективные социальные лифты.

Проблема заключается в построении социальной системы с открытыми условиями карьерных траекторий, когда государство, выполняя свою патерналистскую функцию совместно с частными коммерческими и некоммерческими структурами, оказывает масштабное социально-экономическое и культурное содействие развитию человеческого капитала и функционированию социальных лифтов. Следует отметить центральную роль в современном мире стратегического планирования на государственном уровне, позволившего одним государствам реализовать свою социальную патерналистскую функцию и войти в элиту развитых стран, а другим реализовать «модель догоняющего развития», определив перспективные области развития. В данном отношении, как полагают исследователи [41], в России необходимо развитие стратегического планирования на государственном уровне, учитывающее опыт западных стран.

Формирование в России общества «равных возможностей»: условия и ограничения

Проблему невозможности реализации представителями низших социальных групп своего потенциала можно отнести к разряду универсальных проблем, способствующих росту социального неравенства, общественной радикализации, мешающих общественному росту, формированию «общества равных возможностей» и проявляющих себя в настоящее время от движения «Оссуры Wall Street» до движения «желтых жилетов» во Франции. В своей работе «Социология революции» П. Сорокин полагал, что причиной как Февральской, так и Октябрьской революции была неспособность низших социальных групп реализовать свои потребности, человеческий потенциал в силу сословной структуры российского общества [42]. Проблему социального неравенства можно интерпретировать в терминах человеческого капитала: как низкую способность социальной системы стимулировать развитие человеческого капитала и абсорбировать общественный потенциал.

Ограничения развития человеческого капитала вследствие несбалансированности социальной структуры, сфер труда, образования и сферы здравоохранения сокращают общественный потенциал для роста и развития, что, как полагают исследователи, создает условия для общественной нестабильности [43; 44]. Поляризация российского общества находится в русле общемировой тенденции поляризации мирового богатства [1], однако капиталистическое общество в России гораздо более молодое, несформировавшееся, несбалансированное и нестабильное, чем на Западе. В России концепция формирования «общества равных возможностей» в настоящее время находится в рамках дискурса критики эгалитаристских концепций и наследия «тоталитарного прошлого». Утверждение о том, что реализация эгалитаристских концепций может быть свидетельством не обращения к прошлому, а путем к будущему динамичному развитию России непопулярно в среде исследователей.

Актуальность теме «равенства возможностей» придает также традиционно высокое значение ценностей социальной справедливости в системе ценностей российского общества, что, как полагают исследователи, влияет на оценку российским обществом перспектив своего широкого участия в российской модернизации в контексте понимания ее конечных бенефициаров [45–47]. Уровень социального неравенства есть один из основных показателей избыточной иерархичности, социальной закрытости, ограниченности возможностей вертикальной социальной мобильности и способности социальной системы генерировать и абсорбировать человеческий капитал.

Проблема социального неравенства в контексте недостаточности вертикальной социальной мобильности есть показатель недостаточности развития рынка труда, сферы образования, служит индикатором низкого уровня развития «общества равных возможностей» в целом. Формирование в России капиталистического общества идет неравномерно, акцент на фундаментальные капиталистические принципы преобладает над развитием социальной сферы, формированием компенсаторных механизмов, нивелирующих в развитых западных странах в определенной степени неравенство и несправедливость капитализма.

Компенсаторные механизмы способствуют формированию более социально ориентированной общественной модели, более справедливому распределению доходов, ограничению социального расслоения, повышению качества образования и здравоохранения для низших социальных групп, что в целом способствует повышению качества жизни и увеличению продолжительности жизни населения [48]. Для стратегических позитивных общественных изменений и эффективной модернизации необходим высокий уровень вертикальной социальной мобильности и обратной связи между населением и властью.

По данным исследователей, существует прямая корреляция между темпом общественного развития и степенью открытости общественной системы, доступностью высших статусных позиций для выходцев из низших социальных групп [49]. Чем больше закрытость общественной системы и меньше возможностей выходцам из низших социальных групп реализовать свой потенциал, тем меньше потенциал общественного роста, темп и уровень развития общества. В советском обществе существовал принцип позитивной дискриминации, когда преимущественное право социального продвижения имели выходцы из социальных групп рабочих и крестьян [50].

По мнению исследователей, [51; 52], одной из основных проблем позднего СССР, приведших к его распаду — это сокращение вертикальной социальной мобильности и постепенное превращение высшей советской элиты в закрытую касту. В настоящее время в российском обществе формируется закрытая сложно-иерархизированная социальная структура, где существуют значительные ограничения вертикальной социальной мобильности. Индикатором служит закрытость и крайнее социальное расслоение российского общества, превышающее по степени распределения доходов между высшей и низшей социальной группой аналогичные показатели Восточной Европы почти в два раза [43].

В советском обществе по идеологическим и социально-экономическим соображениям обеспечения всеобщей занятости и развития производства, — потребность в развитии человеческого потенциала существовала несмотря на все гигантские диспропорции советского строя. Трансформационный переход России от социалистического к капиталистическому обществу привел к значительным деформациям социальной системы, разрушению большинства социальных лифтов, функционирующих в советском обществе. Если в СССР большинство населения в рамках социальной динамики между поколениями, отмечало улучшение своего социально-экономического и образовательного статуса, то в современной России такой однозначно положительной динамики не существует [49]. По данным за 1983 год, среди респондентов в возрасте 50–59 лет 82,1 % имели социально-

профессиональный статус выше, чем их родители, среди респондентов 40–49 лет — 74 %, а среди 30–39 лет — 67 %, при этом данные показатели примерно идентичны как для мужчин, так и для женщин, что служит примером женской эмансипации в советском обществе [53].

Картина социального неравенства, распределения различных социальных групп в социальной структуре по параметрам, включающим, в том числе уровень дохода, дает ответ на вопрос о социальных группах, являющихся основными бенефициарами совокупного общественного дохода и делает однозначным также ответ на вопрос о долгосрочных перспективах общественного роста в рамках данной социальной модели. Уровень социального неравенства является индикатором того, что в России отсутствует эффективная политика по организации функционирования социальных лифтов, а в современной российской социальной системе массовая потребность в функционировании вертикальных социальных лифтов отсутствует в противоположность огромной потребности в функционировании социальных лифтов со стороны общества. В сфере частного бизнеса, науки, армии и так далее, потребность в социальных лифтах существует, но их функционирование носит не столько общегосударственный, сколько частный и ограниченный характер при отсутствии в своей массе прозрачных общегосударственных критериев их функционирования.

Получив при распаде СССР огромный культурный и экономический капитал, Россия получила значительную базу для динамичного развития, однако значительная часть доставшегося новой России по наследству от СССР человеческого капитала была потеряна [54]. По мнению некоторых исследователей [35], «утечка мозгов», потеря Россией своего человеческого капитала вследствие эмиграции [55], невозможности высококвалифицированными работниками реализовать свой потенциал, стала одной из самых ощутимых потерь России с момента распада СССР, серьезно ограничивших ее потенциал общественного роста. В современной России социальные лифты функционируют значительно менее эффективно, чем в советской России и уровень вертикальной мобильности в России гораздо ниже, чем в СССР перед его распадом [49], находясь в русле общемировой тенденции уменьшения доступности для низших социальных слоев высших статусных позиций в обществе [2; 56].

Исследователи [57] полагают, что высокий уровень социального неравенства в значительной степени определяется неэффективной патерналистской политикой по отношению к низшим социальным группам как со стороны государства, так и частных структур. В рамках данных исследований социальная политика рассматривается не только как основывающаяся на конкретном уровне экономического развития общества, но в значительной степени как предвосхищающая его.

Некоторыми исследователями [49] предлагается увеличить финансирование социальной сферы за счет введения прогрессивного налогообложения и перераспределения экономической власти от высшего к среднему классу, что придаст больший динамизм и устойчивость общественной системе. С другой стороны, исследователи [6] утверждают, что эффективность рынка труда, социальное государство, прогрессивное налогообложение, налоги на наследство не привели к значительному снижению социального неравенства в странах, практикующих данные меры. Однако, согласно исследователям [58], социальная политика, направленная на снижение барьеров для вертикальной социальной мобильности и формирование институтов инклюзивного общества, способствует ограничению социального неравенства, повышению экономической эффективности и служит одним из стимулов экономического роста.

Следует отметить, что только увеличение финансирования социальной сферы и повышение социальных стандартов не даст ускорения в динамике общественного роста без комплекса мер по развитию форм вертикальной социальной мобильности в рамках формирования комплексной программы сокращения социального неравенства в России. В

различных концепциях открытого общества ставится проблема определения критериев инклюзивного общества и открытости социальной структуры. В рамках данных концепций высокий уровень вертикальной мобильности низших социальных групп отмечается исследователями в качестве одного из основных условий для общества, определяющих его длительный динамичный общественный рост [59].

Гражданское общество в России рассматривается в настоящее время в основном в политическом контексте, с точки зрения его значимости для контроля властных структур со стороны граждан, в тоже время гражданское общество недооценивается в аспекте выполнения важной социальной функции: в качестве одного из основных институтов проведения патерналистской политики, реализации принципов социального либерализма [60; 61]. Гражданское общество выступает в европейских странах как некоторая форма государственно-частного партнерства, направленная на эволюцию социальной системы: ограничение роста социального неравенства и стимулирование функционирования социальных лифтов.

Значительный путь, который прошла Россия по пути трансформации своей социальной системы в направлении развития демократических и рыночных институтов, обеспечения национального суверенитета, — не должен приводить к соблазну рассматривать нынешнее состояние российской системы как некоторую постоянную, базовую точку отсчета. Гораздо эффективнее современное состояние российского общества рассматривать как одну из трансформационных точек в направлении большей открытости и стабильности общественной системы.

Выводы

Социальные разрывы, сильное социальное расслоение является критической опасностью российского общества не только препятствующей его развитию, но и создающей опасность непреодолимого отставания от развитых стран в социальной и технологической сфере. Уровень социального неравенства закладывается в процессе формирования социальных норм и институтов, включая налоги, вертикальные лифты, толерантность к бедности и так далее. Уровень неравенства после формирования социальных норм и институтов сохраняет свое постоянство, а неэффективные рынки труда и образования, закрытые внешние рынки — это неравенство закрепляют.

С началом рыночных реформ в экономике России была сформирована экономическая модель рыночной экономики, для которой характерна ригидность, очень высокий уровень социального неравенства, несоответствующий высокому уровню развития человеческого капитала в России, и тенденция к увеличивающейся социальной поляризации, что делает невозможным без эволюции социальной системы динамичный экономический рост в долговременной перспективе и сокращение разрыва между уровнем дохода на душу населения в России и развитыми странами. В истории периоды высокого уровня социального неравенства предшествовали периодам экономического застоя. В данном отношении, существующая на данный момент экономическая модель в России может быть рассмотрена в качестве предпосылки социальной и экономической стагнации.

Поставленные правительством России задачи догоняющего развития, основанные на преобладании на 2-3 % общемировых темпов развития невозможно решить без решения проблемы сокращения социального неравенства и более полного использования человеческого капитала в трансформации и развитии общественной системы. Уровень социального неравенства может быть рассмотрен в качестве одного из основных индикаторов возможности реализации долгосрочного динамичного роста. Согласно оценкам экспертов, сокращение внутреннего социального неравенства, развитие среднего класса приводит к ускорению общественного роста и создает возможности для сокращения уровня межгосударственного неравенства.

Несмотря на значительные потери человеческого потенциала в результате трансформационных реформ, в России сохраняется возможность успешной реализации моделей догоняющего развития и трансформации существующей социальной модели в направлении уменьшения социального неравенства и увеличения роли среднего класса в социальной структуре. Для обеспечения опережающих общемировые темпов общественного роста должна быть сформирована национальная программа, направленная на формирование патерналистских норм и институтов в рамках стратегии патерналистской социальной политики как одного из основных условий общественного роста.

Снижение общественной поляризации, развитие социальной функции гражданского общества, уменьшение барьеров для вертикальной социальной мобильности, как полагают исследователи, должно способствовать трансформации формы социальной структуры российского общества от «латиноамериканской» к «европейской» модели. Сокращение социального расслоения с помощью патерналистской политики, стратегического планирования, развития гражданского общества, формирования моделей позитивной дискриминации, а также реализации принципов социального либерализма, направленных на более равномерное распределение общенациональной собственности и дохода, — даст стимул формированию сбалансированной социальной системы и динамичному развитию России в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

- [1] Piketty T. Capital in the Twenty–First Century. – Cambridge: Harvard University Press, 2014. – 686 p.
- [2] Krueger A. The Rise and Consequences Inequality, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mileskorak.files.wordpress.com/2012/01/34af5d01.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).
- [3] Григорьев Л., Паршина Е. Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 годах: неравномерность роста // Вестник Санкт–Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. – 2013. – Вып. 4. – С. 70–86.
- [4] Blair T. Socialism. London: Fabian Society, 1994. – 43 p.
- [5] Ferrara, P. Is President Obama Really a Socialist? Let's Analyze Obamanomics, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/peterferrara/2012/12/20/is-president-obama-really-a-socialist-lets-analyze-obamanomics/#6aecec8dd008> (дата обращения: 12.06.2019).
- [6] Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A. Social inequality in the world: trends during 2000–2016 // Voprosy Ekonomiki. – 2018. – No 10. – P. 29–52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-29-52>
- [7] Григорьев Л.М., Салмина А.А. Структура социального неравенства современного мира: проблемы измерения // Социологический журнал. – 2013. – Вып. 3. – С. 5–21.
- [8] Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. – 2017. – Вып. 3. – С. 58–71.
- [9] Kuznets S. 1955. Economic growth and income inequality // American Economic Review. – 1995. – Vol. 45, No 1. – P. 1–28.
- [10] Stiglitz J.E. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. – New York: W.W. Norton & Company, 2012. – 523 p.
- [11] Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. – 2018. – Вып. 7. – С. 5–29.
- [12] Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Москва: Эксмо, 2016. – 512 с.

- [13] Outlook on the Global Agenda 2014. World Economic Forum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/outlook-global-agenda-2014>, accessed 28 February 2018 (дата обращения: 14.06.2019).
- [14] OECD. Income Inequality and Poverty. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm> (дата обращения: 14.06.2019).
- [15] Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. – 2016. – Вып. 10. – С. 5-30.
- [16] Кривякина Е. 2017. Средняя продолжительность жизни в России вырастет до 76 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26665/3687258/?see-also.number=1373#see-also> (дата обращения: 15.06.2019).
- [17] Куликов С. 2017. Продолжительность жизни в России выросла до 71,8 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/29/sredniaia-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-vyroslo-do-719-goda.html> (дата обращения: 14.06.2019).
- [18] Данканич С.А. Неравенство доходов населения: виды и последствия // Проблемы современной экономики. – 2011. – Вып. 3. – С. 59-63.
- [19] Узбекова А. В Минфине предупредили о серьёзных экономических проблемах, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2016/07/30/v-minfine-predupredili-o-sereznyh-ekonomicheskikh-problemah.html?utm_source=rnews (дата обращения: 12.06.2019).
- [20] Шаповалов А. Все, кто нажили непосильным трудом. Богатые граждане владеют фактически всеми финансовыми активами и сбережениями в РФ, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4052463> (дата обращения: 13.06.2019).
- [21] Ремизов М. Паталогия неравенства, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.instrategy.ru/smi/article353.htm> (дата обращения: 19.06.2019).
- [22] Rajan R., Zingales L. Saving Capitalism from the Capitalists. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – 369 p.
- [23] Салмина А. 2014. Избыточное неравенство и развитие человеческого потенциала // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Москва: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2014. – С. 84-106.
- [24] Global Wealth Report. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2018-en.pdf> (дата обращения: 17.06.2019).
- [25] Новопрудский С. Культ нищетограда: ставка на бедных. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/12473323.shtml> (дата обращения: 19.06.2019).
- [26] Кудрин не исключает «социального взрыва» в России. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/37664446/> (дата обращения: 19.06.2019).
- [27] Global Wealth Report. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/csri-global-wealth-report-2016-en.pdf> (дата обращения: 19.06.2019).
- [28] Седлов Д., Аликина К. Российские миллиардеры богатеют, а Россия – наоборот. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/money/22/11/2016/583469339a7947f801d7631b> (дата обращения: 19.06.2019).
- [29] Шерункова О. 2019. Дача, машина, курорт: куда исчезает средний класс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/money/42327759-dacha-mashina-kurort-kuda-ischezaet-sredniy-klass/> (дата обращения: 19.06.2019).
- [30] Санги А. 2018. Редкие кадры: экономику России тормозит дефицит трудоспособного населения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/pmef-2018360593-redkie-kadry-ekonomiku-rossii-tormozit-deficit-trudosposobnogo-naseleniya> (дата обращения: 19.06.2019).

- [31] Костромина С.Н., Медина Бракамонте Н.А., Защирина О.В. 2016. Современные тенденции педагогической психологии и психологии образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2016. – Вып. 1. – С. 109–117.
- [32] Рейтинг национальных систем высшего образования. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/u21-ranking-of-national-higher-education-systems/info> (дата обращения: 19.06.2019).
- [33] Measuring the Health-Related Sustainable Development Goals in 188 countries: a baseline analysis from the Global Burden of Disease Study 2015. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(16\)31467-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(16)31467-2/fulltext) (дата обращения: 15.06.2019).
- [34] Средняя продолжительность жизни по странам мира: мужчины, женщины и оба пола, Статистический портал: статистика населения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.statdata.ru/prodolzhitelnost-zhizni-v-stranah-mira (дата обращения: 19.06.2019).
- [35] Григорьев Л.М. 2016. Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – Вып. 3, № 31. – С. 160–170.
- [36] Яньли С. Специфика социально-экономических преобразований в Китае. – Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. – 234 с.
- [37] Harrison M. Soviet industrial production, 1928 to 1955: real growth and hidden inflation // Journal of Comparative Economics. – 1999. – Vol. 28, No 1. – P. 134-155.
- [38] Moorsteen R. Prices and Production of Machinery in the Soviet Union in 1928-1958. – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1962. – 498 p.
- [39] Коняевский В.А. Иммуитет как результат эволюции ЭВМ. // Защита информации. Инсайд. – 2017. – Вып. 4, № 76. – С. 46-52.
- [40] Вусс Г., Коняевский В., Хованов В. 1998. Система страхования информационных рисков // Финансовый бизнес. – 1998. – Вып. 3. – С. 34.
- [41] Клименко А., Барабашев А. (Ред.). Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования. Часть 2. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 40 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wp.hse.ru/data/2016/11/14/1110320976/WP8_2016_04_Часть2_____.pdf (дата обращения: 17.06.2018).
- [42] Сорокин П.А. Социология революции. – Москва: РОССПЭН, 2005. – 704 с.
- [43] Зуцман Г., Радайкин Е., Пикетти Т., Новокмет Ф. Статобзор: От Советов к олигархам: неравенство и собственность в России, 1905–2016, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenincrew.com/statistical-review-3/> (дата обращения: 17.06.2018).
- [44] Защирина О.В. Психогенез стилей общения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика.* – 2010. – Вып. 2. – С. 206–216.
- [45] Деньгуб Ю. Представления о социальной справедливости в контексте современного развития России // Социология власти. – 2004. – Вып. 6. – С. 120–132.
- [46] Смольников С. Специфика восприятия населением России понятия социальной справедливости // Вестник ПНИПУ, Социально-экономические науки. – 2013. – Вып. 19, № 46. – С. 104–109.
- [47] Демченко С., Верещагина А., Самыгин С. Социальная политика и социальная справедливость как индикаторы социальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – Вып. 3. – С. 30–35.
- [48] OESD, Better Life Index. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/denmark-ru/> (дата обращения: 17.06.2018).

- [49] Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // *Общественные науки и современность*. – 2011. – Вып. 2. – С. 5–28.
- [50] Новосельцева Т. Выдвиженчество в кадровой политике советского государства в 1920-1930-е годы (на материалах Смоленской области). – Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 2004. – 263 с.
- [51] Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – Москва: «Советская Россия», 1991. – 615 с.
- [52] Назаров М. Класс господствующий и обреченный. Интервью с М. Восленским // *Журнал "Посев"*. – 1984. – Вып. 11. – С. 28–33.
- [53] Шакаратан О.И. Опыт исследования социального воспроизводства в городах СССР. Человеческий фактор в социальном воспроизводстве (Междисциплинарные исследования). – Москва: Наука, 1987. – 88 с.
- [54] Мухаметшина Е. 2016. Из России уезжает в разы больше людей, чем учитывает статистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/10/06/659896-iz-rossii-uezzhaet> (дата обращения: 13.03.2018).
- [55] Stratfor: Эмиграция из России бьет рекорды. Кто уезжает из страны? 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theins.ru/obshchestvo/25846> (дата обращения: 13.03.2018).
- [56] Atkinson A., Lee R., Smeeding, T.M. *Income Distribution in OECD Countries*. – Paris: Organization of Economic Cooperation and Development, 1995. – 44 с.
- [57] Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 97 p.
- [58] Acemogly D., Jonson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nber.org/papers/w10481> (дата обращения: 12.06.2018).
- [59] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальный порядок. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – Москва: Европа, 2010. – 198 с.
- [60] Ринген С. 2004. Распределительная теория экономической демократии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru/logos/2004/2/ri9.html> (дата обращения: 12.06.2018).
- [61] Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 532 с.

References

- [1] Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press.
- [2] Krueger, A. (2012). *The Rise and Consequences Inequality*. Retrieved from <https://mileskorak.files.wordpress.com/2012/01/34af5d01.pdf>
- [3] Grigoryev, L., & Parshina, E. (2013). Economic dynamics of the countries of the world in 1992-2010: Uneven growth. *Bulletin of St. Petersburg University*, 4, 70–86.
- [4] Blair, T. (1994). *Socialism*. London: Fabian Society
- [5] Ferrara, P. *Is President Obama Really a Socialist? Let's Analyze Obamanomics*. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/peterferrara/2012/12/20/is-president-obama-really-a-socialist-lets-analyze-obamanomics/#6aecec8dd008>
- [6] Grigoryev, L.M., & Pavlyushina, V.A. (2018). Social inequality in the world: trends during 2000-2016. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 29-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-29-52>
- [7] Grigoryev, L.M., & Salmina, A.A. (2013). Structure of social inequality of the modern world: Measurement problems. *Sociological Journal*, 3, 5–21.
- [8] Grigoryev, L.M., & Pavlyushina, V.A. (2017). Social inequality as a problem of Russia's economic strategy. *World of the New Economy*, 3, 58–71.

- [9] Kuznets, S. (1955). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, 45(1), 1–28.
- [10] Stiglitz, J.E. (2012). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York: W.W. Norton & Company.
- [11] Grigoryev, L.M., & Pavlyushina, V.A. (2018). Inter-country inequality in dynamics and the problem of post-industrial development. *Economic Issues*, 7, 5–29.
- [12] Stiglitz, J. (2016). *The Price of Inequality. What stratification of society threatens our future*. Moscow: Eksmo.
- [13] Outlook on the Global Agenda 2014. World Economic Forum. Retrieved from <https://www.weforum.org/reports/outlook-global-agenda-2014>, accessed 28 February 2018.
- [14] OECD. Income Inequality and Poverty. Retrieved from <http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>.
- [15] Medvedev, D.A. (2016). Socio-economic development of Russia: finding a new dynamic. *Economic Issues*, 10, 5–30.
- [16] Krivyakina, E. *The average life expectancy in Russia will increase to 76 years*. Retrieved from <http://www.kp.ru/daily/26665/3687258/?see-also.number=1373#see-also>
- [17] Kulikov, S. (2017). *Life expectancy in Russia has grown to 71.8 years*. Retrieved from <https://rg.ru/2017/06/29/sredniaia-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-vyrosla-do-719-goda.html>
- [18] Dankanich, S.A. (2011). Income inequality: types and consequences. *Problems of the Modern Economy*, 3, 59–63.
- [19] Uzbekova, A. (2016). *The Ministry of Finance warned of serious economic problems*. Retrieved from https://rg.ru/2016/07/30/v-minfine-predupredili-o-sereznyh-ekonomicheskikh-problemah.html?utm_source=rnews
- [20] Shapovalov, A. (2019). *All who have acquired overwork. Wealthy citizens own virtually all financial assets and savings in the Russian Federation*. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/4052463>
- [21] Remizov, M. (2016). *The pathology of inequality*. Retrieved from <http://www.instrategy.ru/smi/article353.htm>
- [22] Rajan, R., & Zingales, L. (2004). *Saving Capitalism from the Capitalists*. Princeton: Princeton University Press.
- [23] Salmina, A. (2014). Excessive inequality and human development. In *Human Development Report in the Russian Federation* (pp. 84–106). Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation.
- [24] Global Wealth Report. (2018). Retrieved from <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2018-en.pdf>
- [25] Novoprudsky, S. (2019). *The cult of the rogue: a bet on the poor*. Retrieved from <https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/12473323.shtml>
- [26] Kudrin does not rule out a “social explosion” in Russia. (2019). Retrieved from <https://news.mail.ru/economics/37664446/>
- [27] Global Wealth Report. (2016). Retrieved from <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/csri-global-wealth-report-2016-en.pdf>
- [28] Sedlov, D., & Alikina, K. (2016). *Russian billionaires are getting richer, and Russia is vice versa*. Retrieved from <https://www.rbc.ru/money/22/11/2016/583469339a7947f801d7631b>
- [29] Sherunkova, O. (2019). *Cottage, car, resort: where the middle class disappears*. Retrieved from <https://finance.rambler.ru/money/42327759-dacha-mashina-kurort-kuda-ischeztaet-klass/>
- [30] Sangi, A. (2018). *Rare personnel: The Russian economy is hindered by the shortage of the working-age population*. Retrieved from <https://www.forbes.ru/biznes/pmef-2018360593-redkie-kadry-ekonomiku-rossii-tormozit-deficit-trudosposobnogo-naseleniya>

- [31] Kostromina, S.N., Medina Bracamonte, N.A., & Zashirinskaya, O.V. (2016). Current trends in educational psychology and educational psychology. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 1, 109-117.
- [32] Rating of national higher education systems. Retrieved from <https://gtmarket.ru/ratings/u21-ranking-of-national-higher-education-systems/info>
- [33] Measuring the Health-Related Sustainable Development Goals in 188 countries: a baseline analysis from the Global Burden of Disease Study 2015. (2016). Retrieved from [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(16\)31467-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(16)31467-2/fulltext)
- [34] Average life expectancy by countries of the world: men, women and both sexes, Statistical portal: population statistics. Retrieved from <http://www.statdata.ru/prodolzhitelnost-zhizni-v-stranah-mira>
- [35] Grigoryev, L.M. (2016). Social inequality in the world – the interpretation of non-evident tendencies. *Journal of the New Economic Association*, 3 (31), 160–170.
- [36] Yanli, S. (2006). *The specifics of socio-economic transformation in China*. Moscow: Moscow State University M.V. Lomonosov.
- [37] Harrison, M. (1999). Soviet industrial production, 1928 to 1955: real growth and hidden inflation. *Journal of Comparative Economics*, 28(1), 134–155.
- [38] Moorsteen, R. (1962). *Prices and Production of Machinery in the Soviet Union in 1928-1958*. Cambridge Mass.: Harvard University Press.
- [39] Konyavsky, V.A. (2017). Immunity as a result of the evolution of computers. *Protection of Information. Inside*, 4 (76), 46–52.
- [40] Vuss, G., Konyavsky, V., & Khovanov, V. (1998). Information risk insurance system. *Financial Business*, 3, 34.
- [41] Klimenko, A., & Barabashev, A. (Eds.). (2016). *Actual experience of foreign countries in the development of state strategic planning systems. Part 2*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. Retrieved from https://wp.hse.ru/data/2016/11/14/1110320976/WP8_2016_04_Часть2_____.pdf
- [42] Sorokin, P.A. (2005). *Sociology of the revolution*. Moscow: ROSSPEN.
- [43] Zutsman, G., Radaykin, E., Piketti, T., & Novokmet, F. (2017). *Stat Overview: From the Soviets to the oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016*. Retrieved from <https://lenincrew.com/statistical-review-3/>
- [44] Zashirinskaya, O.V. (2010). Psychogenesis of communication styles. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2, 206–216.
- [45] Dengub, Yu. (2004). Representations of social justice in the context of contemporary development of Russia. *Sociology of Power*, 6, 120–132.
- [46] Smolnikov, S. (2013). The specifics of the population of Russia perception of the concept of social justice. *Bulletin of PNRPU, Socio-Economic Sciences*, 19(46), 104–109.
- [47] Demchenko, S., Vereshchagina, A., & Samygin, S. (2018). Social policy and social justice as indicators of Russia's social security. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 3, 30-35.
- [48] OESD, Better Life Index. Retrieved from <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/denmark-ru/>
- [49] Shkaratan, O.I., & Yastrebov, G.A. (2011). A comparative analysis of the processes of social mobility in the USSR and modern Russia. *Social Sciences and Modernity*, 2, 5-28.
- [50] Novoseltseva, T. (2004). *Advancement in the personnel policy of the Soviet state in the 1920-1930s (based on materials from the Smolensk region)*. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.
- [51] Voslensky, M.S. (1991). *Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union*. Moscow: “SovetskayaRossiya”.

- [52] Nazarov, M. (1984). The ruling and doomed class. Interview with M. Voslensky. *The Journal "Sowing"*, 11, 28-33.
- [53] Shakaratan, O.I. (1987). Experience in the study of social reproduction in cities of the USSR. *The human factor in social reproduction (Interdisciplinary research)* (p. 88). Moscow: Nauka.
- [54] Mukhametshina, E. (2016). *Many times more people leave Russia than statistics take into account*. Retrieved from <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/10/06/659896-iz-rossii-uezzhaet>
- [55] Stratfor: Emigration from Russia is breaking records. Who is leaving the country? Retrieved from <http://theins.ru/obshestvo/25846>
- [56] Atkinson, A., Lee, R., & Smeeding, T.M. (1995). *Income Distribution in OECD Countries*. Paris: Organization of Economic Cooperation and Development.
- [57] Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton: Princeton University Press.
- [58] Acemogly, D., Jonson, S., & Robinson, J. (2004). *Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth*. Retrieved from <https://www.nber.org/papers/w10481>
- [59] North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2010). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Moscow: Evropa.
- [60] Ringen, C. *Distributive theory of economic democracy*. Retrieved from <http://www.magazines.russ.ru/logos/2004/2/ri9.html>
- [61] Rawls, J.B. (1995). *A Theory of Justice*. Novosibirsk: Publishing House of NSU.

Получена / Submitted: 26/07/2019

Доработана / Revised: 13/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 22/08/2019

УДК 316.1

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И УНИКАЛИЗАЦИИ

Эрнест Мухтарович Базилевский¹

¹Кафедра социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что мода является частью массовой культуры и уже она может формировать восприятие человека. Исходя из актуальности исследования, авторами мода понимается как часть массовой культуры, а предметом изучения становится ее воздействие на личностное становление и развитие человека в современном социуме. В частности, взята совокупность элементов молодежной моды в приложении к развитию в самой социальной среде. Цель исследования заключается в выявлении уровня знаний, особенностей восприятия и механизмов влияния на студенческую молодежь постсоветских стран феномена моды. Учитывая значимое число генеральной совокупности, был использован выборочный метод. Данное социологическое исследование проводилось с использованием опроса. Инструментарием исследования являлась анкета (опросник) респондента, разработанная в соответствии с программой исследования, содержащая не менее 20 вопросов. Анкета была разработана в электронном виде, с помощью программы Google Docs. Авторами исследованы студенты вузов, которые родились в период становления культуры постсоветского пространства. Особенность исследования проявляется в том, что впервые представлены результаты на основе анализа поколения, которое определяет социальную жизнь после поколения переходного периода. Дальнейшим направлением и применением данного исследования является формирование временного шага, который позволит создать корреляцию между текущим соотношением модных тенденций и возможности социальной адаптации молодежи.

Ключевые слова: мода, street style, самопрезентация, нарративизация, культура.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF TENDENCIES FORMING PERSONAL FEATURES OF IDENTIFICATION AND UNIQUE

Ernest M. Bazilevsky¹

¹Department of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The relevance of the study is determined by the fact that fashion is part of mass culture and it can already form a person's perception. Based on the relevance of the study, the authors understand fashion as part of mass culture, and the subject of study is its impact on the personal formation and development of man in modern society. In particular, a set of elements of youth fashion is taken in relation to development in the social environment itself. The purpose of the study is to identify the level of knowledge, perception features and mechanisms of influence on the student youth of the post-Soviet countries of the fashion phenomenon. Given the significant number of the population, the sampling method was used. This case study was conducted using a survey. The research toolkit was the questionnaire (questionnaire) of the respondent, developed in accordance with the research program, containing at least 20 questions. The questionnaire was developed electronically using the Google Docs program. The authors studied university students who were born during the formation of the culture of the post-Soviet space. The peculiarity of the study is manifested in the fact that for the first time the results are presented based on the analysis of a generation that determines social life after a generation in transition. A further direction and application of this study is the formation of a time step that will create a correlation between the current correlation of fashion trends and the possibility of social adaptation of youth.

Keywords: fashion, street style, self-presentation, narratization, culture.

Введение

Мода выступает как средство индивидуализации в постсоветском пространстве. Особое внимание следует уделять тому, как мода становится формированием уникальности в среде молодежного социального дискурса. Современная молодежь — это люди, чей возраст составил 18–25 лет [1–3]. А значит они родились и сознательное их решение о принятии того или иного стиля моды принималось уже на основании культурных тенденций мирового порядка. В частности, можно точно утверждать, что принятие моды можно связать с технологическим развитием доступа в интернет. А это, в свою очередь, означает гораздо большую приверженность глобальной тенденции в моде, чем локальным аспектам.

Постсоветская молодежь основывается на том, что первые поколения, которые еще родились при советском режиме, воспринимали моду в качестве альтернативы советскому стилю. Информационными источниками при этом выступали либо личностные выступления дипломатов и людей, которые имели возможность выезжать в капиталистические страны, либо обзоры в СМИ, носившие остаточный характер [4].

Поэтому те поколения, которые на постсоветском пространстве воспринимали моду как новое явление, отличались по источникам восприятия. В частности, первое поколение 2000-х уже имели возможность доступа к глобальной сети для оценки мировых тенденций. Дополнительно источниками поступления трендовых вещей стали не только частные перевозчики, но прежде всего дистрибьюторские сети. Что по факту стало источником построения модной индустрии уже в пределах стран бывшего СССР. Поэтому цель исследования заключается в том, чтобы сравнить восприятие модных тенденций постсоветских поколений в разные временные эпохи.

Литературный обзор

Исследование моды как самостоятельного проявления ценностного отношения человека к миру, а также как сферу художественной деятельности людей осуществляется эстетикой. В психологических и социальных исследованиях мода воспринимается как одно из действенных средств воздействия в процессе коммуникации. Кроме того, осуществлялись попытки изучить моду и как своеобразное средство межличностного соотношения индивидов. В связи с этим, мода описывалась как обособленный способ, образ, мера трансформации общественной информации.

Как отмечает L. Matsunaga [5], мода выходит за пределы каждого из фрагментов человеческой и социальной реальности, что рассекается на части отдельными науками. Это явление целостное и универсальное, оно расположилось в самых разных сферах жизнедеятельности человека: экономической, психологической, эстетической. Поэтому исследование моды имеет междисциплинарный характер. Значительными являются достижения и возможности в этой области в истории и теории культуры, эстетики, экономики, психологии, социологии, этнографии, семиотики. Ни одну из названных, а также многих других дисциплин и проблемных областей науки, невозможно игнорировать в изучении моды без ущерба для ее познания, поскольку каждая из них высвечивает какую-то грань этого многогранного явления. Отсюда следует целесообразность привлечения различных отраслей знания — от этнографии, археологии и истории культуры до экономики и семиотики.

До XVI века в Европе социальная мобильность характеризовалась как минимальная, а социальная роль и статус человека были жестко закреплены, часто — в законах и всегда — в обычаях. Соответственно, в таком обществе мода появиться не могла. По мнению J. Li, X. Zhong, Y. Li [6], она выполняет функцию выравнивающего механизма, потому что имитация — это одно из средств борьбы с неравенством, которое размывает кастовые, классовые или национальные границы. Низшие слои общества постепенно поднимаются

выше, шаг за шагом приближаясь к высшим. Благодаря процессам ассимиляции и имитации, неравенство теряет аристократическую принадлежность и становится демократическим. Таким образом, социальное господство больше не передается в наследство из поколения в поколение, а оказывается свойственным индивидууму. К выводу о том, что мода появилась одновременно с модернизмом в период развития промышленного капитализма, пришли в итоге все исследователи.

Хотя Н. Корніна [7] отмечает, что мода в Центральной и Восточной Европе после распада СССР — это многогранный социальный и психологический механизм, который не имеет конкретного происхождения, многие другие исследователи считают, что как срок она появилась вместе с зарождением моды как явления. Если одежда — это почти универсальное явление, то мода далеко не такая универсальная, поскольку не во всех веках и цивилизациях существовало понятие и явление моды; она имеет вполне конкретную точку отсчета в истории человечества. Мода — отличительный признак современной цивилизации, она связана с определенным обществом и культурой, а именно — с обществом и культурой Запада. Но такой, какой мы ее знаем на Западе, мода никогда не была универсальной для всех народов формой существования одежды. Это продукт европейской цивилизации, хотя далеко не такой древний. Ранее экспансия моды не была распространенным явлением — сегодня мода расширяет сферу своего влияния, затрагивая все больше людей по всему миру.

С другой стороны, С. Barrère, S. Delabruyère [8], сомневаясь в правомерности сужения понятия моды и ограничения его рамками европейской моды, говорят о необходимости его пересмотра, поскольку моду в целом очень часто приравнивают к современной европейской высокой моде. Поскольку мода рассматривается как недавно возникшее явление, характерное исключительно для стран Запада, ее роль в создании национального стиля в более мелких странах обычно не признается, а современное определение моды не включает систематические изменения национального стиля, характерные для всех культур, и что в небольших обществах систематические изменения стиля имеют только случайный характер, поскольку они зарождаются под влиянием обстоятельств и продолжают ровно столько, сколько действуют обстоятельства, которые их вызвали. Итак, новое более широкое определение моды должно охватить и фундаментальный процесс стилевых изменений, который совсем не обязательно характеризуется таким же постоянным и непрерывным, как в современных промышленных обществах Запада.

Универсальная мода или нет, представляет она исключительно западное явление или нет — ответы на эти вопросы обусловлены первоначальным определением моды. В зависимости от используемого определения, можно говорить о понятии «мода» даже в применении к неиндустриальным, незападным культурам. С. Barrère, S. Delabruyère решительно не соглашались с пониманием моды как западного явления и приводит аргументы в пользу своей точки зрения: «Хотя процессы сравнения, подражания и дифференциации моды наиболее очевидны в условиях стремительных изменений, характерных для систем промышленного производства, те же процессы можно наблюдать в явном или скрытом виде в большинстве культур. Универсальность моды очевидна, если понимать под модой какую-то действенную силу, что вызывает стилевые изменения». Опираясь на это предположение, можно сделать вывод о существовании моды не только в современных промышленно развитых, но и во всех известных обществах. Развивая тему, R.E. Goldsmith, M.T. Stith, J.D. White [9] разграничивают два вида одежды: устойчивое или традиционное, и переменное или склонное к модной инновации. Они выдвинули предположение, что мода связана с определенным типом общественной организации, социума и культуры, а именно — с западным. Причем уже сам этот факт необходимо рассматривать как одну из наиболее характерных черт современной европейской цивилизации, поскольку во всех других культурах прошлого и современности моде отводилась самая скромная роль. Дифференциация и подражание были отправной точкой

для большинства стран постсоветского пространства. Не всегда следует говорить о том, что мода была только западным явлением. Если рассмотреть исторические особенности функционирования различных стран советского блока, то можно увидеть, что почти везде смена власти была основана не только на формировании новой культуры, но также и на смене парадигмы мышления. После развала СССР все республики стали искать то, каким образом построить свою социальную среду. Основой в этом стали успешные государства Европы и США. Молодежь постсоветского периода не могла воспринимать идеологические установки коммунистической морали, а так как национальной идеи не могло быть в тот период предложено, то момент социальной роли замещался культурной и экономической составляющей. В частности, ориентиром была культура и поведенческие реакции стран ЕС и США. Отсюда можно сказать, что большинство молодежи постсоветских стран изначально были ориентированы на европейские и американские модные тенденции.

В частности, большое значение моде на постсоветском пространстве отводится в целом смещению социокультурной сферы. Мода посткоммунистического пространства резко отличается от моды США, Франции или Великобритании, где можно увидеть несколько направлений регионализации моды. Первое направление — это мода людей, которые наделены властью, капиталом и имеют чрезвычайно консервативное отношение к модному продукту. Далее возникла группа электората моды, что приблизились к этой элите, но не имела легитимного пространства модной презентации своего положения. Молодежная мода имеет оттенки бунтарства, независимости и отождествляется более с модными музыкальными тенденциями и культурными особенностями территорий.

Отношение молодежи к моде как социальному явлению определяется в работе С.И. Галанина и Л.С. Коробейниковой [10], которые формируют представление о том, что по мере развития государств бывшего коммунистического блока, в странах мода становилась источником социокультурного поиска только после того, как были сформированы экономические предпосылки частного выбора и нормализовалась экономическая ситуация, то есть произошло насыщение рынка.

Материалы и методы

Цель исследования заключается в выявлении уровня знаний, особенностей восприятия и механизмов влияния на студенческую молодежь постсоветских стран феномена моды. Задачи исследования:

- выявить уровень осведомленности молодежи относительно «моды»;
- исследовать и проанализировать отношение респондентов к региональным формам моды;
- выяснить: следит ли молодежь за модой, является ли эталоном только мода массовой культуры;
- проанализировать, как влияет мода на поведение студенческой молодежи;
- определить каналы распространения моды среди студенческой молодежи.

Учитывая значимое число генеральной совокупности, был использован выборочный метод. Это означает, что отобранная выборочная совокупность должна совпадать с генеральной совокупностью; уменьшенная по объему исследуемая совокупность должна отражать реальное состояние дела в данной сфере и не влиять существенно на качество полученной информации. Для расчета объема без повторной выборочной совокупности использовалась формула (1):

$$n = \frac{N \times t^2 \times \sigma^2}{\Delta^2 \times N + t^2 \times \sigma^2} \quad (1)$$

где n — объем выборочной совокупности; N — объем генеральной совокупности; t — коэффициент доверия; σ^2 — значение дисперсии признака, по которому рассчитывается репрезентативность в генеральной совокупности; Δ — допустимая ошибка.

Соответственно, воспользовавшись значением объема генеральной совокупности, получаем:

$$N=35868$$

$$t=2$$

$$\sigma^2=0,25$$

$$\Delta=0,098$$

$$n = \frac{35868 \times 2^2 \times 0,25}{0,098^2 \times 35868 + 2^2 \times 0,25} = 103,8218914 \approx 104 \quad (2)$$

Из формулы (2) следует, что объем выборочной совокупности для данного исследования при заданных данных составляет 1040 человек. Данное социологическое исследование проводилось с использованием опроса. Инструментарием исследования являлась анкета (опросник) респондента, разработанная в соответствии с программой исследования, содержащая не менее 20 вопросов. Анкета была разработана в электронном виде, с помощью программы Google Docs. Анкета заполнялась респондентом самостоятельно. Гипотезы исследования были сформулированы следующим образом:

- Живя в информационном обществе, молодежь имеет достаточно высокий уровень осведомленности относительно моды и современных модных тенденций.
- Ряд психологических стереотипов восприятия по поводу одежды, внешнего вида и поведения закрепляются в массовом сознании молодежи.
- Студенческая молодежь внимательно следит за новинками в модной индустрии и подражает модным канонам.

Результаты и обсуждение

R. Stankeviciute [11] определяет моду как психофизиологический, социально-психологический, социально-регулятивный феномен, воспринимает моду как фактор, способствующий становлению эстетической культуры, поэтому переходит от описания к анализу сущности моды и ее социальных функций.

Такой подход позволяет отграничить моду от тех сфер культуры, где мода действует, делает возможным структурный анализ моды и подводит к восприятию ее как явления системного порядка. Мода содержит в себе объективные факторы, особые состояния общественного сознания, специфические формы поведения людей и соответствующие им культурные изменения и формы. Происходит обогащение и конкретизация моды за счет категорий «модное поведение», «модное сознание», «модные санкции», «механизм моды» и так далее. Подход к моде как к особому механизму влияет на эстетическую культуру, делает возможной постановку вопроса о широких социальных функциях моды, связанных непосредственно с потребностями становления эстетической культуры людей, которые формируют свои личностные потребности. К таковым мы относим прежде всего молодежь (возраст студенчества).

Проблема исследования молодежи достаточно широка, она включает в себя исследования жизненных планов молодежи, единства трудового, социального и культурного самоопределения, профессиональных ориентаций, процессов включения молодежи в систему высшего образования и ее послевузовской адаптации, социализации различных групп молодежи средствами культуры и искусства и другие [12–14].

В рамках нашего исследования мы ограничимся лишь исследованием молодежной моды как особо показателя эстетической культуры студенчества.

Молодежная субкультура понимается как «культурное пространство» и круг общения молодежи, которые помогают ей адаптироваться в социуме и создавать свои автономные формы культурной активности, свои элементы моды. Это группа людей, признанная всеми, самоидентифицирует себя как отдельную часть «общей культуры», со своей системой взглядов и особой поведенческой практикой. Сегодня много споров об эстетической культуре и антикультуре молодежи, что подтверждает актуальность проблемы. На современном этапе развития общества теоретико-методологические проблемы формирования эстетических вкусов, эстетической культуры молодежи в учебно-воспитательном процессе занимают важное место в эстетике, психологии, социологии, педагогике и других науках. Однако отрицать, что молодежная мода является показателем уже созданных вкусов, отражением сознательного (иногда подсознательного) выбора стиля одежды, причёски, поведения, манеры говорить, жестов и прочего, нельзя.

Для проведения исследования нами были выбраны несколько отношенческих вариаций в мировом понимании моды, которые характеризовали в полной мере то, каким образом в данный момент мода понимается молодежью. Для исследования были взяты несколько стран Восточной Европы и западноевропейских стран. В страны Восточной Европы были включены как страны бывшего социалистического блока, так и Россия. Первое понимание моды было определено как доленое и соотношение между культурологическим пониманием моды, брендовым, социальным и иным [15].

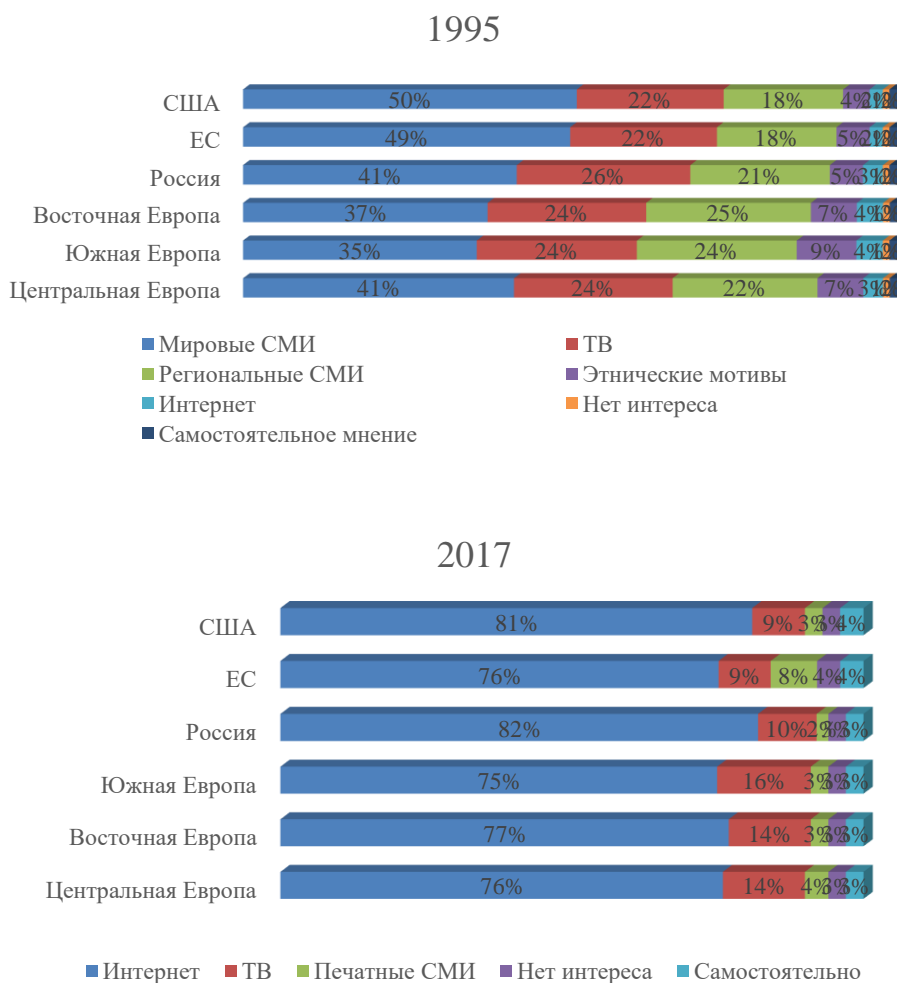

Рисунок 1. Источники получения информации и формирования вкуса относительно модных тенденций

В целом речь идет о том, что отношение к моде среди молодежи примерно одинаково в мире. В США и ЕС оно более выражено в части того, что экономические условия позволяли изначально формировать под вкусы молодежи бренды, люксовые или стоковые формы их определения, а также направленные коллекции. В странах бывшего коммунистического блока подобные тенденции не имели место быть, и большинство молодежных тенденций становились адаптацией более успешных западных стилей и вариациями региональной локализации отдельных брендов.

Это основывается также на источниках получения информации. В настоящее время подавляющее большинство информации о моде молодежь получает из источников всемирной сети, в то время как в 1990-е это были привозимые источники и локальные разработки (рисунок 1).

Как показывает анализ, произошла кардинальная смена источников получения информации о модных тенденциях. В частности, особое место забирает глобальная сеть. Это означает прежде всего то, что мода становится глобальной, и уже формирование сетевого мнения становится основой для становления культурных, социальных явлений.

Мода формирует не только восприятие или общественное настроение молодежи, но уже систему ценностей. В целом задача любой модной тенденции — быть в тренде, и ведущая мысль модельеров сделать так, чтобы человек чувствовал причастность к культуре интернациональной, массовой или этнической. В этом отношении мы провели исследование, которое включает в себя доленое участие молодежи в восприятии модных тенденций, в формировании параметров и тому, насколько важно участие для индивидов молодежи в определенной культуре. Для этого по процентному соотношению из 10 баллов молодежи было предложено оценить долю моды в структуре их общей деятельности (в структуре ценностных ориентаций) (рисунок 2).

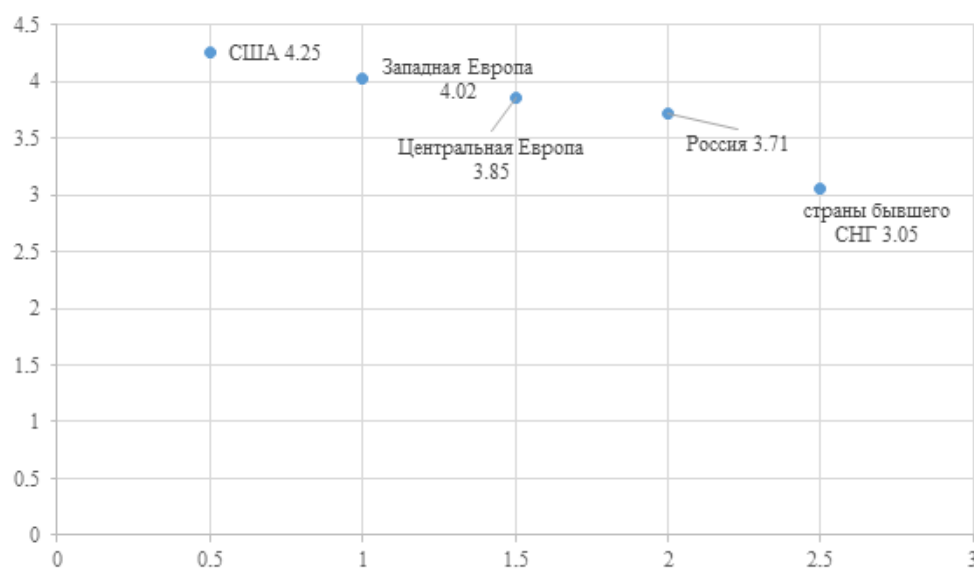

Рисунок 2. Логарифмизация важности региональной оценки моды как социально-культурного фактора в структуре значимости личности

Важнее всего долю моды (42 % от всех жизненных установок) воспринимают в США, чуть хуже в районе 40 % в Европе. Остальные страны находятся в другом интервале. В целом можно сказать, что экономическая среда формирует от 30 до 40 % понимания и следования модным тенденциям. Даже можно выделить уровни, когда более 40 % потребностей в удовлетворении говорят о том, что среда становится экономически благополучной. Это заслуга не только молодежи. Даже наоборот — как только среда формирует класс, когда сами молодые люди могут за себя заплатить, то сразу возникает идея

о том, что они сами могут контролировать включенность в культуру. Это достаточно интересная идея, которая свое подтверждение находит только в случае устойчивой экономической ситуации. Это подтверждается исследованием на рисунке 3, который показывает изменение по отдельным странам после распада советского блока, когда значительное количество стран стали иметь возможность формировать собственную свободную политическую и модные традиции.

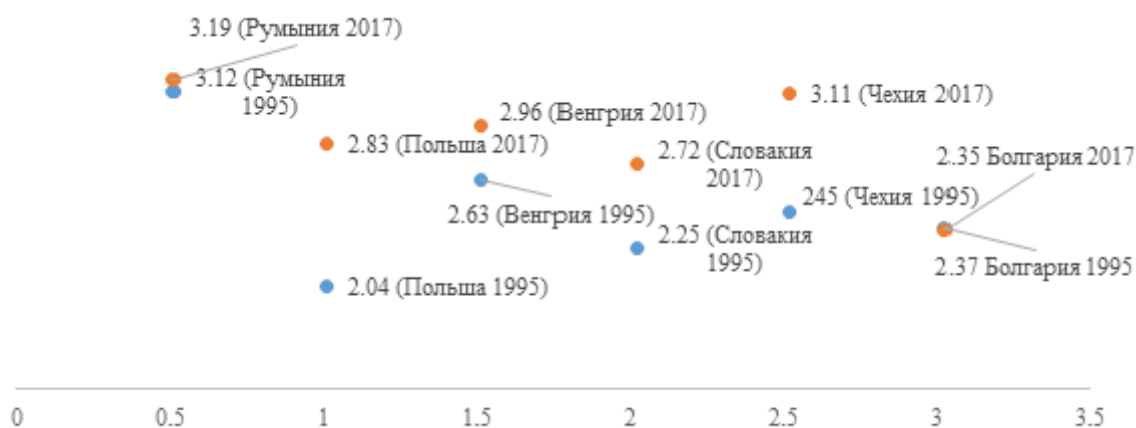

Рисунок 3. Изменение в целом отношения молодежи к моде в ценностных установках

В целом корреляция говорит о том, что большинство стран постсоветского блока также зависят от экономической ситуации, и доля модных тенденций, и значимость моды среди ориентаций молодежи показывает тенденцию к росту. Общая доля возросла к уровню развитых стран и постепенно будет приближаться к доле в 40 %. Текущая оценка означает, что модные тенденции не могут сформировать культурного и социального влияния моды, а выступают чаще всего в виде общих направляющих, как часть выполнения своих социальных функций, даже не первичных.

Проанализировав значительное количество общемировых тенденций, мы можем обратиться уже к тенденциям российского масштаба. При выборе одежды студенчество часто руководствуется собственным вкусом — 88 % опрошенных. 46,7 % — особенностями собственной фигуры; ценой и качеством — 42,1 %; советами друзей и родственников — 17,8 %. При этом лишь незначительный процент молодежи (2,8 %) руководствуется модными тенденциями и 0,9 % — доверяет этот вопрос профессионалам. Однако 5,6 % респондентов не слишком озабочены этим вопросом.

По результатам опроса установлено, что молодежь пытается соответствовать различным стилям в одежде, и это составляет почти 44,3 % опрошенных, из них 32 % — повседневному; 12,3 % — деловому; 9,4 % — спортивному. 7,5 % респондентов не определились с ответом. Почти 42 % респондентов каждого месяца тратят 30 % от собственного дохода на приобретение новой одежды.

Быстрых темпов изменения моды на одежду не происходит — считают 73,8 % опрошенных. А вот влияние моды испытывают лишь те, для кого это имеет значение — 72,2 % опрошенных.

На вопрос «Как соотносятся мода и возраст человека» — 58,9 % респондентов ответили, что это зависит от самовосприятия человека; 36,4 % — зависит от сферы его деятельности; 31,8% опрошенных считают, что одеваться надо соответственно возрасту; 17,8 % вообще не придают этому особого значения, а 0,9 % не определились с ответом.

По данным опроса, 41,7 % респондентов, чтобы казаться модными и не отставать от других покупают себе изысканную одежду; 32,4 % — покупают технику; 29,6 % — меняют внешний вид, и почти 30 % опрошенных не определились с ответом.

Наиболее распространенным понятием, с которым у респондентов ассоциируется мода, можно считать «уверенность в себе» — 46,3 %; «уникальность» — 40,7 %; «подражание» — 30,6 % опрошенных соответственно.

Исходя из данного утверждения, можно сказать, что большинство студентов постсоветского пространства не обладают значительным запасом знаний о моде. В частности, о том, что мода и концепт или даже феномен моды существует — данное представление имеет почти каждый студент, но конкретно какую роль он играет — данная информация не всегда может быть полезной. В целом в постсоветских странах только те, кто подвержен модным тенденциями изначально могут интересоваться ей и интересуются достаточно активно.

Выводы

Становление эстетической культуры молодежи — это процесс целенаправленного развития способности личности к полноценному восприятию и правильному пониманию прекрасного в искусстве и действительности. Он предусматривает выработку системы эстетических представлений, взглядов и убеждений, обеспечивает удовлетворение от того, что является действительно эстетически ценным. Одновременно с этим в личности воспитывается стремление и умение вносить элементы прекрасного во все стороны жизни, а также готовность для обнаружения себя в сфере своей профессиональной деятельности.

В Советском Союзе состоялся сложный метаморфоз культуры, когда уже в 1960–70-е годы в контексте нонконформистских движений формируется чисто эстетический, художественный характер всемирного, универсального видения реальности. Это происходило в пределах музыки, изобразительного искусства, а также других культурных практик. В дизайне, моде происходит определенное заимствование, цитирование и увлеченность западной модой. Но, в отличие от сталинского мифа, здесь хранится миф, который можно определить как «постсоветский ленд-арт».

В период распада СССР и в целом социалистического блока мода становится основой для развития и восприятия со стороны молодежи, которая под влиянием массовой культуры США и Европы становится восприимчивой к культурным веяниям глобальных тенденций.

Сюда же вписывается и тот процесс глобализации, который связывается с массовой культурой. Массовая культура как пустая форма, как возможность заполнения лакун, с одной стороны, и как нивелирование, упрощение, редукция, деформация духовной культуры, в частности национальной культуры, — это один из разделов современной моды. Массовая культура в моде заявила о себе с развитием прет-а-порте в 1950–60-е годы, с распространением бутиков, с цитированием молодежного сленга, бесконечными заимствованиями и теми клише, которые становятся формульными, шаблонными коридорам презентации информации и коммуникаций. И в то же время массовая культура находит своих поп-идолов, своих маркеров целостности.

Молодежь посткоммунистического строя впервые реабилитировала ценности массовой культуры, миллениалы отмечают, что массовая культура имеет право на свое существование. Главным здесь является регулятив, который определяется как популярный вкус, в сокращенном виде это имеет номинацию поп-вкус. Поп-вкус не имеет ничего подлинного со вкусом как эстетическим вкусом, идентификацией и оценкой эстетических ценностей. Он чаще апеллирует к фактам, к рейтингам, к цифрам, к всему набору социологических инструментов, которые образуют ту таблицу рангов, где происходит аранжировки имен, что наблюдается в современной массовой культуре.

На протяжении жизни последних поколений в советском и постсоветском пространстве моды произошло несколько постмодерных трансформаций. Первая трансформация — это преобразование нонконформизма в постнонконформизм — аналог игровых протестных аллюзий черного рэпа. Конечно, мода пыталась адаптировать в себе весь тот простор,

который уже в пределах народной эстетики или разрешенной сверху эстетики национального ленд-арта можно определить как ювенилизацию этнокультуры. Этот этап свидетельствует о второй трансформации — утилизации этноса к метаэкологичным, глобализационным императивам.

В 2000-е у поколения миллениалов возникает заангажированность национальным самосознанием, а с другой стороны — резко формируется желание опередить, даже более радикально работать в контексте тех постмодерных образных конструкций, которые осуществляют мастера моды на Западе. Эти две крайние позиции создают ту линию, которую можно обозначить как хай-тек в моде, как острый конструктивный и деструктивный перелом, а с другой стороны — как этнокультурный бум, как национальные ренессансы, которые весьма и весьма по-разному входят в пространство моды. Поиск метакультурных архетипов становится архетиповым.

В конце концов, можно сказать, что мода постсоветского периода существует в стадии «вторичного упрощения», она характеризует уже стадию трансавангарда, которую можно назвать постмодерной, что базируется на стадии «цветущей сложности», которая была сформирована в тоталитарной культуре. Фундаментальные формообразующие стратегии «цветущей сложности» отрицаются в соответствии с идеологемами и мифологемами посткоммунистической риторики, ведь имплицитно мода посткоммунистического общества является ее инерционной стадией.

В глобальном обществе, как показано в исследовании, будет регулироваться выбор уже по иным тенденциям — по наличию брендов, частной логистике и привлекательности экономического типа. Молодежь, имея практически онлайн-доступ, будет говорить о привлекательности культуры и уже не зависеть от возможностей регулирования моды. Социокультурное значение моды становится вторичным. Дополнительным направлением исследования в дальнейшем станет влияние трансграничной торговли и культурного обмена на восприятие молодежью модных тенденций и зависимости от культурологической обстановки в целом.

Библиографический список

- [1] Акименко Г.В. Из опыта организации самостоятельной работы студентов в рамках изучения курса "психология и педагогика" в медицинском университете // В сборнике: Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее сборник статей X Международной научно-практической конференции: в 3 частях. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 178–180.
- [2] Акименко Г.В., Михайлова Т.М. К вопросу о реализации личностного потенциала студентов медицинского университета в процессе освоения курса "психологии и педагогике" // В сборнике: Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 209–212. "Наука и Просвещение".
- [3] Заширинская О.В. Психогенез стилей общения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 2. – С. 206–216.
- [4] Galanin S.I., Korobeinikova L.S. Youth fashion and accessories of the XX–XXI centuries: appearance, materials, technologies // Design. Theory and Practice. – 2014. – No. 17. – P. 36–51.
- [5] Matsunaga L. The Corporate Brand: Toward an Anthropology of Branding // Enterprise as an Instrument of Civilization: An Anthropological Approach to Business Administration. / Editors: H. Nakamaki, K. Hioki, I. Mitsui, & Y. Takeuchi. – Tokyo: Springer Japan, 2016.
- [6] Li J., Zhong X., Li Y. A Psychological Decision Making Model Based Personal Fashion Style Recommendation System // Proceedings of the International Conference on Human-centric

Computing 2011 and Embedded and Multimedia Computing 2011: HumanCom & EMC 2011 / Editors: J.J. Park, H. Jin, X. Liao, & R. Zheng. – Dordrecht: Springer Netherlands, 2011.

- [7] Kopnina H. The World According to Vogue: The Role of Culture(s) in International Fashion Magazines // *Dialectical Anthropology*. – 2007. – Vol.31, No. 4. – P. 363–381.
- [8] Barrère C., Delabruyère S. (2011). Intellectual property rights on creativity and heritage: the case of the fashion industry // *European Journal of Law and Economics*. – 2011. – Vol. 32, No.3. – P. 305–339.
- [9] Goldsmith R.E., Stith M.T., White J.D. An Empirical Study of the Relationship Between Personal Values and Innovative Purchasing Behavior // *Proceedings of the 1989 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference* / Editor: J.M. Hawes. – Cham: Springer International Publishing, 2015.
- [10] Safonov V.A., Danilova V.N., Ermakov V.V., Vorobyov V.I. Mercury and methylmercury in surface waters of arid and humid regions, and the role of humic acids in mercury migration // *Periódico Tchê Química*. – 2019. – Vol. 16, No31. – P. 892–902.
- [11] Stankeviciute R. Occupation Fashion Blogging: Relation Between Blogs And Luxury Fashion Brands // *Global Luxury Trends: Innovative Strategies for Emerging Markets* / J. Hoffmann, I. Coste–Manière. – London: Palgrave Macmillan UK, 2013.
- [12] Минаков А.В. Роль иностранного инвестирования в активизации инновационной деятельности в условиях неопределенности // *Экономика и Предпринимательство*. – 2013, № 11–2 (40). – С. 47–50
- [13] Заширинская О.В., Турчанинов Е.Е. Сравнительный анализ психологических защит среди выпускников общеобразовательных и специальных (коррекционных) школ // *Научное мнение*. – 2017. – № 2. – С. 29–34.
- [14] Бондарева А.В., Федорова А.Н., Иуков Е.А. Глобализация: миф или реальность // В сборнике: *Инновационный конвент "Кузбасс: образование, наука, инновации"* Материалы Инновационного конвента. Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. – Новокузнецк: Сибирский государственный индустриальный университет, 2019. – С. 656–658.
- [15] Акименко Г.В., Валиуллина Е.В. Психология и педагогика: учебно–методическое пособие для обучающихся по основной профессиональной образовательной программе высшего образования – программе специалитета по специальности "Лечебное дело", Часть 2. – Кемерово: Кемеровский государственный медицинский университет, 2017. – 134 с.

References

- [1] Akimenko, G.V. (2017). From the experience of organizing independent work of students in the study of the course "Psychology and Pedagogy" at the Medical University. In *Science and education: preserving the past, creating the future collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference: in 3 parts* (pp. 178–180). Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.).
- [2] Akimenko, G.V., & Mikhailova, T.M. (2017). To the question of the realization of the personal potential of students of a medical university in the process of mastering the course "Psychology and Pedagogy". In *Science and education: preserving the past, we create the future collection of articles of the XI International scientific–practical conference* (pp. 209–212). Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.).
- [3] Zashirinskaya, O.V. (2010). Psychogenesis of communication styles. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2, 206–216.
- [4] Galanin, S.I., & Korobeinikova, L.S. (2014). Youth fashion and accessories of the XX–XXI centuries: appearance, materials, technologies. *Design. Theory and Practice*, 17, 36–51.

- [5] Matsunaga, L. (2016). The Corporate Brand: Toward an Anthropology of Branding. In Nakamaki, H., Hioki, K., Mitsui, I. & Takeuchi, Y. (Eds.), *Enterprise as an Instrument of Civilization: An Anthropological Approach to Business Administration*. Tokyo: Springer Japan.
- [6] Li, J., Zhong, X., & Li, Y. (2011). A Psychological Decision Making Model Based Personal Fashion Style Recommendation System. In Park, J.J., Jin, H., Liao, X. & Zheng, R. (Eds.), *Proceedings of the International Conference on Human-centric Computing 2011 and Embedded and Multimedia Computing 2011: HumanCom & EMC 2011*. Dordrecht: Springer Netherlands.
- [7] Kopnina, H. (2007). The World According to Vogue: The Role of Culture(s) in International Fashion Magazines. *Dialectical Anthropology*, 31(4), 363–381.
- [8] Barrère, C., & Delabruyère, S. (2011). Intellectual property rights on creativity and heritage: the case of the fashion industry. *European Journal of Law and Economics*, 32(3), 305–339.
- [9] Goldsmith, R.E., Stith, M.T., & White, J.D. (2015). An Empirical Study of the Relationship Between Personal Values and Innovative Purchasing Behavior. In Hawes, J.M. (Ed.), *Proceedings of the 1989 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference*. Cham: Springer International Publishing.
- [10] Safonov, V.A., Danilova, V.N., Ermakov, V.V., & Vorobyov, V.I. (2019). Mercury and methylmercury in surface waters of arid and humid regions, and the role of humic acids in mercury migration. *Periódico Tchê Química*, 16(31), 892–902.
- [11] Stankeviciute, R. (2013). Occupation Fashion Blogging: Relation between Blogs and Luxury Fashion Brands. In Hoffmann, J. & Coste–Manière, I. (Eds.), *Global Luxury Trends: Innovative Strategies for Emerging Markets*. London: Palgrave Macmillan UK.
- [12] Minakov, A.V. (2013). The role of foreign investment in enhancing innovation in the face of uncertainty. *Economics and Entrepreneurship*, 11–2 (40), 47–50.
- [13] Zashirinskaya, O.V., & Turchaninov, E.E. (2017). Comparative analysis of psychological defense among graduates of general and special (correctional) schools. *Scientific Opinion*, 2, 29–34.
- [14] Bondareva, A.V., Fedorova, A.N., & Iukov, E.A. (2019). Globalization: Myth or Reality. In *Innovation Convention "Kuzbass: Education, Science, Innovation" Materials of the Innovation Convention. Department of Youth Policy and Sports of the Kemerovo Region* (pp. 656–658). Novokuznetsk: Siberian State Industrial University.
- [15] Akimenko, G.V., & Valiullina, E.V. (2017). *Psychology and pedagogy: a teaching aid for students in the main professional educational program of higher education – specialty program in the specialty "General Medicine"*, Part 2. Kemerovo: Kemerovo State Medical University.

Получена / Submitted: 10/07/2019

Доработана / Revised: 02/08/2019

Принята к публикации / Accepted: 16/08/2019

Подписано в печать 16.09.2019. Формат 60х90 1/8.
Уч.-изд. л. 11,06. Усл. печ. л. 16,72. Тираж 500. Заказ № 1672
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.